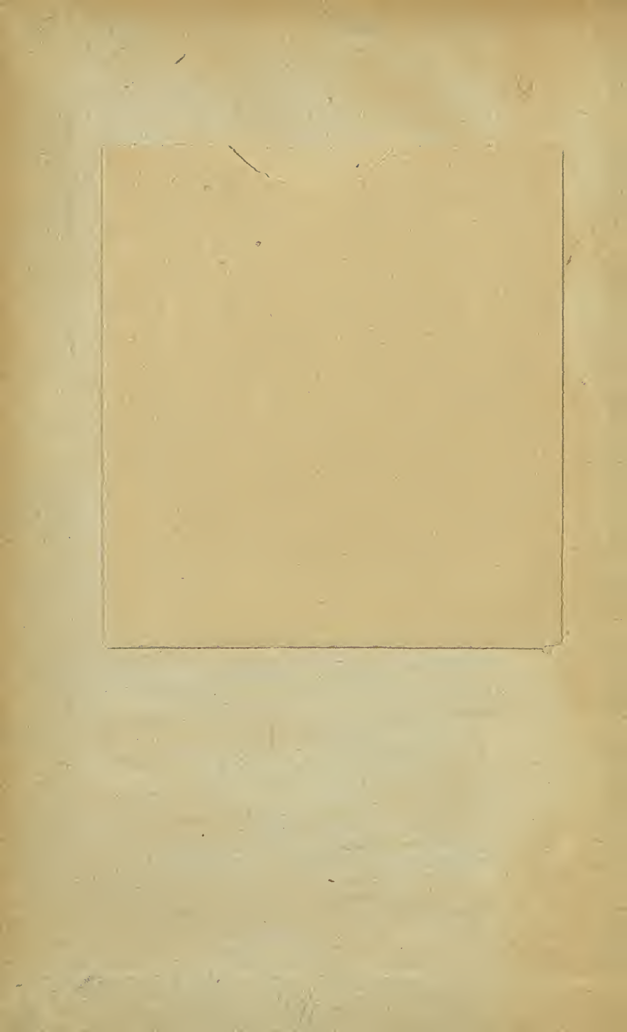
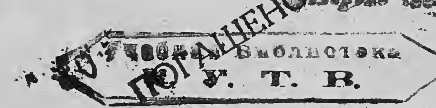

ВЕРА ВЛАДИМИРОВА

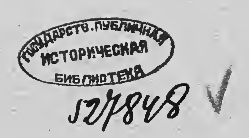
ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

I. ВОЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ

II. ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ В СИБИРИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА - 1924 - ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии
изд. „Молодая Гвардия“.
Ленинград, В. О., 5 лин.,
д. 28. В колич. 5.000 экз.
Ленинградский Гублит.
№ 9835.

I

ВОЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Посвящаю светлой, незабвенной памяти мужа моего Владимира Михайловича Сафьянникова и всем тем, которые шли безымянные и погибали без памятников.

Глава I

ТОМСК

Избиение рабочих 9 января 1905 года послужило как бы толчком к разразившейся буре. По всей России прокатываются стачки протеста рабочих и волны террористических покушений. А с 18 января один за другим бастуют и закрываются университеты и происходят уличные демонстрации учащихся.

Томск, где в это время я кончала гимназию, не имел крупной промышленности и пролетариата и был, в общем, мещанским городом. Во главе революционных движений 1905 г. там шло студенчество. Первое мое воспоминание относится к студенческой демонстрации 18 января 1905 г. Я была в 8-м классе; нас в этот день заперли после уроков в гимназии. Оказалось, казаки избивали на главной улице студентов-демонстрантов *). Наконец нас выпустили, и по дороге домой я видела группу арестованных студентов, которые, выставив окно в верхнем этаже губернского правления, пели революционные песни.

*) Было убито 2 чел., 16 ч. ранено тяжело и 50 легко.

1*

Далее наиболее яркие мои воспоминания о революции 1905 года относятся к октябрю, когда началась всеобщая стачка железнодорожников. Так как конторские служащие отставали от ж.-д. пролетариата и часть их не хотела бастовать, то в управлении жел. дор. была произведена химическая обструкция *). И наконец вспыхнул бурный период открытых митингов в здании театра. Митинги длились до 12-и часов ночи, театр был битком набит народом. Атмосфера на собраниях была страшно напряженная, так как ждали нападения полиции. И действительно, катастрофа скоро разразилась.

20 октября группа переодетых полицейских и хулиганов собралась у здания полицейского управления и оттуда, с портретом царя, двинулась по Почтамтской улице к управлению жел. дор. По пути они убивали всех, кто походил на рабочего и студента. Публика, шедшая впереди, бросилась бежать, и так как магазины закрыли, то масса народа забежала в здание управления жел. дор., надеясь там спастись. В этот же день со всей линии жел. дор. туда собрались артельщики и другие служащие за получением жалования. Получилось огромное скопление людей. Служащие управления вызвали, как охрану, вооруженную народную милицию, которая пришла в числе 50 человек рабочих и студентов. Двери здания забаррикадировали.

Между тем хулиганы отслужили на площади перед зданием управления жел. дор. молебен. Архиерей Макарий и губернатор Азанчеев-Азанчевский обратились к ним с призывом сжечь забастовщиков-железнодорожников. Губернатор вызвал регулярные войска и казаков, которые окружили площадь, а погромщики развели костры.

Было 6 часов вечера. Видя, что события принимают грозный оборот, народная милиция вышла и хотела под

*) Брошена банка с ядовито пахнущей жидкостью, которая распространила запах на все 3-этажное здание. Подобные обструкции были тогда в моде.

своим прикрытием дать разбежаться публике. Но как только между ними и хулиганами началась перестрелка, войска открыли по милиции и по всему зданию огонь. Наступила жуткая ночь. Погромщики бросали в окна головни. Здание горело. С третьего и со второго этажа кидались обезумевшие люди; в них стреляли солдаты, как только они показывались в окнах. Если же они успевали выброситься, внизу их избивали до смерти хулиганы.

Мы близко жили от пожара. Здание и огонь были видны в наши окна, и этот грандиозный ауто-да-фе *) производил потрясающее впечатление своим молчаливым ужасом. К утру пожар затих. Начался погром, который продолжался до 23 октября. По частным сведениям, сгорело и было убито свыше 1,000 человек; по официальным же сведениям, взятым из донесений полицейских участков, обгорелых костей найдено от 100 человек, убитых 149, избитых и доставленных живыми в больницы 197. Трупами были заполнены все амбары, часовни и комнаты городской больницы; они лежали под ряд на полу, изуродованные до неузнаваемости. Всем было известно, что шествие хулиганов, сожжение железнодорожников и дальнейший погром были организованы полицией. Даже томское «благородное собрание» — гнездо черносотенцев—устыдилось содеянного и исключило из своих членов губернатора Азанчеева-Азанчевского и полицеймейстера. А железнодорожники долго катали Азанчеева-Азанчевского от Томска до Тайги и обратно, не пуская его дальше, когда после пожара он хотел уехать в Петербург.

Пожар произвел первый перелом в моем мировоззрении, вызвал симпатии к революционным протестантам и вражду к самодержавию. До того времени я возмущалась социальным неравенством, читала книги по

*) Торжественное сожжение еретиков в Испании во времена инквизиции.

истории религий и по буржуазной политической экономии (о марксистской литературе я не имела представления), но политически была совершенно нейтральна. После пожара я начала заниматься в воскресной школе, одной из легальных возможностей того времени. Социалистическое студенчество захватило школу в свои руки, и правление ее состояло из с.-р. и с.-д. Там читались лекции, велись собеседования и завязывались связи с рабочими, ремесленниками. Там же находили приют некоторые нелегальные собрания, революционая литература и проч. Среди населения эта воскресная школа пользовалась популярностью; с другой стороны, жандармы несколько раз производили в ней обыск и арестовывали отдельных лиц.

Мне воскресная школа дала два интересных знакомства. Одно—с Олей, как мы условились ее называть, и другое—с Пашей. Оля—деревенская девица лет 23-х, огромного роста, неуклюжая, рябоватая — служила в горничных. Паша—солдатка-прачка. Она разошлась с мужем и была совершенно одинока. Насколько Ольга дышала молодостью и удалью, настолько Паша был человек, сильно помятый жизнью. Она стремилась к знанию и отказывала себе во всем, чтоб скопить гроши, которые она получала от стирки, на ученье. Ей было лет 30. Обе они впоследствии вели работу по пропаганде среди войск и казаков.

Чем больше в воздухе пахло кровью, чем больше со всей России неслось известий о волнениях среди рабочих и крестьян и о кровавых расправах правительства, тем меньше удовлетворения давала мне воскресная школа. Я не помню: закрыли ли школу жандармы или в результате неудовлетворенности я из нее ушла.

Весною 1906 г. (мне было тогда 18 лет) я встретила двух моих гимназических подруг: Калю Колесникову и Родионову, которые пригласили меня вступить в только что организовавшийся нелегальный с.-д. кружок слесарей. Особенно ярко я помню собрание нашего кружка

перед пасхой, во 2-м этаже полуразвалившегося деревянного домика на берегу Ушайки. Был вечер, река только что тронулась, и толпы народа шли берегом со свечами. Окна комнаты были открыты. Пропагандист не пришел. Сидело человек 10 рабочих и я. Один из рабочих только что вернулся из ссылки, и мы слушали его рассказы. Комната, где мы собрались, была поистине пролетарская. Скамья, две табуретки, стол и кровать с какими-то лохмотьями—составляли всю ее мебель. Хозяин комнаты, рабочий, член кружка, был тут же.

Семья, где я воспитывалась, жила очень бедно. За самостоятельный заработок нам почти всем пришлось браться с 12-и лет. Да к тому же мы были незаконнорожденные, и поэтому в гимназии мне приходилось сторониться от подруг и студентов. В результате я очень недолюбливала эту публику и от всех их кружков сторонилась. Теперь, попав к рабочим, я видела тоже нужду; чуждаться мне не было причин, и я охотно доверяла тому, что слыхала на наших собраниях, хотя не обходилось и без споров.

Зойдя в слесарный кружок, я в то же время начала брать для передачи солдатам литературу и прокламации. Паша, моя приятельница, жила и стирала в казармах. Она хорошо знала многих солдат и охотно взялась со мной за это дело. По ее словам, солдаты расхватывали прокламации и брошюры, очень интересуясь ими. Летом 1906 года наша семья уехала на железнодорожные дачи, в 3-х верстах от города. На день мы все (мать, я и сестры) ходили на службу в город и возвращались часам к 5-и. Так как солдат перевели в лагери, рядом с железнодорожными дачами, Паша передала связь с солдатами мне. Ко мне приходил один солдат за прокламациями. Однажды он прибежал и сообщил, что у них бунт, прогнали офицеров и собрали большой солдатский митинг, но нет никого из партии. Я дала ему адрес в город, и к ним сейчас же приехали два това-

рища. Был выработан ряд требований, часть которых была, как помнится, удовлетворена.

Под осень я с'ездила на неделю в с. Протопопово, где устроились мои подруги по слесарному кружку: Каля Колесникова и Родионова. Протопопово расположено в большом хвойном бору. Мать Родионовой, содержавшая игрой на рояли довольно многочисленную семью, сняла там дачу, а моя подруга отвоевала себе отдельную избу, куда к ней приехала гостить Каля Колесникова. В этой избе они разложили нелегальные брошюры и газеты, и вечерами к ним приходили крестьяне, которым они и читали вслух. С ними я ездила грести сено у «своих» крестьян.

Зимой 1906 года я стала членом нелегальной большевистской организации и была назначена в портновский район, который насчитывал человек 20—25 партийцев. Район руководил стачками, вел пропаганду и т. д. Мы собирались в различных местах. Каждый раз к концу собрания нам сообщали новый адрес. Обычно мы решали ряд текущих вопросов, говорили о работе, потом слушали доклад пропагандиста. Дольше всех с нами занимался пропагандист Фишенька *), которого все мы очень уважали. Кроме очередных собраний, у нас устраивались партийные явки. Выбиралась людная улица или сад, туда приходили гулять все члены партии и из других районов. Здесь незаметно говорили о делах.

Всю зиму 1906—907 г. я работала среди ремесленников. У меня были большие знакомства среди портных, слесарей, шорников, чулочниц, часовщиков, монопольщиц. Все они жили в маленьких комнатушках, в грязных дворах—буквально в трущобах. Немного лучше жили часовщики. А работницы винной монополии, которые получали по 9, 12 и 15 руб. в месяц, большею частью совсем не имели своих комнат и жили в углах.

---

*) **Порфирий Казанский.**

Между тем Оля, которая часто бывала у меня, завела знакомства с казаками. Она начала передавать им литературу, а меня познакомила с двумя, из которых один оказался очень дельным. Через него мы вели дальнейшую работу в сотне.

Первый раз я очутилась в тюрьме в 1907 году в начале апреля. Мне было тогда 19 лет. Наш портновский район был привлечен к работе по выборам во II Госуд. Думу. Членов района разбили по месту жительства и смешали со студентами и членами других районов, живших в тех же местах. Группа, в которую попала я, собиралась в студенческом общежитии около университетского сада. На первом заседании кварталы нашего участка были поделены между собравшимися, и каждый должен был обойти 2—3 своих квартала, заходя с агитацией за с.-д. список (большевики и меньшевики шли в одном списке) в каждую квартиру.

Мы решили итти по двое. Моей товаркой была портниха. Мы заходили в каждую квартиру и уговаривали голосовать за наш список. Но благоразумно от дверей не отходили, несмотря на приглашения. И действительно, в одной квартире хозяин выскочил и успел хватить мою товарку два раза по спине кулаком. Но в большинстве квартир, если мне не изменяет память, нас встречали с большим удивлением и почти молча, — может быть, боясь.

Дальнейшая наша работа должна была заключаться в разброске прокламаций ночью в своих кварталах. Тут мне не удалось найти спутника, и я, для храбрости, взяла с собой свою младшую сестру—Люлюшу. Ей было 17 лет, но она была ненормально маленького роста и на вид имела не более 11—12 лет. Мы тщательно заканчивали свои кварталы, наверное часов в 12 ночи, когда раздался свист, и 2 конных и 1 пеший городовых нас арестовали. Они потребовали у нас оставшуюся пачку прокламаций и повели в участок. Оказывается, они ехали

на некотором расстоянии и собирали прокламации, которые мы клали на скамейки и в дверные ручки.

Вид у нас был, вероятно, очень несолидный, так как дежурный околоточный надзиратель сразу встретил нашего конвоира криком, что он, наверно, спьяну ребят на улице арестовал. Сестру мою сейчас же отправили к родителям под конвоем полицейского, меня же повели в «клоповник». Это—грязная, зловонная камера в подвальном этаже, где обыкновенно высыпались пьяные проститутки.

На этот раз здесь сидела одна пьяница-старуха, ободранная и грязная. Она встретила меня руганью, и я напрасно старалась ей раз'яснить, что такое избирательная кампания. Со мной она примирилась после того, как я попросила ее унести на завтра моим сестрам кинжал, который был при мне. Я боялась, что за кинжал, на который я не имела разрешения, мне придется поплатиться. Кинжал она взяла с собой, и он, конечно, исчез. Под утро в соседней комнате начался шум, послышались революционные песни, и вскоре началось постукиванье в стену моей камеры. Оказалось, по соседству со мной сидело человек 10 наших рабочих и студентов. Они узнали про меня от городового.

Часов в 10 утра меня увели в тюрьму. В общей камере нас было только 4 политических. Среди уголовных особенно несимпатична была мне одна приказчица, которая вечно визжала, говорила о кавалерах и не давала заниматься. Позднее выяснилось, что она, как и ее муж, служили в охранном отделении, и по доносу ее мужа меня впоследствии арестовали. Я начала присматриваться к другим камерам. Из товарищей, в них сидевших, интересными была Елена Прейс *) и Варвара Але-

*) Елена Прейс приехала в Томск в дек. 1905 г. в типографию Сибир. союза, а 6 янв. 1906 г. была арестована вместе с типографией по провокации сапожника Ивана Терентьева. По этому же делу были арестованы: Наташа Михайлова, Филипп Виноградов и бабушка Орешникова (кр.). Их судили в мае 1907 г. Елену приговорили к ссылке на поселение, а остальных к крепости.

ксандровна Васильева (партийная кличка—Стоянова), бежавшая из ссылки. Стоянова и ее муж стояли одно время во главе томской большевистской организации.

После двухнедельного ареста все арестованные за избирательную кампанию были выпущены из тюрьмы. Репрессии и аресты, которыми окружила полиция выборы, дали определенный результат: избранными оказались исключительно кандидаты прогрессивного блока. Наш список провалился.

Вскоре по освобождении я вступила в военную организацию. Работа в войсках велась многими товарищами, часто даже не знакомыми друг с другом. Чувствовалась потребность оформить эту работу, об'единиться. Первое собрание, на котором я присутствовала, состоялось во 2-м студенческом общежитии, в комнате В. М. Сафьянникова. Собралось 16 человек—студентов и технологов. Было много споров, но после 3-часовой беседы выяснилось, что связь с солдатами была только у двух товарищей: т. Сафьянникова, который два раза в неделю занимался с кружком солдат, и т. Померанцева, к которому солдаты приходили почитать газетку, побеседовать. После 2 — 3 говорливых собраний как-то само собой образовалась активная группа, в которую входили Померанцев, Сафьянников, Анатолий Куйбышев, Юрий Краузе и еще несколько товарищей. Все члены этой группы так или иначе непосредственно соприкасались и активно работали среди войск.

Еще зимой, при помощи моего друга Оли, я посылала казакам брошюры и прокламации, а иногда и назначала им явки на улице. Но после моего выхода из тюрьмы устраивать подобные переговоры с казаками, ведшими пропаганду в своей сотне, было опасно. А поговорить было необходимо. Я с приятельницей решили проникнуть на казачий бал. Сотня, которая стояла в Томске, была очень черносотенной. Так как в солдатских массах то и дело вспыхивали бунты и шло глухое брожение, то на эту сотню казаков возлагались прави-

тельством большие надежды. И потому спропагандировать казаков было особенно для нас важно.

Помню, с каким трудом пропускали постороннюю публику на этот бал. Нас опрашивали три раза и только благодаря типичной наружности моей подруги, ее напомаженным волосам, розовой ситцевой юбке и кофте и своеобразному кокетству неуклюжей деревенской девицы, нас пропустили сквозь первую заставу. А дальше нас встретили знакомые казаки.

Барышни в голубых, розовых, желтых ситцевых платьях с кружевцами толпились в одной стороне, казаки заполняли другую часть зала. Вышел какой-то казачий офицер, произнес патриотическую речь и велел начинать танцы. Казаки что-то прокричали в его честь. Заиграла музыка. В низком зале вертелись многочисленные пары с потными, сосредоточенными лицами, а мы «под шумок» разговаривали с казаками. Тут же я передала им связь с военной организацией, так как сама собиралась уезжать.

Работа в сотне скоро принесла некоторые положительные результаты. Военная организация решила устроить солдатский митинг. На него сошлось более 100 человек. Собрание происходило в лесу, в овраге, за жел.-дор. дачами. Полиция пронюхала об этом собрании. Но арестовать никого не удалось. Обычно, для подобных арестов употреблялись казаки. Наши товарищи в сотне, узнав о приказе, успели предупредить пикеты, и бывшие на митинге солдаты моментально разбрелись по лесу в разные стороны. Я не была на этом солдатском собрании, так как у нас было в университетском саду собрание портновского района.

Был весенний солнечный день. Вдруг прибегает к нам в кусты товарищ и говорит, что вооруженная сотня помчалась по направлению лагерей. По тому времени это пахло расстрелом многим из участников митинга и каторгой или дисциплинарными ротами другим. Мы, страшно взволнованные, кинулись с двумя товарищами

по направлению лагерей. Но не успели дойти до конца построек, как навстречу покалась сотня, ехавшая обратно шагом. Интересно было то, что в последних рядах проехавшей сотни человек 8 сняли шапки и поклонились мне. Я заметила, что лица у многих казаков были веселые.

Во всяком случае мы все трое очень обрадовались и стали бродить по окраине, поджидая известий. Через некоторое время подошли с букетами цветов два бывших на митинге товарища, и рассказали о происшедшем. Однако приветствие казаков показалось мне рискованным. Я отправилась скорее домой, так же, как и другие товарищи. Здесь мы с моим верным другом Люлюшей начали старательно прятать брошюры, рвать адреса и письма.

Едва мы кончили эту работу, как услыхали громкий хохот и аплодисменты. Бросились к окну, и что же видим! От ворот к нашему дому, стоявшему глубоко во дворе, бежит претолстый пристав, затянутый в мундир, красный от жары и напряжения. Бежит и бросает бешеные взгляды на верхний этаж. Он далеко оставил позади себя жандармов и полицейских. А студенты, которых много было в комнатах верхнего этажа, аплодируют ему, свистят, хохочут. Кто-то кричит: «Господин пристав, тише, ради бога, с вами будет удар!» и т. д. В этот момент я вспомнила, что не успела уничтожить письмо, полученное мною от товарища Шуры (портнихи), которая уехала работать в Красноярск в нелегальную типографию. Письмо было послано с товарищем, и в нем Шура сообщала мне адрес типографии на случай надобности. У меня волосы стали дыбом, я бросилась к столу, но было поздно. Пристав влетел в комнату.

Опять выручил наш несолидный вид. Двое жандармов зашли в нашу комнату, посмотрели на пристава, возившегося в наших столах, на нас, и, очевидно, решив, что обыск относится не к нам, отправились в соседнюю комнату, где сидела моя мать. Жандармам, очевидно,

она показалась подозрительной. Они, сев напротив, не спускали с нее глаз во все время обыска. Брат-студент, прибежавший на обыск, сейчас же закурил папироску с единственным городовым, оставшимся в нашей комнате, и повел с ним разговор вполголоса. Я с Люлюшей, видя благоприятную обстановку, кинулись к приставу и давай ему трещать в оба уха. Мы схватывали груды учебников, тетрадей, об'ясняли, спорили, показывали... Напрасно он отмахивался то от одной, то от другой, сердился, говорил, что он и без нашей помощи все просмотрит... В один из моментов, когда пристав, окончательно рассвирепев, накинулся с криком на Люлюшу, я выдернула нужное мне письмо, которое давно уже заметила. Брат, наблюдавший за нашими маневрами, незаметно подошел и, взяв письмо, спокойно вышел. Таким образом, обыск кончился совершенно благополучно. В этот день обыски производились по всему городу, и вскоре оба общежития студентов были закрыты.

Так наша военная организация получила свое первое крещение. Одновременно в городе существовала военная организация с.-рев. Мы решили установить с ними связь. Тут, в связи с с.-р., я кратко остановлюсь и на томских меньшевиках.

Бо́льшая часть рабочих-ремесленников, из которых состояла нелегальная с.-д. организация в Томске, примыкала к большевикам *). Студенчество примыкало к нам в своей боевой—пролетарской части, но лучшие ораторы на студенческих митингах, Ильинский и Гац, были меньшевиками. Им же сочувствовала и часть рабочих-типографщиков. Отношения у обеих групп были довольно враждебные. Так, про лидера томских меньшевиков «Валентина» (делегат на одном из партийных с'ездов) говорили, что он лезет в подворотню при встрече с большевиками, чтобы только не здороваться с ними

*) Портновский и слесарный районы.

и тем не навлечь сомнения у жандармских властей в своей лояльности.

Что касается с.-р., то они представляли самый цвет студенчества в смысле шума, блеска, ораторских выступлений и щеголеватой наружности.

Всех главарей эс-эровской организации я знала по их митинговым выступлениям, когда мне пришлось отправиться однажды к ним с какими-то переговорами от нашей военной организации. Ко мне, помню, вышел Келерман, осыпал меня градом фраз с огромным апломбом. В результате мы согласились помочь им устроить побег товарища Ника с военной гауптвахты. Ник—с.-д. большевик, участвовал в красноярском военном восстании, будучи там солдатом, бежал и жил одно время в Томске под чужим именем. В Томске его арестовали, и он сидел на военной гауптвахте в отдельной камере. Ему угрожал расстрел. Ника никто не знал в городе, но через солдат караульной команды ему удалось связаться с с.-р. военной организацией, и они обещали устроить ему побег. Мы приняли деятельное участие в этом деле. Помню беготню за пилками, совещания с Юрием Краузе и Анатолием Куйбышевым, устраивавшими побег, волнения и проч.

Дело было так. Ник сидел в нижнем этаже деревянного дома. Камера его выходила на улицу. Так как здание стояло на углу, то часовой ходил с одной улицы на другую, и таким образом временно окно снаружи оставалось без присмотра. Было условлено, что я приду на свидание к Нику в качестве невесты и передам ему мешечек с сахарным песком и еще другой с чем-то. В них по швам были вклеены пилки. Свидание от дежурного офицера я получила легко. Меня ввели в соседнюю комнату. Тут я очутилась в затруднительном положении: в комнате сидело трое солдат. Я вспомнила, что ведь Ник должен быть в военной одежде и, таким образом, отличить я его не смогу, так как никогда его прежде не видела. Но не успела я осмотреться, как один

из солдат кинулся пожимать мне руки—это и был Ник. Я благополучно передала ему кульки, которые конвоир слегка посмотрел, и удалилась.

К своему посещению Ника я относилась как-то не серьезно. Я не думала, что у него хватит духу бежать. На другой день я была до нельзя удивлена, когда мне на явке в Университетском саду сообщили, что Ник бежал в 2 часа дня и благополучно скрывается в студенческом общежитии (тогда еще не закрытом) у В. Сафьянникова.

Побег произошел так: ночью Ник подрезал решетку и весь день ждал, когда часовой уйдет за угол и не будет прохожих. А за углом сидел товарищ в двух плащах и с запасной шляпой. Наконец, в 2 часа дня Ник выскочил в окошко, быстро дошел до угла, накинул плащ и на извозчике с товарищем уехал в общежитие. Его побег заметили сейчас же, началась погоня. По улицам скакали вооруженные полицейские и казаки. Сделали обыск у невесты Ника, фамилией которой я воспользовалась. У меня обыска не было.

Как я узнала, с.-р. сделали засаду и хотели отбить Ника в случае погони вооруженной силой. Это устраивала боевая с.-р. дружина, из которой я знала лишь одного технолога-грузина и в которую, конечно, не входили «блестящие» эс-эровские руководители.

В начале июня я решила поехать в Россию, поработать там. Меня тянуло в военную крепость, так как надежда на вооруженное восстание среди войск и захват власти таким путем в то время казался нам почти единственным выходом. Это мнение поддерживали восстания в войсках, вспыхивавшие то здесь, то там. Я могла воспользоваться бесплатным билетом, и выбор мой остановился на Кронштадте или Севастополе. Билет легче было достать в Севастополь. Туда я и поехала.

Глава II.

ЛЕТО 1907 г. СЕВАСТОПОЛЬ

Севастополь, главный порт южного побережья Крыма и самая большая черноморская крепость, был в то время полон жизни. В бухте стояли десятки военных и торговых судов. В городе текла кипучая жизнь. Улицы наводняли толпы матросов, рабочих и ремесленников.

Вечером я отправилась с чулочницей, к которой у меня была явка, на общепартийное собрание. Там меня окружили севастопольские товарищи. Со свойственной южанам экспансивностью меня расспрашивали и рассказывали мне несколько человек сразу. Мелькали только черные глаза, смуглые лица и быстрый говор новых товарищей. Я выразила желание работать в качестве пропагандиста в военной организации, и вопрос обо мне был решен. Дело в том, что военная организация в Севастополе очень конспирировалась, и в рабочие ячейки члены ее уже не могли входить. Организация имела свои особые явки и собиралась самостоятельно. Связью с общей организацией служил один товарищ, входивший в партийный комитет, да изредка, на общих собраниях всей партийной организации, бывавших только в особо важных случаях, могли частично присутствовать члены военной организации.

В то время в общегородской партийный комитет от военной организации входил Федор Федорович Насимович,

партийный профессионал, присланный из Москвы. Это была исключительная по своей красоте и одаренности личность. Родился Федор в 1887 году 9-го июня. Окончил в 1904 году четырехклассное нижегородское училище, затем в 1905 году окончил электротехнические курсы в Москве. В партии Федор начал работать с 16-и лет. Первый раз он был арестован в Москве за участие в уличной демонстрации 5 и 6 декабря 1904 года и сидел два месяца в тюрьме. Затем он в 1905 г. в Москве принимал активное участие в организации всеобщей забастовки железнодорожников. В декабре 1905 года он принимал активное участие в декабрьском восстании, состоял в боевой дружине и подвергся обстрелу в поезде дружинников под начальством машиниста Ухтомского, принимая таким образом активное участие в этом знаменитом эпизоде.

Второй раз он был арестован в Питере, в июне 1906 года, где работал в военной организации большевиков. Он просидел в Крестах 6 месяцев, и 22 марта 1907 года был выпущен. Весной 1907 года он приехал в Севастополь, куда его командировал в качестве профессионала московский комитет большевиков для постановки работы военной организации. В тот момент, когда мы с ним встретились, он был настолько развит, обладал такой эрудицией, что быстро побивал в спорах и партийную интеллигенцию, и рабочих металлистов, которых много наезжало тогда в Севастополь и из которых многие были далеко не молоды и имели большое революционное прошлое.

Но кроме исключительной одаренности Ф. Ф. Насимович был высоко моральной личностью, чуждою компромисов и каких бы то ни было эгоистических устремлений. Его не останавливали никакие лишения и жертвы. Денег в организации и в Москве, и в Севастополе было мало, получал Федор ничтожную сумму, однако не соглашался взять даже урок, считая, что его время

целиком принадлежит партии. Обычно его дневной пищей был стакан бузы и бублик—он жестоко голодал.

Работа в Севастополе у Насимовича действительно была огромной. Он руководил и пролетарской, и военной организациями (у последней была своя газета). Так как Севастополь в то время имел большое пролетарское и военное бурлящее и волнующееся население, понятно, что для партийного профессионала работы там хватало.

Лично для меня встреча и дружба с ним имела колоссальное значение: она произвела перелом во всем моем нравственном облике. После Севастополя я решила всецело отдаться революционной борьбе, порвав с семьей и дальнейшим учением в университете.

Теперь перейду к эпизодическому рассказу. Военная явка была назначена мне в одном из севастопольских тоннелей. Здесь я впервые познакомилась с Ф. Ф. Насимовичем. На вид он был худенький, небольшого роста, старообразный от постоянного недоедания, человечек. Но огромные ясные синие глаза производили впечатление концентрированной жизни и железной воли.

Переговорив с несколькими другими товарищами, гулявшими по тоннелю, он предложил мне пройти с ним на матросское собрание. В ложбинке, в кустах сидело человек 15 матросов. Федор говорил им о программе большевиков. Я взяла на себя раз'яснение аграрного вопроса, так как много читала на эту тему.

Работа среди матросов в тот момент подвигалась очень туго, так как недавно были неудачные восстания во флоте. Все же не задолго до моего приезда удалось собрать несколько больших митингов, на которых, по словам Федора, особенной любовью пользовались выступления тов. Нины Островской. Но далее, после частичного провала одного из митингов, наступила полная реакция, и все лето 1907 г. матросы собирались туго. Еще раза два мы позволили себе с Федором роскошь и вдвоем выступали на матросских собраниях, которые

устраивались после поверки прямо в спальнях береговой команды, конечно, у своих ребят; потом нам работу пришлось разделить.

Войск в Севастополе было много, а пропагандистов не хватало. Меня назначили работать в Брестский и Белостокский пехотные полки. Полки эти состояли из крестьян и преимущественно украинцев. Рабочих в них было мало. В противовес матросам, которые принадлежали к рабочей интеллигенции, солдаты Брестского и Белостокского полков выглядели диковато. Но зато в полках у них бурлило страшное недовольство, и мне весь июль и начало августа приходилось напрягать все силы, чтоб остановить их стихийное, неорганизованное выступление*).

Дело в том, что ни у с.-р., которые имели там также связи, ни у нас хорошей организации в этих полках не было. Но с.-р. слепо надеялись на поддержку батарей и матросов, мы же отлично понимали, что матросы сейчас выступить были не в состоянии. Переговоры и борьбу по этому вопросу с с.-р. организацией вел Федор.

Местом явок и собраний я назначила Исторический бульвар—большая запущенная роща на склоне горы у окраины города. Обычно, с 12 час. до 2-х я приходила на условленную скамейку, в самую отдаленную часть сада. Сюда ко мне приходили ответственные организаторы из полков. На обязанности их лежало сбор митингов, подыскивание новых, надежных товарищей во взводах и отделениях, распространение литературы и т. д.

Сначала на явку приходило 3 человека, потом их набралось до 8-и. На явку допускалось возможно меньше народу и только наиболее надежные. Здесь мне передавали новости полка, настроение, корреспонденцию для нашей газеты. Здесь же мы, сидя по двое—трое,

---

*) В ночь на 15 сентября в этих полках вспыхнуло восстание. Закончилось неудачно.

обсуждали всевозможные текущие вопросы. С 2 часов начинались массовки. Сначала они были немноголюдны, но с каждым днем, под напором снизу, их приходилось увеличивать. Дошло до того, что ежедневно собиралось в трех разных местах, в зарослях, человек по 40. Тихонько, как мыши, сидят солдаты. Придешь в одно место, сделаешь доклад, в большинстве случаев на тему против самодержавия и его «прелестей», ответишь на наболевшие вопросы и переходишь в другое место.

В начале августа настроение становилось все грозней, массовки многолюдней, на явку ходило много народу. Федору и еще одному товарищу пришлось прийти на помощь ко мне. За Историческим бульваром началась слежка, пришлось явки и массовки перенести в другое место. Вдобавок ко всему я провалилась. Надо было уезжать...

Теперь вернусь несколько назад и расскажу о своей личной жизни в Севастополе. Я жила во дворе одного из рабочих кварталов. Он представлял собой четырехугольник, окруженный одноэтажными зданиями, примыкавшими друг к другу. Квартиры большею частью состояли из одной—двух комнат, битком набитых рабочими семьями. Тут же, в углах ютились побиравшиеся старики и старухи. Вся эта публика жила очень бедно, питалась большею частью картошкой и помидорами. Нищета и вечная борьба за кусок хлеба несколько сглаживалась общительностью между женщинами. Меня поражало то радушие и простота, с которой они без конца брали в долг и давали друг другу картошку, помидоры и проч. Ночью все семьи спали на дворе и почти весь двор был застлан постелями. Я занимала комнату за 4 рубля у прачки и с ее дочерью тоже спала обычно на крыльце. Второе поколение— рабочая молодежь—было значительно интеллигентней своих отцов и если жило одно, то и материально было лучше обеспечено. Я была в приятельских отношениях с Феней, хозяйской дочерью, начинающей портнихой и

с Андреем и Шурой—рабочими-слесарями, жившими у нас во дворе, боевиками-анархистами.

Большую часть своего времени я проводила не дома. Раз в неделю у нас были собрания военной организации, у рабочего-металлиста, жившего в цыганской слободке.

Собрания наши были деловые. Кроме штатских, на них присутствовало 3—4 военных. Но больше 8—10 человек на них не бывало. На одном из этих собраний, неожиданно для меня, Федором был поднят вопрос об исключении меня из партии или наложении строгого выговора, в случае смягчающих обстоятельств.

Дело было в следующем: в Севастопольской тюрьме сидел Никита Кабанов *) (Антонов-Овсеенко), большевик. Он был арестован на собрании военной организации Р. С.-Д. Р. П. Севастополя и по суду получил 20 лет каторги. Его скоро должны были увозить. Московский Комитет решил устроить ему побег и для этой цели из Москвы был прислан некий товарищ Владимир. Побег было решено устроить следующим образом: во время прогулки арестованные политические должны были бросить в глаза часовому табак, и, пользуясь его замешательством, Кабанов мог кинуться к стене, через которую в этот момент должна была быть переброшена веревочная лестница. Исполнителями побега были назначены тов. Иванов Николай (севастопольский рабочий, большевик) и Петр Шиманский. Кроме того, стоял ряд пикетчиков, которые получали знаки из окон тюрьмы от невышедших на прогулку о том, что на прогулку вышли, что табак брошен и т. д. Знаки были поданы, тов. Иванов перебросил тяжелую веревочную лестницу, а т. Шиманский—две веревки с узлами на тот случай, если кто-нибудь из присутствующих не выдержит характера и тоже бросится бежать. Но в этот момент подается сигнал, что в тюрьме тревога, побег не удался—

*) Пишу об этом со слов тов. Иванова.

надо удирать. Тов. Иванов и Шиманский стаскивают свои доспехи со стен и преспокойно удаляются.

Такова история первой неудавшейся попытки. Недели через три решено было устроить вторую. На этот раз в устройстве побега решили принять участие и местные анархисты, так как к этому времени привезли из Одессы несколько смертников для казни, среди которых были и анархисты. Решено было взорвать тюремную стену во время прогулки арестованных. С помощью минеров сорганизовали снаряд для взрыва. Исполнителями были тов. Иванов и один анархист. Они подложили и взорвали снаряд. Во время взрыва севастопольские анархисты, известные под лозунгом «свобода внутри нас», должны были поднять беготню и стрельбу в противоположной части улицы, чтоб отвлечь внимание от бегущих. Однако, до этой стрельбы не дошло, так как взрыв произошел великолепно. Сбросив подпиленные заранее кандалы и отстреливаясь, убежало до 20-и человек. Тов. Иванов и др. участники благополучно скрылись. Арестован был лишь тов. Шиманский, бывший на этот раз сигнальщиком, но и его через несколько часов выпустили. Это было 15 июня. Многие из арестованных несколько дней бродили в окрестностях, не имея пристанища, кажется, в том числе и тов. Кабанов, но потом все устроилось. Только один из бежавших был в эту же ночь окружен полицией и застрелился.

Это событие произвело страшный переполох в Севастопольской охранке. Там было устроено вечером совещание. Анархисты узнали об этом совещании и бросили в открытое окно бомбу. Было убито трое охранников.

В ответ на эти события из Петрограда был прислан какой-то знаменитый охранник с широкими полномочиями *). Отсюда и началось то происшествие, которое

*) В газетных отчетах этот охранник назван „Карповым". Очень вероятно, что это была фиктивная фамилия. Шура же назван был „Дмитриевым", тоже весьма возможно, что по фальшивке.

вызвало против меня гром и молнии в военной организации. Убить этого охранника было поручено Шуре, который жил у нас во дворе. Я, будучи в это время загружена работой в своих полках, домой забегала только есть и спать и, конечно, ничего не знала.

Иду я как-то на явку военной организации, которая у нас была назначена в бузне *), навстречу мне Шура, бледный, взволнованный. Начал прощаться—в чем дело, не говорит, но говорит, что едва ли больше увидимся. Нарочно пораньше вернулась домой узнать, в чем дело, и пошла к Фене. Оказалось, и Шура и Андрей уже 2 дня от нас с'ехали. Шура целую неделю следил за охранником. Наконец в этот вечер, подкараулив его на какой-то глухой улице, начал стрелять в него из браунинга. Тот начал отстреливаться. В результате Шура ранил охранника в живот, а охранник Шуру в грудь. Охранник упал, Шура добежал до знакомых рабочих. Все бы было хорошо, но Шура там так разнервничался, что ни за что не хотел оставаться в квартире—стонал и требовал, чтобы его свезли в больницу Напрасно его уговаривали. Наконец его пришлось свезти в больницу, сказав, что нашли на улице. Его привезли в хирургическую палату, а в ней как раз лежал умирающий охранник. Последний его узнал. Больницу и палату, где лежал Шура, тотчас окружили строгим конвоем. Между тем Шура стал поправляться. Надо было во что бы то ни стало выкрасть его из больницы, т. к. ему угрожала неминуемая смерть. И вот анархисты накануне его увоза организуют побег. Дежурили две своих сестры, которые согласились бросить часовому немного морфия в чай. Одна решила сторожить, а другая довести Шуру (т. к. он был слаб) до окна комнаты, которое выходило в сад. В саду у окна

*) Трактиры, где торговали бузой. В Севастополе тогда у с.-р. была своя бузня, у анархистов своя, у большевиков своя, в которых обычно устраивались явки.

лежали два товарища. Последние должны были снести его до заплота в глухой проулок и на веревочных носилках поднять, а на улице его примут другие товарищи.

Дальнейшее также было не легко. После 10 часов в Севастополе никто не мог ходить по улицам в виду осадного положения. Везде торчали многочисленные патрули. И вот организаторы побега рассчитали, что, достав поддельные документы, один товарищ, наиболее сильный, обнимет Шуру, а с другой стороны его обнимет женщина. Он же, в случае приближения солдат, должен изображать из себя пьяного, которого жена с товарищем ведут домой. Рассчитывали на свойственную солдатам снисходительность к «выпившему». Роль женщины должна была взять на себя Феня, как невеста Шуры.

Я ничего обо всех этих приготовлениях не знала. Прибегаю как-то около 10 час. домой, вдруг ко мне в комнату входит трясущаяся, плачущая Феня и с ней незнакомый товарищ. Оказывается, завтра увозят Шуру, сегодня надо его взять, все организовано, а Феня струсила позорным образом и не идет. Без «жены» опасно, от ее поведения и просьб к солдатам зависит многое. Искать кого-нибудь другого опасно и поздно, так как до 10 час. вечера надо быть на месте и лежать в кустах. Начали они меня просить. Жалко мне стало Шуру, и я согласилась.

Лежим мы в овраге, у стены больницы, в кустах. Южная роскошная ночь, кругом тишина. Наступило 12 час., раздались тихие условленные сигналы — это товарищи перелезли забор и пошли за Шурой... Все было великолепно. Часовой уснул, сестра пришла за Шурой... а он впал в полуобморочное состояние и отказался с ней итти, уверяет ее, что он не может двинуть ни ногой, ни рукой. Тщетно она его умоляла, ходила к товарищам, лежащим под окном, от их лица говорила Шуре, что все великолепно организовано, что оставаться нельзя, что ждет

гибель, требовала... Шура не мог подняться... На другой день его увезли в тюрьму *).

Вот это-то мое участие в предполагаемом побеге и было поставлено мне на вид на заседании военной организации. Положение мое на этом собрании было поистине незавидным. Я действительно поступила очень легкомысленно—не передав связи в полку, не предупредив никого, я рисковала провалом большой массовой работы, которая, несомненно, была серьезней отдельных террористических актов. Да и самое участие мое совместно с анархистами, хотя и в хорошем деле, было несколько неудобно. В результате я получила строгий выговор.

Но еще основательней и серьезней мне досталось в личной беседе с Федором. Удивительный это был человек. Когда после его смерти (в 1910 году) товарищи прислали по моей просьбе его тетради **), то меня поразило количество им читанного. Там было проконспектировано все, что мне известно по политической экономии, философии и истории рабочего движения. Начиная с 4-х томов Капитала, всей вышедшей нашей и немецкой марксистской литературы и кончая Кантом, трудами Вэбб и буржуазных экономистов. Надо прибавить, что все это читалось по тюрьмам, так как на воле не было времени. Вероятно, благодаря именно этой безумной работе, он и погиб так рано. У него сделалось кровоизлияние в мозг во время брюшного тифа.

Из общепартийных собраний я помню одно бурное собрание далеко за городом, в горах, на котором боролись два течения: за бойкот выборов в 3-ью Гос. Думу и за участие в них. Победила вторая точка зрения, о чем и известили московскую организацию.

---

*) Суд приговорил Шуру к смертной казни, но в виду несовершеннолетия заменил ее вечной каторгой. Дальнейшей его судьбы я не знаю.

**) Тетради эти хранились у меня вплоть до последнего времени и были отняты лишь в 1919 году семеновцами во время моего ареста.

В конце июля в Севастополь по нелегальному паспорту приехала т. Елена, с которой я сидела в томской тюрьме. Ей дали за работу в нелегальной типографии ссылку на вечное поселение, и она тотчас же бежала *). Комично она рассказывала о своем побеге из ссылки. В вагоне она подсела и сдружилась с женой жандармского полковника, и тот, не подозревая, кто она, галантно защищал ее от всяких поползновений с осмотрами вещей, документов и прочее.

Между прочим, она первая выяснила, что наше пребывание в Историческом бульваре провалилось. Сидит она как-то днем на этом бульваре в тех дебрях, недалеко от которых мы облюбовали себе явки, и слышит пыхтение. Сквозь чащу ни на горе, ни под горой ничего не видать. Слушала, слушала она, давай прогуливаться— заинтересовало ее это явление. И вот разглядела: недалеко от дорожки лежат в кустах три жандарма и пыхтят—жарко!

Сделав вид, что ничего не заметила, она села опять на скамейку. Вскоре на нижней тропинке показалась какая-то женщина в белом платочке (а я всегда ходила в белом платке). Жандармы вскочили, окружили эту

---

*) За побег из „ссылки на поселение“ в Европейскую Россию (за пределы Челябинска) в то время давали 4 года каторги. Дальнейшая судьба Елены такова. Осенью она работала в севастопольской типографии до 2-10 февраля 1909 года, вместе с тов. Николаем Ивановым (участник побега из севастопольской тюрьмы), ее мужем. Потом типография провалилась, ее удалось спасти, но Николай Иванов был арестован; Елена скрылась. Далее, вместе с высланным из Севастополя тов. Ивановым, Елена работала в Павлограде, потом в Таганроге и наконец в Екатеринославе. Здесь их провалил провокатор Фирсов. Был арестован ряд лиц: Елена Прейс, Николай Иванов, Рафаил Кабэ, Владимир Гольдман, Дина Гольдман и др. Елена получила 4 года каторги. Всего ей пришлось сидеть 4 года и 10 месяцев, после чего ее послали в ссылку на поселение в Якутскую губернию, но по дороге, при помощи Николая Иванова, ей удалось бежать, и оба они приехали в Питер, где работали вплоть до революции. Оба они сейчас члены Р. К. П. и работают в Ленинграде.

женщину и давай ее опрашивать, потом отпустили и опять засели в кусты. Тогда Елена, посидев еще с полчаса, удалилась. Больше уж мы туда не ходили.

С севастопольскими меньшевиками мне не приходилось сталкиваться, если не считать Тани, безработной портнихи, которая незадолго до моего от'езда поселилась у меня в комнате. Помню только, что тамошние меньшевики где-то захватили наши паспортные бланки и большевистскому комитету их не давали. Из-за этого у Тани с Федором произошел большой торг и превеликий скандал.

Грустно мне было уезжать из Севастополя. Я там впервые почувствовала себя в пролетарской семье. Начиная с молодежи, женской и мужской, и кончая стариками-рабочими и их женами, — все там дышало ненавистью к буржуазно-самодержавным порядкам и самую атмосферу жизни делало красочно-боевой.

Глава III

ТОМСК. ЭТАП В ВЯТКУ

Приехала я в Томск в конце августа 1907 г. За лето военная организация там распалась, так как студенты, из которых она состояла, раз'ехались на каникулы. Первым кого я встретила был Володя Сафьянников, который только что приехал. Я попросила его передать мне связи среди солдат, и мы начали вместе работать.

Я переехала от матери и поселилась в маленькой комнате, в подвальном этаже углового дома на Бульварной улице. Хозяйка квартиры была молодая, красивая женщина. Она занимала кухню, одну комнату поменьше сдавала мне, другую трем рабочим-типографам. Будучи «своей публикой», они мне лично знакомы не были.

Связь, переданная мне Володей, была замечательно удачной. Это был фельдшер Лебедев. Он познакомил меня с тт. Евдокимовым, московским рабочим (тогда солдатом), Чудиновым и Тукайло. Все это была боевая, вполне сознательная публика.

Вот эти товарищи и повели энергичную работу в войсках. Они были настолько свои люди, что мы разрешили им посещать мою комнату. Комнату я имела чрезвычайно удобную. Прежде всего, двор тянулся во весь квартал и имел три выхода в разные улицы. Ход ко мне был очень запутан, среди домов, и сделал бы сразу заметной слежку, да еще как раз рядом с нашей дверью была задняя дверь в соседний подвал. Там была

лавка, которая с заднего хода торговала водкой, и туда часто хаживала солдатня.

Работа стала у нас сразу массовой. В лесу, за женским монастырем, мы очень часто устраивали солдатские массовки, в которых участвовало по 40—60 человек. Была установлена очередь по взводам и полкам, так как некоторые солдаты умудрялись ходить постоянно, а другим совсем не удавалось попадать. Один раз мы с т. Лебедевым пробрались в казармы после поверки и там провели собрание своих ребят. Кроме массовок, на которых большею частью выступала я, Володя вел марксистский кружок из более развитых товарищей, так как теоретически он был подготовлен лучше меня. Добыча книг, листовок, устройство типографии лежало также на нем.

В Томске, в противовес Севастополю, нам удалось установить образцовую организацию в двух полках В каждом взводе, в каждом отделении у нас были вполне надежные ответственные организаторы, которые отвечали за всю работу: вели розыски новых товарищей, вели пропаганду, распространяли литературу и проч. Вскоре наши связи распространились и на другие полки. Главное—было найти одного своего товарища в какой-нибудь части, а у него уж обязательно есть ряд подходящих знакомых. Я помню, в момент ареста (в конце ноября) у меня в щели пола хранился зашифрованный список фамилий ответственных работников-солдат, человек в сто. У меня же в комнате последнее время перед арестом бывало иногда так много солдат, что надо было проталкиваться. У одних были дела, у других новости, третьих тянуло что-нибудь узнать новенькое, захватить газету. Правда, подолгу никто не оставался, и эти скопления бывали на 10 — 20 минут, в назначенные часы, потому что солдаты сами были очень осторожны.

Насколько хороша была организация, показывает следующий случай. 20-го ноября томские анархисты

сделали набег на кассу Технологического института, в здании которого шел в это время студенческий митинг. Анархисты скрылись, но вызванные войска окружили здание и в том числе митинг и начались поголовные обыски и опросы присутствующих. Я только что видела Володю, который благополучно выскочил с митинга, и он сказал мне, что револьверы студенты сплавили через профессоров, кого надо тоже сплавили и что в общем облава митинга ничем серьезным не угрожает. Я поспешила домой. Вдруг ко мне в комнату входят три солдата в полном вооружении. Солдаты лично мне не знакомые. Они называют условные фамилии и говорят, что посланы делегацией от полка, который окружил митинг. Они заявили, что солдаты единодушно готовы немедленно арестовать своих офицеров, выпустить арестованный митинг и поднять вооруженное восстание. Я настояла, чтобы этого не было, так как момент для выступления был неподходящий, студентам же ничего серьезного не угрожало. И действительно, выступления не было, и самый факт этот «начальству» остался неизвестен. Надо сказать, что внутри военной организации у нас провокации не было, и полиции она была совершенно неизвестна.

Я себя держала чрезвычайно осторожно, в рабочие районы не ходила, если не считать посещения отдельных товарищей, чтобы помочь Володе наладить типографию, которая нам была буквально необходима. Дома на ночь у меня не оставалось ни одной книжки в комнате.

Обычно в свободные вечера Люлюша, моя сестра, приходила ко мне с интересующими меня книгами и мы, разлегшись на полу (окно было в уровень с тротуаром и сверх занавески было видно комнату, пол же у окна виден не был), занимались чтением. Так мы прочли только что полученные протоколы 4-го с'езда. А потом она уходила и уносила книги. Я жила легально. Числилась студенткой университета, который почти не посещала, и читала лекции 5 час. в неделю по истории на ка-

ких-то внешкольных ремесленных курсах, за что получала 40 рублей в месяц.

В Томске моим неизменным другом и товарищем по работе был В. Сафьянников, студент-технолог, 21 года. На вид он был еще совсем юный. Подвижной, с черными глазами, занимавшими половину его лица, он всегда первый брался за опасную работу. Мне постоянно приходилось бороться с несолидностью его поведения, несмотря на то, что он был начитаннее и развитей меня. Бывало, не успеют солдаты после какого-нибудь делового разговора выйти за дверь, как он поставит три стула друг на друга и одним махом перелетит через них, к удивлению присутствующих. Солдаты же души в нем не чаяли, так как он часами мог им об'яснять и рассказывать все, все, все...

Мы не торопились приглашать на помощь себе студентов и интеллигенцию — боязно было провокации. В виду наличия в полках вполне развитой и дисциплинированной в партийном отношении публики, мы решили организовать военную организацию из преставителей всех полков. После тщательных обсуждений образовалась группа из 15-и военных и троих штатских товарищей. Из штатских вошли: Володя и Юрий Краузе, который только что приехал в Томск. Среди офицерства у нас связей не было. Собрание этой группы было при мне один раз, в центре города, в квартире, которая помещалась в гуще каких-то проулочков. На нем после обсуждения ряда вопросов были выбраны три представителя солдат на предполагавшуюся сибирскую нелегальную военную конференцию.

Конечно, среди с.-д. студенчества слухи о военной организации ходили. Пока мы не показывались на свет божий, все шло благополучно. Но нам надоело сидеть вдали от «шумного света», и то один, то другой из нас начал показываться на собраниях большевистской студенческой фракции. Володя пустил подписные листы на военную организацию, в это же время он написал и

отпечатал в оборудованной, но не имевшей еще своей квартиры, нашей подпольной типографии листовку к солдатам. Все это вместе взятое, очевидно, донесло слух о нашей организации до охранки. Я заметила, что за мной начал следить какой-то господин. По наведенным справкам он оказался мужем приказчицы, которая сидела со мной в тюрьме.

Явку солдат ко мне мы радикально прекратили. Перестал ходить ко мне и Володя, который из предосторожности переменил квартиру и поселился на другом конце города, у Воскресенской горы. Далее я заметила, что сыщик не так ходил за мной, как поджидал моих возвращений домой у какой-нибудь соседней калитки. Я уже начала подумывать, не хочет ли он меня пристрелить, и на всякий случай обзавелась «бульдогом». Слежка продолжалась не более недели. 9-го ноября возвратилась я часов в 10 домой с собрания студенческой большевистской фракции. Ко мне, несмотря на предостережения, пошел Юрий Краузе, чтобы докончить какой-то спор. Покричали мы в свое удовольствие, выпили чай и часов в 11 я с ним распрощалась.

Только что я осмотрела свою комнату, где кроме постели, стульев и пустого стола ровно ничего не было, как раздался громкий стук в двери. Я бросилась будить хозяйку и попросила ее, если это полиция, сказать, что я «сейчас оденусь», и подождать отворять, пока я спрячу револьвер. Сама я начала будить соседей по комнате. Соскочили они и сразу предложили мне не сдаваться без бою, а устроить вооруженное сопротивление (у них было 2 нагана). Я сказала, что к аресту готова, что все предупреждены и я присоединяюсь к вооруженному сопротивлению, если это нужно для них. Но они, видимо, хотели делать вооруженное сопротивление из сочувствия ко мне, а, быть может, кто-нибудь из них и был нелегальный; во всяком случае, мы отказались от этой мысли.

Стучалась, действительно, полиция. Хозяйка спря-

3*

тала мой бульдог себе в чулок, а наганы моих соседей в печку и завалила их дровами. Затем мы притворились спящими, а она впустила полицию. Обыск был только у меня. Для этого обыска были мобилизованы 3 участка. Кроме меня обыскали и арестовали во дворе несколько с.-р., в том числе Келермана. С злорадством смотрела я, как мою пустую комнату обыскал пристав одного участка и не нашел ни бумажки. Вслед за ним, с криком, что быть не может, чтобы ничего не было, за это дело принялся второй. Лазал по полу, по стенам, обшаривал печку, трубу... Потом, с тем же успехом, третий. А между тем кое-что, действительно, у меня было спрятано в щелях пола и в стенах, но я не боялась—места были надежные, а щелей очень много. В кухне же между тем сидела целая армия полицейских. Им стало холодно и они решили затопить печь, где лежали наганы. Едва отговорила их хозяйка, ссылаясь на то, что у нее больше нет дров. Под утро разочарованные пристава отвели меня в участок.

На другой день хозяйка комнаты встретила случайно т. Лебедева на улице, и он предупредил всех. В Томске я просидела недели три (меня арестовали в конце ноября). Сидение нарушалось посещением матери с маленькой сестрой Наташей, иногда братом. Было очень тяжело видеть плачущую мать за решеткой, но настроение сразу поднималось, когда, идя через улицу на свидание, я видела у какого-нибудь фонарного столба фигуру В. Сафьянникова. Это означало, что никто не арестован, работа идет.

В самом конце декабря меня пригласили в контору тюрьмы и, прочтя довольно правдоподобное изложение моих вин, закончили об'явлением, что в виду отсутствия улик, я высылаюсь на два года в ссылку, в Вятскую губернию, считая срок ссылки с 25 декабря 1907 года. Не скажу, чтобы я обрадовалась. Пугал этап, но делать было нечего...

Темной, ненастной ночью нас погнали на вокзал.

Была пурга. Нас было несколько политических, в том числе с.-р. Келерман и Катя Шиловская. На вокзале нас посадили в зале 3-го класса и окружили большим конвоем. Меня пришел проводить брат Володя. Мои братья не занимались политикой, а Володя был при этом порядочный забулдыга. Много работал, но много и пьянствовал,—жил он не дома. В то же время он был добродушнейшим парнем и пропитан какими-то своеобразными «рыцарскими» семейными традициями. Его появление с другим его товарищем, таким же забулдыгой, как он, на моих проводах было своего рода «либеральной демонстрацией». Но конвойные не обратили внимания на их крахмальные воротнички и представительный вид и сейчас же выставили их.

Тотчас же они появились из другой двери, и рядом с братом я увидела В. Сафьянникова. В противоположность моему брату В. Сафьянников не только не пил, но искренно презирал даже всех курящих. И они стояли рядом, как представители двух, разных во всех отношениях, миров. Немедля конвойные выставили их всех опять. Но они так храбро сражались, что я со спутницей весело хохотали над усилиями конвойных... Еще раз в окно вагона мелькнула фигура Володи Сафьянникова, показывавшего из рукава своего дубленного полушубка какую-то записку, и мы тронулись.

Самое тяжелое в этапе была «русская» ругань конвойных и уголовных. Я всегда замечала, что этапные конвойные являлись самой дикой, самой некультурной частью армии: пьянство, картежная игра составляли все содержание их жалкой жизни. Дорогой у нас завязался столь громогласный спор с с.-р., что конвойные, не понимая, в чем дело, пригрозили: «ежели еще будете ссориться, то рассадим в разные места».

Ехали мы довольно быстро, останавливаясь на ночевках только в двух городах, где нас выводили в этапную избу. Но в Челябинске мы засели на 2 недели. Нас отправили в женскую тюрьму. Помещалась она на окра-

нне города и, видимо, раньше была деревянным одноэтажным барским домом. Три большие комнаты были заняты: одна—политическими, две—уголовными. Остальную квартиру занимала заведующая тюрьмой — вдова с детьми-подростками. Одна дверь нашей камеры выходила к ней в гостиную, другая в уголовные камеры, через которые мы выходили на улицу. По дороге из Томска к нам посадили еще двух молоденьких сестер-портних. И мы, всей компанией, нагрянули в челябинскую идиллию, как она нам показалась после этапа.

Камера была большая-пребольшая, и сидели там: фельдшерица, у которой я проездом в Севастополь брала явку, да еще одна политическая. Фельдшерица просидела всего месяц, приехала ее сестра, дала местному жандармскому полковнику взятку в 30 рублей, и ее благополучно выпустили на свободу. Так как фельдшерица принимала детей у начальницы тюрьмы в дни ее молодости, то ей делались всякие поблажки, а через нее и нам. Гуляли мы целый день. Частенько к начальнице приходили знакомые нашей фельдшерицы и играли нам на рояли. Дверь в гостиную тогда отворялась, и мы слушали музыку, скромно, не переходя грань порога.

Незадолго до моего от'езда, однажды вечером, во дворе вдруг раздалось пение марсельезы на непонятном языке, и к нам в комнату впустили сразу 15 политических. Это гнали из Лодзи в Сибирь партию забастовавших рабочих и работниц. Последние и попали к нам. Они от самого вокзала шли по городу с пением марсельезы. Тут были работницы разных возрастов, все польки, по-русски говорила только одна, да и то плохо. Все они были аккуратненькие, в вязаных кофточках и передничках. Мы расспросили у них историю их стачки и выучили несколько польских революционных песен.

На Пермь и Вятку меня взяли из тюрьмы одну, но в вагоне оказалась у меня попутчица, обладавшая чрезвычайно боевым темпераментом. До Перми нас быстро докатили и здесь повели в тюрьму. На этот раз нас при-

вели в уголовную пересыльную камеру. Было 12 часов ночи. Небольшая камера, сплошь заваленная телами женщин и детей, в рваных, грязных одеждах, производила впечатление ада. Вдобавок шло невыносимое зловоние от параши. Как только моя спутница огляделась, она сейчас же кинулась к дверям и стала колотить об них что было силы кулаками и котелком, требуя, чтобы нас перевели в политическую. Я присоединилась к ней. Пришел наряд тюремщиков с конвоем и заявил, что если мы не прекратим стук, то они нас выведут в коридор и расстреляют, в виду военного положения. Мы стука не прекратили. Тогда нас вывели в коридор и... оставили здесь до утра с надзирательницей. Так как коридор был чистый, то мы не протестовали. Утром нас увели в коридор с одиночками, где сидели смертники *). Их было много тогда в Перми, не менее 15—20 человек. Я видела их в окно, когда один за другим, в кандалах, они гуляли по большому внутреннему двору пермской тюрьмы.

Меня посадили с товаркой; ее в этот же день перевели к политическим, меня же на утро следующего дня погнали одну в Вятку. В Вятке меня опять посадили в уголовную пересыльную камеру. Я хотела было взбунтоваться, но политические посоветовали мне потерпеть. По их словам, у них это был неизменный порядок, и я лишь без пользы попаду в карцер. Так как из ссылки я хотела бежать, то мне невыгодно было ссориться с администрацией. В случае громкого скандала меня могли услать в уезд. Я решила терпеть. А положение действительно было тяжелым. Камера не отапливалась, окна частью были выбиты и заткнуты грязными тряпками. Под потолком большой четырехугольной комнаты был целый карниз из клопов.

А между тем, в нашей камере, помимо пересыльных, сидели некоторые из уголовных каторжанок годами,

*) Приговоренные к смертной казни (к виселице).

т. к. не было места в других камерах, а на каторгу их не отправляли. Эта публика естественно занимала немногочисленные нары, бывшие только у одной стены. Остальное же многочисленное население (нас было больше 40 человек) помещалось на полу. Грязь, вонь, отвратительная баланда, которую я так и не могла есть, составляли прелести вятского сиденья. У меня было 20 рублей, но они нужны мне были на побег и мне пришлось питаться одним черным хлебом и кипятком, так как чаю и сахару нам не давали. Так я просидела целый месяц. Уголовные относились ко мне хорошо, даже трогательно. Уступили мне лучшее место на полу и всегда извинялись после «нецензурной» брани.

Режим был довольно свободный. Я хаживала в гости к политическим и брала у них книги. В политической камере сидело двое или трое. Из них сейчас помню только одну—сельскую учительницу—белокурую, красивую девушку, лет 24-х. Она сидела около года и много читала. Да еще помню Наташу, товарища с болезненным лицом. Она сидела за вооруженное сопротивление при аресте. Вооруженное сопротивление считалось по самодержавным законам деянием «уголовным», и на основании закона, а вернее из мести, ее тоже держали в уголовной камере, правда, более чистой, чем моя. Суд приговорил всю группу, оказавшую вооруженное сопротивление, к виселице. Мужчин казнили, а Наташе, в виду ее беременности, казнь заменили вечной каторгой. Скоро после рождения ребенка в тюрьме у ней началась скоротечная чахотка, и она умерла.

Наконец меня выпустили и местом ссылки назначили город Вятку.

Глава IV

ВЯТКА

Всегда с самым неприятным чувством вспоминаю Вятку. Климат там очень мягкий, городок сам по себе живописный: пушистая разливающаяся речка, бабы и мужики в лаптях. Но ужасно давил психику религиозно-мещанский дух, которым даже воздух Вятки, казалось, был пропитан. Кругом, и в городе, и за городом—масса монастырей. Они задавали тон жизни. Многочисленные иконы в каждом доме и частые многолюдные крестные ходы...

Я заняла крошечную комнату на окраине города за 3 рубля в месяц. Хозяева мои были дряхленькие старик и старуха. И тут же я почувствовала вятскую религиозность. Устраиваюсь я в комнате и распеваю длинную революционную частушку, в которой высмеиваются все предержащие власти. Как только дошла я до места, «по России прошел слух—Серафим святой протух», в дверь просунулась голова моей хозяйки и просительным тоном заявила: «Е. М., уж вы царя, как хотите ругайте, бог с ним. А вот уж угодников, пожалуйста, не троньте». Пришлось сделать исключение для угодников.

В Вятке я прожила один месяц. 2—3 дня я ходила шить к какой-то свирепой даме, которая вечно ловила своего супруга в неверности. Выслушав несколько семейных скандалов и испортив три лифа и еще что-то моей хозяйке, я получила отказ. Вскоре мне повезло:

я достала урок за 15 рублей. Но деньги мне моя патронесса уплатила. Времени у меня в этот месяц было достаточно. Я прочла первый том «Капитала», «Монистический взгляд на историю» Плеханова и еще ряд книжек А Володя в это время уже сидел в тюрьме. И сидел основательно...

История его ареста такова: после моей ликвидации он взял на себя всю работу. Явку перенес к себе, массовки начал проводить сам. Один из наших активных работников, солдат т. Тукайло, демобилизовался и, желая продолжать работать в военной организации, не поехал домой, а остался в Томске. За неимением работы и денег он поселился временно у В. Сафьянникова. Далее, незадолго до моего ареста, мы нашли квартиру для подпольной типографии. Валентина, портниха (о которой я уже писала), сняла подходящую квартирку, в которой был большой подвал. На день его замаскировывали, заставляя мебелью. Ночью там работали приходящие товарищи. Но вот, за 2—3 дня до ареста Володи, Валентина заметила слежку. Володя по свойственной ему горячности, боясь потерять типографию, взял и немедленно перевез ее к себе. А между тем, у нас в резерве было достаточно девушек, к которым можно было бы перевезти типографию, поручив это хотя бы Люлюше. Вдобавок он прихватил оттуда же небольшой склад брошюр. Вот со всем этим-то скарбом его и забрали.

О дальнейшем говорит обвинительный акт, который у меня сохранился и который я привожу целиком, т. к. он очень характерен во всех отношениях для политического момента того времени.

Копия.

«Обвинительный акт о Владимире Михайлове Сафьянникове и Данииле Георгиеве Тукайло.

В ночь на 11 декабря 1907 года, в г. Томске, штабс-ротмистр отдельного корпуса жандармов Бокастов,

согласно распоряжения начальника Томского губернского жандармского управления, совместно с приставом 2-й части г. Томска Чекстером, в присутствии понятых крестьян Луки Бобкова и Ивана Лузгина, произвел обыск у проживающего в доме Ситникова, по Большой Подгорной улице, студента Томского технологического института Владимира Сафьянникова. При входе указанных выше лиц в комнату, занимаемую Сафьянниковым, последний вышиб оконную раму и выбросил на улицу узел, в котором впоследствии оказался типографский шрифт, а находившийся в комнате товарищ его, запасный нижн. чин, Даниил Георгиев Тукайло, стоя у окна, подал Сафьянникову другой узел также с типографским шрифтом, но в это время оба они были задержаны. По произведенному в комнате Сафьянникова обыску были найдены 4 самодельных типографских кассы, при чем две из них были наполнены типографским шрифтом; деревянный ящик, в котором оказались: типографский валик из клеевой массы, жестянка с синей типографской краской, завернутая в бумагу такая же краска черного цвета, и железная верстатка; три мешка со шрифтом весом около 30 фунтов и 215 железных больших и малых прокладок; большой железный, обтянутый сукном, типографский вал весом около 1½ пудов и корзина с различными солями и кислотами. Кроме сего у Сафьянникова были отобраны в большом количестве брошюры политического и социального характера и различные документы и переписка. При осмотре на предварительном следствии отобранных у Сафьянникова документов оказалось следующее: 1) на двух отрезках бумаги, формы прокламаций, написанное чернилами воззвание Российской социал-демократической рабочей партии под заглавием: «суд 55 социал-демократов», в котором говорится о процессе бывших членов Второй Государственной Думы, принадлежащих к фракции социал-демократов; заканчивается это воззвание призывом: «Граждане и солдаты, громко и смело идите против насилий над русским народом, собирайтесь под знамя

великой русской революции, собирайтесь под знамя великой русской социал-демократической рабочей партии». «Голос народа звучит все шире и глубже, он властно требует: «долой самодержавие, да здравствует учредительное собрание»; 2) обрывок линованной бумаги с записью чернилами: «и сегодня телеграф принес решение этого «суда». Из 55 лишь 11 оправданы, остальные же 44 товарища депутата беспощадно осуждены: часть к 5-летней каторге, часть к 4 годам каторги и часть на поселение»; 3) обрывок бумаги с надписью чернилами: «да здравствует великая русская революция, да здравствует Р. С.-Д. Р. Партия. Том. Комитет Р. С.-Д. Р. П.»; 4) на листе почтовой бумаги написанный карандашом денежный отчет, озаглавленный: «финансовый отчет военной организации. Сентябрь»; в приходе отчета значится: «сбор 25-го—2 р. 18 к., сбор 30-го—3 р. 96½ к.,—20 коп., итого 6 р. 34½ к.»; в расходе: «на 2 обеда солд., быв. на межраен. поле—70 к., гектографический валик для краски—5 р., итого 5 р. 70 коп., осталось 64½ к.» На этом же листе имеются также отчеты расхода и прихода денежных сумм организации за октябрь и ноябрь месяцы; 5) на четвертушке почтовой бумаги помещены списки брошюр: «До чего нужда довела крестьян», «Самодержавие и общественное мнение»—188, «Министры слуги народа»—134 и т. д.; 6) на листке такой же бумаги имеется запись карандашом следующего содержания: «Письмо крестьянина № 12»—10 шт. «Письмо кр. № 11»—10 шт. и т. д.; 7) на двух четвертушках линовальной бумаги записана чернилами история возникновения (изобретения) взрывчатых веществ и способ приготовления (пироксилина, нитроглицерина); 8) конспиративное письмо от имени Витьки к Володьке; 9) три тетради в клеенчатых переплетах с различными записями, между прочим, в одной из тетрадей имеется запись: «речь в агитационном собрании 24 (конспект) 1) двойственность натуры с-ра, 2) взгляд на образование партий до союза 17 октября включительно, в студенчестве (диф-

ференциация студентов), 3) идеализм работы с.-д. (по отношению агитац. и проп. работе)».

При производстве графологической экспертизы по сличению почерков обвиняемого Сафьянникова с почерками, коими написаны отобранные у него переписки и документы, эксперты пришли к заключению, что рукопись, озаглавленная «финансовый отчет военной организации», а также все записи в тетрадях и между прочим конспект агитационной речи написаны рукою Владимира Сафьянникова.

Привлеченные по изложенным данным к следствию в качестве обвиняемых в принадлежности к преступному сообществу Владимир Сафьянников и Даниил Тукайло виновными себя в приписываемом им преступном деянии не признали, при чем Сафьянников, не отрицая того, что финасовый отчет военной организации написан его рукой, об'яснил, что отобранные у него типографские принадлежности и другие предметы он принял лишь на хранение от неизвестного ему человека, Тукайло же об'яснил, что он ни к какому сообществу не принадлежал, с Сафьянниковым познакомился случайно и поселился у него, вследствие неимения заработка, за несколько дней до обыска.

На основании изложенного, дворянин Харьковской губернии, Владимир Михайлов Сафьянников, 21 года, и крестьянин Виленской губернии, Виленского уезда, Лебедевской волости, дер. Сковородки, Даниил Георгиев Тукайло, 24 лет, обвиняются в том: что они в 1907 г. в городе Томске вступили в преступное сообщество, присвоившее себе наименование военной организации Томского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии и заведомо для них поставившее целью своей деятельности ниспровержение существующего в Российском государстве общественного строя, имели в качестве членов этого сообщества в своем распоряжении: 1) типографские принадлежности для печатания, 2) различную партийную литературу, 3) конспи-

ративную переписку, а Сафьянников кроме сего, заведуя кассой названной выше преступной организации, составил и имел у себя финансовый отчет организаций за сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы 1907 года. Преступление это предусмотрено I ч. 126 ст. угол. улож., вследствие чего и на основании 2 п. 1032 ст. уст. уг. суд. и закона 6 октября 1906 года названные выше Сафьянников и Тукайло подлежат суду Томского окружного суда в усиленном составе.

Составлен 27 января 1908 г. в гор. Томске.

Подлинный подписал товарищ прокурора *Брюхатов*».

Судили их 27 марта 1908 года. В Сафьянников взял всю вину на себя, и, по их обоюдным показаниям, тов. Тукайло ничего не знал и «случайно» поселился у Володи. Тукайло оправдали, а Володе дали 3 года крепости. Это был, в общем, милостивый приговор. Но для Володи, который был олицетворением юности, с ее бесконечной жизнерадостностью и с жаждой энергичной, кипучей деятельности, это был приговор жестокий. Видно, сначала ему было не весело. Но скоро он купил себе книг и начал регулярную серьезную работу над собой. С этого времени у нас завязалась переписка, которая впоследствии привела нас к полному сближению. Он много занимался. Лучшее, что ему нравилось из читанного, он писал мне. Это был своего рода дневник на волю.

Мне же пришлось 1908 и 1909 гг. работать в Петрограде, в период самой жесточайшей реакции. Интеллигенция совершенно отхлынула от какой бы то ни было нелегальной работы. Восторгалась Вейнингером, Саниным, «Мелким Бесом» Сологуба. Наполняли битком аудитории, где читались лекции о «богоискательстве». И в умственном отношении, за исключением самых редких случаев, я испытывала одиночество. Но и морально было подчас скверно. Непрерывные измены, предательства, провокация, явная и подозреваемая, сопровождали работу. Письма Володи с мыслями и наде-

ждами величайших умов человечества, облеченные в художественные формы (он очень красиво писал), поднимали бодрость и веру в дальнейшую борьбу.

Теперь вернусь назад, в Вятку, и расскажу все последовательно. Рабочих, кроме железнодорожников, в Вятке почти не было. Я, по данному из тюрьмы адресу, завела связь с местной большевистской организацией и начала добывать нелегальный паспорт. Паспорт мне достал Коля Юферев, один из вятских товарищей, который с самого начала отнесся ко мне с большой симпатией и преданностью. Впоследствии он неизменно выручал меня из «паспортных» бед. Он был молодой портной, полуинтеллигент, с широкой натурой и добрым сердцем, но с ленцой, которая мешала ему заниматься.

Вскоре мне удалось списаться с Федором Насимовичем, который вышел из тюрьмы *) и уехал из Нижнего в Петроград, где работал в военной организации. Он звал меня туда же. Заручившись на всякий случай явкой, я собралась и около 30 марта поехала в Петроград **). Когда я приехала, Федор уже был в Крестах, вся военная организация и в Петрограде, и в Кронштадте до 80 человек была целиком арестована в марте 1908 года. Так как Федор только месяц работал в Петрограде ***) я не сомневалась, что арест его был результатом провокации, и решила быть очень осторожной и к военной организации найти самостоятельные связи.

---

*) Во время восстания в Брестском полку в Севастополе Федор был арестован, но за отсутствием улик был выслан на родину в Нижний.

**) В департаменте полиции и в Томске мой побег долго оставался неизвестным, что видно из того, что 23 декабря 1909 г. за № 22060 вятский губернатор писал в департамент полиции следующее: „К сему считаю необходимым присовокупить, что о побеге Хрущевой мною не было сообщено департаменту полиции по той причине, что об этом я сам не был извещен по упущению вятской городской полиции"...

***) Он прописался в Петрограде 30 янв. 1908 г., а был арестован 16 марта этого же года.

Глава V

1908—1909 гг. ПЕТЕРБУРГ

Явка у меня была на имя Юлии Серовой *) или, как ее звали, Люси, которая была в то время секретарем Петроградского комитета. Муж ее, депутат 2-й Гос. Думы, был приговорен к каторге, но пока сидел в пересыльной тюрьме. У Люси было двое или трое ребят, при чем один грудной. Жила она в одной квартире с женой другого арестованного депутата, кажется, Виноградова. Сама Люси была пышная дама, лет 40, накрашенная, с головой в буклях и очень нарядно одетая. Она, видимо, молодилась и имела ряд любовников. В то время на этой должности состоял некий подозрительный потрепанный господин, который везде ее сопровождал. Его псевдоним был «Сергей». Люси показалась мне крайне антипатичной и подозрительной. Ночи две я у нее переночевала. потом она дала мне адрес секретаря выборгского партийного района, куда я была назначена для работы в качестве профессионала.

---

*) Разоблачена в 1917 г., как провокатор, работавшая в эти годы в охранке на жаловании и, по воспоминаниям тов. Бойко, расстреляна Советской властью.

Тов. Серов впоследствии порвал с ней и отрекся в печати от какого бы то ни было дальнейшего знакомства с ней, принимал активное участие в работе первых Советов Сибири в 1917-18 гг. и убит Семеновцами в 1918 г. (кажется) в Верхнеудинске.

Ольга — секретарь района (фамилию не помню) — представляла собой тип богатой курсистки, не успевшей отойти после революции от рабочего движения. Вскоре она это и сделала под предлогом учения. Она занимала великолепную комнату, мылась одеколоном, франтила и любила «красоту и изящество во всем». Она сообщила мне, что до сих пор ответственным пропагандистом в Выборгском районе был некто т. Коныч (нелегальный товарищ, бежавший из ссылки). Но так как его не любили рабочие, то Исполнит. Комитет решил его отозвать, заменив мною.

В Петрограде я работала с начала 1908 года до мая 1909 г. В мае меня арестовали и отправили обратно в Вятку. Прежде чем переходить к эпизодическому рассказу, я остановлюсь немного на общих впечатлениях работы в эти 1½ года. Петроград, культурный центр России, не давал интеллигентов нелегальной большевистской организации, за исключением единиц. Однако косвенно помогавшей интеллигенции было много. Я никогда не чувствовала недостатка в ночевках для себя или других беспаспортных товарищей. Нас охотно и заботливо разбирали по своим комнатам курсистки и студенты. Без особого труда у меня завязались самые обширные связи с большевиствующими курсистками и большевистскими фракциями во всех высших учебных заведениях.

Как пример, могу указать одно происшествие в 1909 г. Я заболела брюшным тифом. Случилось так, что как раз старый паспорт мой провалился, нового мне еще не прислали и я была без паспорта и без квартиры. Однако все сошло благополучно. День-два я лежала у одних курсисток, день-два у других. Везде меня окружали вниманием и уходом. Сбор денег, прятание литературы и листовок тоже имели достаточно участников. А что касается собраний, то, уж начиная с этого пункта—извините! Собрания мы всегда устраивали исключительно у рабочих — интеллигенция своих комнат не давала.

Активным работником в нелегальной организации никто из них не желал быть. У всех находились «основательные» причины: у кого ребенок, у кого жена, а третьему обязательно надо закончить свою учебную карьеру...

Петроградский комитет (б.) состоял сплошь из рабочих.

В Выборгском районе, где я работала, мне приходилось иметь дело исключительно с рабочими и, кроме В. П. Оборина, я совершенно не помню, чтоб кто-нибудь из интеллигентов там работал. Но если в организации было мало своей хорошей публики из интеллигенции, то было достаточно подозрительных лиц из нее. При самом поверхностном наблюдении становилось ясным отсутствие у них чего-либо общего с партией. Люси, сопровождавший ее Сергей, от которого частенько пахло водкой, Александр Судьбинин *), Александр Сизов **) и др. Вся эта интеллигенция в кавычках назойливо вертелась на языках и с разным успехом пробиралась всюду, где могла ***).

Были и легальные профсоюзы. Например, союз металлистов, про работу которого я знала от одной работницы, члена его правления. Этот союз, несмотря на частые обыски и ликвидации правлений, все же существовал. Но в моменты назревавших конфликтов на той или иной фабрике легко организовывались нелегальные профсоюзы, которые и руководили стачкой. Наиболее массовое впечатление производили тогда рабочие клубы, которые были в каждом районе. Там иногда читались «ядовитые» доклады; открывались по ним дебаты. Полицейский чин вмешивался, но с запозданием, и бывало оживленно—залы были переполнены. В обыкновенные

---

*) Разоблачен тогда же, как провокатор.

**) Кличка. Разоблачен тогда же, как провокатор.

***) 16 марта 1909 г. начальник охранки сообщал департ. полиции, что с.-д. партия в Петрограде освещается 16-ю сотрудниками. (Петр., Историко-Рев. Архив, Особ. Отд. Деп. Пол, № 5, ч. 51, лит. А, вход. № 7672).

дни там тоже было оживленно, приходили почитать газеты, поспорить, заседали разные комиссии. Полиция клубы закрывала, они тотчас же открывались вновь под другим названием, так как под культурным флагом легче было легализировать устав.

Нелегальной массовой работы почти невозможно было вести. Велись лишь небольшие кружки, устраивались встречи и индивидуальные собеседования с отдельными товарищами и группами. О питерском пролетариате того времени, как об отдельных его представителях, так и о массах, у меня остались самые светлые воспоминания. Какой-то «вечно юный дух» пропитывал его классовую психологию. Здоровая, постоянная бодрость, отсутствие упадочных психологических переживаний (свойственных интеллигенции), вечно критическое отношение ко всяким авторитетам в противовес «богоискательству» интеллигенции, и добродушное, братское отношение друг к другу. Деления на привилегированную, лучше оплачиваемую часть рабочих и на низы почти не было. Самая квалифицированная работа металлистов оплачивалась 25—35 р., на которые семейному, даже бездетному, рабочему прожить было трудно Правда, электромонтеры и некоторые мастера на Путиловском заводе получали до 60 руб., но это были отдельные единицы. О других профессиях и о женщинах говорить не приходится, так как труд их оплачивался гораздо ниже. У женщин средний заработок был 20 и не свыше 25 руб. (ткачихи, шоколадницы и пр.).

Я поселилась на Большой Охте в комнате, которую сдавал хозяин квартиры—сапожник. Дом наш представлял муравейник рабочей бедноты. Побывала на нескольких собраниях большевистской выборгской группы и начала вести самую разнообразную работу тогдашнего нелегального партийца. Занималась с кружком работниц на канатной фабрике, завязывала новые связи на фабриках, которые, благодаря провалам, часто рвались, участвовала в организации нелегальных профсоюзов,

4*

в заседаниях выборгской большевистской группы и пр., и пр.

Из собраний, на которых мне приходилось бывать за эти 1½—2 месяца до первого ареста, я остановлюсь на 3-х, как наиболее интересных. Первое собрание по случаю организации нелегального профсоюза на канатной фабрике. Условия труда там были кошмарные. Женщины получали от 8 до 15 руб., мужчины не больше 20 р. И вот, терпение лопнуло. Собрались в квартирке у одного канатчика. Хозяин-рабочий и его жена оба служили на фабрике. У них было двое или трое маленьких детей. Вся семья жила в одной комнате. В этой же комнате угол сдавался работнице с той же фабрики. Крошечная кухня и вторая комната, сдававшаяся жильцам-рабочим, составляли всю квартиру. Собралось человек 30 рабочих, сплошь похожих на хозяина квартиры: многосемейные, бедные, малокультурные. Женщин почти не было, хотя они составляли большинство работавших. Начали мы вырабатывать устав. Тут, в противовес мне, неожиданно выступил студент-синдикалист. Оказалось, его привели рабочие. Хотели, чтоб не попасть впросак, послушать обоих и тогда выбрать то, что получше. В результате победа оказалась за с.-д. и устав был принят наш. Я была еще раз на собрании этого нелегального профсоюза во время стачки, а потом раза два на заседаниях правления. Немного улучшить заработок рабочих удалось.

Другое собрание, о котором я хочу рассказать, было созвано на паритетных началах с выборгскими меньшевиками. В рабочих низах было сильное стремление об'единиться. Мне постоянно приходилось бороться с этой тенденцией. С внешней стороны, для малоискушенной публики об'единение казалось выгодным. Большинство правлений в рабочих клубах было в руках меньшевиков. Следовательно, об'единившись, лучше можно было использовать клубы. Далее, наша рабочая публика то и дело арестовывалась и исчезала с горизонта. У них

же, почти не работавших в подпольи, имелись начитанные и марксистски образованные рабочие, и, в случае каких-нибудь больших собраний на фабриках, они могли выпустить таких соловьев и говорунов, что с ними трудно было тягаться. Но этот подход был, конечно, во всех отношениях близоруким. Собрание по вопросу об об'единении ни к чему не пришло, так как меньшевики одним из условий об'единения ставили легализацию партии, что для нас означало ликвидацию ее. Дальнейшие собрания по вопросу об'единения петроградский комитет (большевиков) прекратил. Между прочим, на этом собрании я познакомилась с милейшим товарищем Сергеем Осиповичем Романенко. Ему было лет 30, он был старый член партии. Наборщик раньше, теперь библиотекарь и секретарь одного из рабочих клубов, он был меньшевиком, но охотно склонялся, как бедняк и бывший рабочий, к нам в некоторых вопросах, а впоследствии активно помогал и работал в нашей военной организации.

И третье интересное собрание — первомайская массовка на Большой Охте. Нас собралось в лесу человек 40. Говорили речи, пели песни. Был проливной дождь, и мы вымокли, как говорят, до нитки. По сравнению с современными грандиозными первомайскими шествиями эта массовка кажется ничтожной. Но тогда, весной 1908 г., царила злейшая реакция. За экономические забастовки рабочих отправляли в Сибирь. Провал следовал за провалом. Люди арестовывались за малейший пустяк. Среди рабочих царила паника. И в этот момент массовка дала нам некоторое нравственное удовлетворение.

Вскоре после 1-го мая Исп. К-т созвал пленарное заседание петроградского комитета с некоторыми ответственными работниками от районов. Я пошла на него вместе с тов. Дмитриевым—деревообделочником из нашего района. Шли мы, шли—прошли какие-то фабрики, предместье, вышли в лес. Наконец начали попадаться нам пикеты. Пройдя сквозь них, мы вышли на полянку

в густом сосновом лесу. Там уже сидело человек 30. Кроме Коныча, знакомых лиц не было. Люси не явилась и прислала вместо себя с докладом одну женщину (кажется, Гуревич). Конструкция петроградской организации в то время была следующая: по районам свои организации, на конференции из представителей районов выбирался Петроградский Комитет (большевиков) из 30-и (приблизительно) человек. П. К-т из своей среды выбирает Исполнительный Комитет из 5-и человек, который и вел руководящую работу. Пленарное заседание собиралось лишь для решения принципиальных вопросов. Поэтому собрание, назначенное в лесу, обещало быть интересным. Подошли еще человек 5. Собрание открыли. Выбрали председателя. Вдруг раздались свистки—условный сигнал об опасности. Мы вскочили. Я увидала нашего пикетчика, который, видимо, бежал к нам... Его держали и били по лицу какие-то два господина в штатском, а он свистал... В следующее же мгновение, через чащу деревьев мы увидели шедшую плечо в плечо группу людей человек в 60—80. Они шли 2-мя, 3-мя рядами и были все одеты в штатское. Мы бросились врассыпную, как зайцы, а шпики открыли по нас огонь из браунингов.

Я бежала с каким-то рабочим-металлистом, у него пулей сняло шапку. Отбежав в чащу, мы стали совещаться, как быть. Ни он, ни я совершенно не знали местности. Но все же я взяла его под руку, и мы пошли наугад, приняв вид гуляющих (был праздник). Только что мы вышли на опушку, как на нас налетел пристав с охранником. «Кто вы, откуда?»—Так и так,—гуляем.—«А шапка где?» — Шапка нас и погубила. Нас забрали. Всего наших наловили 20—25 человек. Кроме меня и Коныча, еще 3 нелегальных. Было ясно, что если кто-нибудь из нелегальных будет открыт, то дело для всех примет серьезный оборот. У некоторых были с собой доклады, уличающие характер собрания. Съесть их, как мелкие записки, дорогой было нельзя. Благодаря

предприимчивости некоторых товарищей, все удалось собрать в одни руки. Ведут нас по лесу над каким-то оврагом по дощечкам, и вдруг катастрофа: Коныч и еще товарищ валятся в ров. Шпики кидаются к ним. Мы спрашиваем: «Не ушиблись ли?» Они кряхтят, с трудом поднимаются, а Коныч с кулаками кидается на шпиков, зачем они повели нас по этим дебрям. Оказалось, это был удачный маневр, во время которого удалось подсунуть под какой-то пень опасные бумаги. Идем мы дальше «чистенькие». Повеселели, сговорились, что будем врать на допросе... При переезде на плашкоуте мы увидели товарищей, которым удалось удрать. Они увидели, кто арестован. Наши квартиры немедленно были очищены от всего бумажного.

Нам всем дали 1 месяц тюрьмы якобы за нелегальное собрание. Нелегальные разоблачены не были. Они просидели и вышли по чужим паспортам. Я, как и другие, была убеждена, что здесь провокация, что процесс не создали только из-за полного отсутствия фактических документов и вследствие дружных показаний арестованных. И мягкость приговора—наименьший срок, полагающийся за нелегальное собрание, об'ясняется тем, что нас просто оставили на разживу и хотели скорее выпустить. Привели меня и Гуревич в участок. Посадили вместе с проститутками и краткосрочными уголовными, как административно приговоренных. Было довольно чисто, довольно сносная пища. Приехал Коля Юферов узнать, что случилось, так как дома у них шпики наводили справки насчет сестры, по паспорту которой я жила. Справки сошли благополучно, так как сестра в это время дома не жила.

Время бесконечно долго и скучно тянулось в участке. Я убивала его чтением каких-то романов, составлявших библиотеку арестного дома. С нами же в камере сидела, между прочим, некая «политическая» курсистка, представлявшая собой довольно комичную фигуру. Кто-то из студентов-коллег положил у нее на 2 дня сверток с не-

легальными брошюрами. Вдруг сделали обыск, сверток попался. Жеманная девица была в ужасе и все время со слезами твердила, что теперь ее карьера навсегда погублена. Не знаю, чем кончилась эта карьера, так как меня за 2 недели до конца высидки перевели в Литовскую тюрьму. Несмотря на то, что сидеть мне оставалось только 2 недели, меня охватило полное отчаяние, когда я туда попала. Такого унижения личности, такого бесправного, гнусного положения, при котором там сидели уголовные, я не видала ни до, ни после этого. На сидевших смотрели не как на людей, а как на диких зверей за решеткой. Надзирательницы кричали, топали ногами, тащили в карцер. После двух карцеров арестантку отправляли в уголовное отделение, где ее нещадно избивали резинами и возвращали обратно. Было что-то чрезвычайно презрительное, унижающее в самом режиме тюрьмы.

Спальни, где мы помещались, представляли собой длинные полутемные комнаты с решеткой в коридор, вместо стены. В 6 часов утра арестантов будили и заставляли бежать под крик надзирательниц в рабочие комнаты—огромные, темные, тоже с решеткой, вместо стены, в коридор. Здесь весь день арестантки клеили какие-то пакеты. Около решеток ходили надзирательницы и непрерывно кричали то на одну, то на другую из арестанток. Полчаса на обед, полчаса на прогулку, и все это под дикую ругань и крик, а в 9 час.—в спальни. Переписка разрешалась только два раза в месяц, выписка тоже, и то на очень маленькую сумму. Если английские рабочие дома походили на уголовную тюрьму Литовского замка, то я понимаю, почему люди предпочитали виселицу этим домам.

Как «административная», я была переодета в уголовное платье и посажена сюда. Вместе с долгосрочными каторжанами здесь сидела всевозможная публика. Сидели, например, две работницы шоколадной фабрики, у которых при выходе с работы нашли по плитке шоко-

ладу, за что мировой судья приговорил их к трем месяцам тюрьмы. Из политических сидела одна работница за собрание (у них занимался с.-д. кружок), ей дали 2 месяца. Мой срок наконец кончился, и я вышла из тюрьмы в начале июня. В Петроград я приехала в начале марта с 20-ю рублями в кармане. Как профессионал, я должна была получать от организации по 30 руб. в месяц, но у П. К. денег было мало, и я получила какой-то пустяк. Люси неоднократно предлагала мне взять у нее лично денег взаймы, но я не хотела ей быть обязанной, так как мы были слишком чуждые друг другу люди. И вот, перед арестом у меня наступил полный денежный крах. За последние два дня я могла купить только фунт черного хлеба и решительно не знала, что предпринять в дальнейшем. За время сидения я успела написать домой, и мне прислали 20 рублей.

Работать в качестве профессионала у П. К. после столь загадочного провала у меня, по выходе на свободу, пропала всякая охота, и я решила найти самостоятельный заработок. Связи с петроградской военной организацией я решила искать так же помимо П. К-та. Найдя комнатку за Невской заставой у одного металлиста, я послала письмо своему приятелю в Вятку, чтоб он достал и привез мне новый паспорт, ибо долго продолжать жить по паспорту Ольги Юферевой, по которому я сидела, было рисковано. Я пустилась в поиски работы. Надо было искать или уроков или поступить на фабрику. Последнее было не легко. Я знала великолепных ткачих, которые по 6 месяцев сидели без работы. Знакомых и друзей среди рабочих у меня было уже много. Выборжцы познакомили меня с некоей Соней Брозголь—работницей-портнихой. Очень скоро та нашла мне урок у депутата Белоусова, с.-д., члена III Гос. Думы. Ей было это нетрудно, так как она была членом правления клуба работниц, единственного в своем роде в Петрограде. Одновременно за Невской заставой мне нашли место ткачихи, но я остановилась на уроке. С тех

пор мы сблизились с Соней, и впоследствии она неоднократно находила мне уроки и, когда нужно было, помогала в партийной работе.

Одновременно я начала искать связей с солдатами и пытаться создать группы из знакомых мне выборжцев, которая явилась бы ядром военной организации. Одним из первых примкнул к работе Вас. Павлович Оборин, ныне работающий в Москве. В то время он входил членом в комитет Охтенско-Полюстровско-Самсоньевского об'единенных подрайонов нашей партии. Он взял на себя писание и печатание прокламаций. Благодаря осторожности и конспиративности, которой он сумел обставить свою работу, ни печатание прокламаций, ни места их хранения ни разу не провалились за эти полтора года. А между тем было выпущено от военной организации целый ряд листовок на самые разнообразные темы. Правда, они печатались кустарным способом: на гектографе или мимеографе. Поэтому каждый листок выходил в количестве 100—200 экземпляров. Более солидную типографию поставить не удалось, хотя она и была подобрана.

Постепенно к военной организации примкнул еще ряд рабочих-большевиков. Из них в памяти Андрей Серкке, работавший на Балтийском судостроительном заводе, который имел связи с матросами военных кораблей, ремонтировавшихся на заводе, Осип, котельщик-клепальщик с завода Крейтон, Петр, безработный с металлического завода, работавший впоследствии на аппарате какого-то кинематографа, и Александр Ефимов (деревообделочник). Я у него была раза 2 на собраниях. Он был членом правления питерского профсоюза деревообделочников, членом партийного ком-та Охтенско-Полюстровско-Самсоньевского об'единенных подрайонов. В его квартирке, знаменитом домике на Охте, постоянно встречалась и проживала вся наша партийная братия, легальная и нелегальная. При аресте полиция произвела у него настоящий разгром: ломала пол, стены, ища чего-то.

Секретарем нашей военки вплоть до ареста был Сергей Романенко. К концу моего пребывания в Петроград приехал и начал работать у нас т. Евгений—большевик, эмигрант из Швейцарии. Но вскоре он был арестован вместе с Романенко, так как не имел паспорта и квартиры и, по обыкновению, скрывался у матери Романенко. Помню еще товарища технолога или путейца, который имел связи и работал с офицерами, но на собрании нашей группы был всего раза два. Кроме того, нам помогал еще ряд товарищей.

Благодаря опасности провалов работы в Петрограде, она велась каждым товарищем самостоятельно, в кругу своих знакомых солдат и матросов. Взаимная связь членов военной организации выражалась в явках и собраниях основной группы, на которой дискуссировались вопросы момента, одобрялся текст прокламаций и т. д. Связи у нас имелись в нескольких полках и на военных кораблях, стоявших или ремонтировавшихся в Петрограде. Но работа заключалась главным образом в передаче брошюр и прокламаций и также индивидуальной беседе. Солдатские собрания и массовки, как мне помнится, не удавалось устраивать. Казарма спала мертвым сном.

Об'ективные условия сильно затрудняли работу в Петрограде. Части стояли в разных местах города. Между ними было расстояние в несколько верст. До лесу от них тоже далеко. Устраивать собрания в частных квартирах, где в каждом доме за входом наблюдали дворники, в большинстве случаев служившие в охранке, было не безопасно. Конечно, это только внешне затрудняло работу. При массовом движении все это можно было преодолеть. Главная трудность работы заключалась в наступившей в войсках реакции. Полоса солдатских и матросских восстаний кончилась.

К началу 1909 года при военной группе была организована финансовая комиссия из курсисток. Делались сборы по подписным листам, устраивались отчисления

с лекций. В Кронштадте еще летом 1908 года мне удалось через местную организацию завязать связи с госпитальной матросской командой и через них с некоторыми судами, куда мы благополучно переправляли литературу. Из матросов этой команды образовался кружок, человек в 15, с которым я довольно долго занималась. Благодаря возникшей в Ораниенбауме небольшой военной группе из 3-х местных большевиков, удалось найти связи с некоторыми миноносцами и кронштадтскими фортами. Таким образом установилась нить, через которую мы получали информацию, передавали литературу и т. д. Между прочим, осенью 1908 г. кронштадтские матросы пытались выкрасть для военной организации военный план Кронштадта и фортов, но дело сорвалось из-за болезни одного товарища. Среди пехоты в Кронштадте дело обстояло хуже, хотя с 2—3 солдатиками я все же встречалась на явке и литературу туда переправляла. Из вольных работников в Кронштадте помогал в военной работе рабочий-металлист, тов. Мартынов. Он жил с женой портнихой, и у них я иногда ночевала, когда оставалась на 2—3 дня в Кронштадте. Кроме того, было еще несколько товарищей в Кронштадте, работавших и помогавших в нашей работе, но их фамилий я уже не помню. Большевистская нелегальная организация там была, и я вела с ними переговоры о создании небольшой, но хорошо сплоченной военной группы на месте.

Тов. Оборин начал налаживать связь и работу с Гельсингфорсом и Свеаборгом через финских соц.-демократов, для чего он ездил в Шувалово и вел переговоры.

Вскоре после выхода на волю на явке П. К. я познакомилась с некиим Александром Судьбининым (клички «Макентош», «Шурка», «Гимназист»). Юркий молодой человек, лет 21—24, он немедленно увязался за мной с явки. Вскоре я встретила его у знакомых выборжских рабочих и с тех пор постоянно встречала его то тут, то там. Он выражал большое желание работать в военке и, так

как с одной стороны он был членом партии, а с другой его рекомендовали, как чрезвычайно ловкого, энергичного человека, который имеет большие связи среди моряков, он был принят в исполнит. комиссию военки, был ее казначеем и, главным образом, помогал мне в работе по Кронштадту, куда мы иногда вместе ездили на явки. Как оказалось, Судьбинин был провокатор (см. прилож. № 16 и 17), он систематически доносил все, что знал, кронштадтскому жандармскому управлению (см. приложение №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10) и даже представил несколько случайных прокламаций военки, которые ему удалось заполучить. Должна сказать, что я не доверяла вполне Судьбинину. Он вызывал мое недоверие своим странным иногда легкомыслием и болтливостью. Я стремилась, использовав его знакомства и связи с матросами и кронштадтскими рабочими, с ним развязаться. Окончательно он провалил себя в Кронштадте в середине сентября 1908 года.

Приезжаю я как-то в Кронштадт и на морской явке вдруг встречаю Судьбинина. Его привел знакомый матрос. Пошли мы на собрание и «Шурку» взяли с собой. Он попросился в пикетчики. Сидим мы в лесу за кладбищем, я что-то рассказываю. Вдруг один матрос соскочил и бегом. Мы повскакивали тоже. Оказывается, Судьбинин за кустиками начал пробираться в город, а потом пустился бегом. Очевидно, за полицией. Поймали его матросы и надавали пощечин. Мы разошлись. В этот же день матросы мне сообщили, что он работал в кронштадтской военной организации (кажется, под флагом с.-р.), что последний арест местной военки в 1906 году, кончившийся несколькими виселицами, в том числе одной девушки, было его рук дело, что его знают, как провокатора, и ловят, чтобы убить. Кронштадтская рабочая организация большевиков это подтвердила. Сейчас же я предупредила об этом выборгских рабочих, но Шурка как в воду канул *).

*) См. приложение № 9.

Однажды возвращаюсь я часов в 11 домой за Невскую заставу с собрания. Около моего дома встречаю взволнованного, суетящегося Судьбинина с тремя какими-то господами. Он подлетел ко мне, сболтнул несколько слов и распрощался. Была белая петроградская ночь. Окошко мое выходило на улицу. Я стала следить через уголок занавески и вижу: «Шурка» исчез, а господа заняли 3 угла и стояли до утра. Я тоже сидела и при лунном свете читала автобиографию Крапоткина, которую и прочла за ночь. Когда утром я вздумала выйти, то увидела себя облепленной шпиками, как мухами. Садилась я на пароходик—и они со мной, ехала на трамвае—и они тоже. Так продолжалось два-три дня, пришлось никуда не ездить, а, часами путешествуя «с конвоем», возвращаться домой. Через одну курсистку я дала знать Сергею Романенко о своем двусмысленном положении, и он предложил мне временно исчезнуть, поселившись у его матери.

Сам Сергей жил, как библиотекарь, в рабочем клубе, в центре города. А где-то в противоположной стороне Питера, на окраине Васильевского острова, жила его мать-старушка с маленькой сестрой Сергея. Все трое жили на жалование Сергея, кажется, 20 рублей, и очень голодали. Несмотря на это, как я узнала впоследствии, у старушки вечно скрывался кто-нибудь из нелегальных товарищей и, по странному противоречию, обыкновенно большевик. Честная пролетарская душа Сергея Романенко заставляла его всегда поступать в разрез с его меньшевистскими воззрениями.

На третий день слежки я решила от нее избавиться во что бы то ни стало. Особенно трудно было мне избавиться от одного черненького юркого филера лет 27-и, который неотступно дежурил при мне все 3 дня. От всех шпиков, кроме черненького, я после долгих поездок в этот день избавилась. Стою, дожидаю трамвая, он тоже. Трамвай подходит, все кидаются к нему. Я резко поворачиваю и вскакиваю в трамвай, идущий в проти-

воположную сторону. Осмотрела все: вагон, площадки—шпика нет. Вагон несется с колоссальной скоростью. Вышла на переднюю площадку, нагнулась. Смотрю—он висит, так скорчившись на лесенке, что его и не видно. В этот миг я было отчаялась от него избавиться. Показала кондуктору, тот хотел его арестовать за незаконное местопребывание, я же скорее бежать. Смотрю—через два квартала он меня догоняет. Так я проходила весь день. Под вечер я зашла к двум Марусям (бестужевкам, жившим в угловом доме, с несколькими ходами в разные улицы). Дом служил гостиницей. В длинные коридоры, тянувшиеся по всему зданию, выходили 10-рублевые комнаты, где жили студенты и курсистки. Тут я пробыла до глубокой ночи и потом ушла, выйдя в другую улицу. Таким путем я избавилась от слежки.

Через 2—3 дня я пробралась в свою комнатку. За мной пришла одна курсистка, потом вторая, потом третья. Нагрузила я на них под пальто свои вещи и так постепенно их переправила. Когда я прощалась с хозяйкой, то она рассказала мне, что за время моего отсутствия ко мне приходило 9 молодых людей в разное время, которые под всякими предлогами проникали ко мне в комнату. Так как у меня никто не бывал, то эти молодые люди не вызвали у меня ни малейшего сомнения в своем происхождении, и мне оставалось только поскорее убраться вон.

Я нарочно несколько подробней остановилась на всем этом, так как подобные случаи составляли существенную часть нашей жизни и работы. В Петрограде мне пришлось переменить 4 паспорта. Первый паспорт на имя Ольги Михайловны Юферевой, второй—на имя Головиной Марии Титовны, третий—на имя Катаевой Степаниды Акимовны и четвертый—на имя Мышкиной Елизаветы Ивановны. Вместе с паспортами большей частью приходилось бросать и уроки, но часто я их меняла на уроки других товарищей.

Почти всегда мой провал был в связи либо с посеще-

нием явки П. К., либо какого-нибудь при нем собрания. Связь военной организации с П. К., в целях конспирации, велась исключительно через меня. Я бывала на явках П. К., и здесь, как с секретарем П. К., мне приходилось иметь дело с Люси (разоблачена впоследствии, как провокатор). Светская и притом весьма легковесная дама, она, естественно, не вызывала моего доверия, и я давала ей весьма скудные сведения о военке, чтоб только не нарушить партдисциплины и связи с П. К.

Между прочим незадолго до провала Судьбинина был такой случай. Люси подлетела ко мне с требованием познакомить ее еще с кем-нибудь из военной организации, на случай моего провала. Я назначила ей явку в библиотеке рабочего клуба, где секретарем был Сергей Романенко. Люси я не хотела связывать ни с кем из серьезных работников нашей организации и решила познакомить ее с Судьбининым, рассчитывая на его хвастливый характер и на глупость Люси. Так и было. «Шурка» тотчас пустился в фантастические разговорчики. Я наблюдаю. Случайно заглянула под стол и, к удивлению, вижу—«Шурка» толкает ногу Люси. Предположить нахальство было мудрено, и недоверие мое к обоим усилилось. Между прочим, получая от меня слишком мало информаций, Люси, очевидно, подала мысль ввести меня членом Исполнительной Комиссии П. К., как представителя от военной организации. Членом Исп. Ком. П. К. я была один месяц, осенью 1908 г. При мне обсуждался первый доклад об отзовизме. Но посещения заседаний этого высшего органа петроградской организации большевиков обходилось мне слишком дорого. Я была на заседаниях раза три и каждый раз уезжала буквально облепленная шпиками. Об этом я говорила другим членам комиссии. Пришлось бросить эти посещения (см. приложение № 11), и дальнейшую связь с П. К. мы продолжали поддерживать через Шуру Бойко, а затем через тов. Евгения.

В Кронштадт я продолжала ездить до поздней осени

с ледоколом. Там, при выходе с парохода, шла строгая проверка паспортов. Обычно, перед поездкой я заходила к матери Сергея Романенко, переодевалась торговкой, брала корзинку с чем-нибудь и отправлялась. Дорогой я старалась замешаться в компанию иоанниток, которые толпами ездили в Кронштадт на поклонение Иоанну Кронштадтскому, и с ними обычно высаживалась. Раза два я встречала на пристани Кронштадта Судьбинина, но он не узнавал меня в моих «нарядах».

16-го ноября 1908 года был арестован Сергей Романенко, при чем у него нашли: 3 листка бумаги с оттиском штемпеля Р. С.-Д. Р. П.—Военная организация, 96 нелегальных брошюр и записная книжка. В незапертой кладовой, под лестницей, нашли чемодан со шрифтом и проч. Все арестованные: Романенко, Буковский, Яковлев, Малинин и Колджиев не признавали себя в чем-нибудь виновными и отказались от найденного в кладовой черного чемодана *). Охранное отделение после неудачной попытки «ликвидировать» меня в Кронштадте на собрании с матросами, видимо, решило произвести обыск у Сергея, надеясь у него, как жившего легально, найти много компрометирующих документов. Кстати, у него и публики своей жило всегда много. Очевидно, привоз к нему какой-то типографии тоже проследили. Но привезенная типография была не военки, а какого-то района и спасалась у Сергея, как спасались мы, когда у нас не было паспортов. Что последнее время за товарищем Романенко была усиленная слежка, показывает следующий случай, на который я ему указывала. Однажды я захворала, и тов. Романенко вздумал в первый и последний раз навестить меня. Пришел он, как всегда, рассеянный, с двумя огромными связками книг в обеих руках. Не успел он удалиться, как ко мне влетела хозяйка квартиры и начала выражать свое неудовольствие. Откуда у меня такое подозрительное знакомство;

*) Петр. Ист. Рев. Архив. Дело деп. пол. № 705, 1908 г.

уж и дворник справлялся, к кому он приходил, да и время тревожное—еще бомбу подбросить может. Мне и по своим «обстоятельствам» уже пора было менять паспорт. Я преднамеренно вспылила и распрощалась с квартирой. Вскоре после этого случая к Сергею Романенко, в его отсутствие, на квартиру его матери вдруг явился Шурка Судьбинин и... спрашивал меня и заявил, что я будто его послала за военной типографией или что-то в этом роде. В этот же или на другой день Сергея арестовали.

Дело всех арестованных кончилось пустяками, что видно из постановления начальника охранного отделения, найденного мною сейчас в архиве. Постановление гласит: «Находя, что хотя по данным, имеющимся в переписке об означенных лицах, и не имеется достаточных оснований к возбуждению об этих лицах формального, в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Судопр., дознания и к передаче впоследствии такого дознания на суд, но что имеющиеся в переписке данные вполне и определенно указывают на то, что упомянутые: Буковский, Романенко и др. являются лицами политически крайне неблагонадежными и вредными для общественного спокойствия, Начальник Спб. жандармского управления постановил: войти об означенных лицах с надлежащим ходатайством о высылке их в отдаленные места России». (Дело депар. полиции № 705, 1908 г. Петр. Ист. Рев. Арх.). Судьба Сергея Романенко была очень трагична. Он, сидя в тюрьме, сошел с ума, и за безнадежностью его выпустили на поруки матери. Это было незадолго до моего ареста, весной 1909 года, и я так и не успела его повидать.

Еще раз мне косвенно пришлось столкнуться с Судьбининым *) при следующих обстоятельствах. Я только

*) Между прочим, В. П. Оборин встретил его в Петрограде в марте 1920 г., как Политкома 6-го артиллерийского дивизиона и как члена РКП. О том, что он служил в охранке, т. Оборин сообщил кому следует, о дальнейшем он не знает.

что переменила паспорт и последний раз приехала на один урок. В Петрограде мне часто приходилось заниматься с группами «своих» ребят. Соберется группа из 3-х, 5-и человек металлистов и изучает математику или что-нибудь в роде этого, платя по 3—5 рублей с человека. Так и тут я занималась с Игнатием Лукьяновичем (электро-монтер) и его юным братом—рабочим с стеклянного завода. Жили они в тупике, в огромном доме. Урок с ними я кончала в 11½ час. вечера и к этому времени у соседних ворот назначила явку Дмитрию Чистякову—деревообделочнику и еще другому товарищу с Выборгской стороны. Пришли они несколько ранее, стали в нише ворот и ждут. Вдруг появляется Судьбинин с двумя «гороховыми пальто». Расставил своих спутников у выхода из тупика, а сам стал в той же нише, где притаились товарищи. Последние его тотчас схватили и давай по-пролетарски «учить». Шурка вырвался и, крича караул и засвистев в полицейский свисток, кинулся в сторону гороховых пальто. Но последние, на потеху моим друзьям, кинулись улепетывать впереди Шурки... Скоро я вышла, товарищи подстерегли меня на пути и рассказали происшедшее. Между прочим, уже в начале 1909 г. я заявляла некоторым членам Исполнит. К-та и другим активным работникам, что Люси не имеет ничего общего с партией, приводила ряд подозрительных фактов и заявляла, что считаю ее провокатором. Но мой голос оставался «голосом вопиющего в пустыне», и Люси продолжала оставаться секретарем Ком-та, а аресты шли за арестами. Она очень умело пользовалась человеческими слабостями. Главным же козырем, которым она прикрывалась, был ее муж Серов, приговоренный на каторгу, безусловно честный человек, который, конечно, ничего не знал о поведении жены.

Если мне хотелось немного встряхнуться, я отправлялась к Соне Брозголь, и мы или проводили вечер в клубе работниц, или путешествовали по другим клубам. Гонимые этой жаждой путешествий, мы попали

однажды на собрание О-ва равноправия женщин. Соня была знакома с Коллонтай (тогда меньшевичкой), которая однажды читала в женском клубе лекцию. И вот через нее нам удалось проникнуть на заседание этого общества. Помню длинный стол в большом зале. Вокруг него сидят пышно разодетые, в замысловатых прическах, напудренные и подмазанные дамы, в браслетах, с моноклями и другими украшениями. Мы сразу почувствовали себя жалкими горничными среди этого «бомонда».

Порядок ведения собрания был тоже своеобразный. Говорили только избранные, председательница обращалась к ним по имени и отчеству. Когда одна женщина, просто одетая, видимо, «спасаемая», попросила слово, она получила в ответ только шокирующий взгляд председательницы, и слово сейчас же получила какая-то дама с моноклем. Больше уж мы туда не пошли...

Между тем, Федор Насимович все сидел в Крестах, а Володя в Томской тюрьме. Мы часто переписывались. Их письма служили мне большой моральной поддержкой. Дело военной организации, по которому привлекался Ф. Насимович, еще до сих пор не разыскано полностью в архивах, но из нескольких томов следствия, которые я просмотрела, видно, что откровенные показания и об Андрее Ивановиче Говорове (кличка — Александр), и об Ф. Насимовиче (кличка—Сергей), и также о других участниках процесса давал на суде некто Николай Родин, член организации, слесарь (кличка—Владислав, Ваня), у которого охранка нашла много вещественных доказательств. Возможно, что подобные показания давал и еще кто-нибудь, но во всяком случае уже показаний Родина достаточно было, чтобы дело пошло в суд. Привожу здесь между прочим показания Ф. Насимовича на 3-х допросах, бывших у него по этому делу, так как они являются интересным образчиком, по которому в то время давали показания все честные политические товарищи.

Первый допрос: «Я не признаю себя виновным в участии в обществе, именующемся Петроградская военная организация при Н. К. Р. С.-Д. Р. П., поставившем целью своей деятельности насильственное ниспровержение существующего в государстве общественного строя, то-есть в преступлении, предусмотренном 1 ч. 102 ст. уг. уложения. Найденные при обыске газеты «Пролетарий» № 21, журнал «Соц.-Дем.» № 1, два экземпляра, 4 брошюры «Наемное рабство и лучшее будущее», адрес «Знаменская, д. Пухова, М. И. Мальчик для В.» и письмо на мое имя от 2-го марта—принадлежат мне. На вопросы относительно вещественных доказательств и по существу дела отвечать не нахожу нужным. Федор Насимович». (Дело Петр. Воен. Окр. Суда № 187, 1909 г., стр. 144). Второй допрос 11-го ноября 1908 года: «Зовут меня Ф. Ф. Насимович. Относительно взятых у меня при обыске и ныне мне пред'явленных вещественных доказательств № 1, 2 и 3,—я признаю их своими, получил их для прочтения от лица, назвать которое не желаю. Ни с каким Данилевичем и Авиловым не знаком. На пред'явленные мне вопросы по существу дела отвечать не нахожу нужным. Федор Насимович» (Там же, стр. 169). И третий допрос от 2-го декабря 1908 г., по пред'явлению предыдущих допросов и дознания: «По ознакомлению с дознанием, кроме сказанного раньше, добавить ничего не имею. Ф. Насимович. (Там же, стр. 170).

Судили всю группу «по процессу 38» Петроградской военной организации в 1909 году. 11 товарищей были приговорены к каторге, а другим дали ссылку на поселение. Федор получил 2 года 8 месяцев каторги, но при утверждении приговора, в виду его молодости, каторга была заменена ссылкой на поселение. Незадолго перед своим арестом весною 1909 года мне удалось попасть к нему на свидание в Кресты. От долгого сиденья, занятий и плохой тюремной пищи он обратился совсем в тень. Только глаза стали еще больше. Ему никто не посылал передач, так как единственный остав-

шийся на воле друг его — я, была так занята, что за всю зиму едва ли смогла послать ему две передачи. Тогда я не придавала значения этим вещам. Только много лет спустя, когда мне долго пришлось сидеть в таком же положении, я поняла, какое значение имеют они в тюрьме.

В моих переселениях от одного конца Питера в другой, судьба занесла меня как-то к Ольге, бывшей когда-то секретарем на Выборгской стороне. Она уже около года порвала с партией и всецело погрузилась в изучение изящной литературы. Писала рефераты в тысячу первый раз на тему «Ромео и ревность» и в течение месяца, который я жила с ней в комнате, непрерывно вела атаку на мою неказистую наружность, советуя мне чем-нибудь прикраситься, ибо «женщина прежде всего должна быть женственна». Вскоре нам пришлось расстаться. Я провалилась, за мной началась слежка, а с другой стороны, хозяйка квартиры, удивлявшаяся моему редкому пребыванию дома, подслушала, что Ольга, сбиваясь, звала меня Верой, а не по паспорту. Она начала проявлять по отношению меня неприятную активность. И пришлось, бросив паспорт, за неимением другого перейти на ночевки. Жить в то время по фальшивкам в Петрограде было нельзя. Обыкновенно полиция производила поверку паспортов, посылая на места запросы о всех вновь или недавно прописавшихся. Надо было снимать полную копию с паспорта действительно существующего лица и жившего не в том месте, где выдавался паспорт. Я думала, что товарищи в Вятке могут устроить производство таких паспортов, и решила с'ездить в Вятку. Но в этот момент я захворала брюшным тифом, и мне пришлось недели две лежать у разных курсисток. Немного оправившись, я все же с'ездила в Вятку на 2 дня, но с'организовать там «паспортное бюро» не смогла. Удалось только достать себе паспорт на имя Мышкиной. Это было в начале апреля 1909 года. Вернувшись в Питер, я нашла себе комнатку у одного сапожника на послед-

ней линии Васильевского острова и начала подумывать о перемене партийной работы.

Хотя нам и удалось постепенно расширить связи в полках, но эта работа меня не удовлетворяла. Не было массового движения. Было ясно, что центр тяжести дальнейшей политической борьбы переносится сейчас на рабочее движение. Активная революция кончилась, и вместе с ней заснули крестьянские и солдатские массы. Наступила реакция, от которой избавить страну мог только рабочий класс.

Нужны были новые подходы в работе. Если раньше достаточно было «боевой» пропаганды, основанной на 2—3 прочитанных брошюрах, то теперь начиналась более углубленная работа, требовавшая прежде всего знаний. А их-то у меня было недостаточно. Кроме того, меня сильно потрепал тиф, в кишках было какое-то осложнение, и я решила, передав свои связи, месяца два посвятить всецело чтению, поселившись где-нибудь на окраине, поближе к лесу.

В этот момент неожиданно на сцену выступили жандармы. Арестовали меня 13 мая 1909 г. и совершенно случайно. Произвели поверку паспортов и в Вятке, откуда был выдан мне паспорт, ответили, что особа, по паспорту которой я жила, вышла замуж и живет в Вятке при своем супруге. Внутри нашей военной организации не было в то время не только провокации, но за нами даже не следили. В день ареста я ночевала у Брозголь, затем зашла к Марусям, у которых хранились в тот момент несколько пачек свежих военных прокламаций. Потом была на расширенном заседании военной группы, на заседании финансовой комиссии, где передала только что полученный мною по пути подписной лист военной организации с довольно крупной суммой... А когда пришла домой, там уже сидела засада.

Между прочим, дня за три до этого у меня был т. Оборин, который принес мне написанную им прокламацию, и мы ее сообща поправили. Накануне я взяла у него

писаный экземпляр и одну отпечатанную копию, чтоб на досуге их сравнить и почитать. Но, как выяснилось впоследствии, все эти похождения были совершенно неизвестны охранке, и кроме меня никто арестован не был. Арест был для меня неожиданностью, но дома у меня ничего не было, за исключением прокламации и ее копии. На оригинале были поправки моей рукой, и положение могло бы стать серьезным. Привели меня в участок, стали рассматривать книги и тетради, взятые при обыске, а прокламации среди них не было. Между тем, хозяин квартиры, когда меня уводили, успел шепнуть, что у меня нашли прокламации. Видимо, околоточный надзиратель, делавший обыск, или из любопытства, или по доброте душевной сунул их к себе в карман. Таким образом и на этот раз я «села» очень удачно.

Две недели меня держали в охранном отделении в чистой комнате с кожаным диваном, на котором я спала. Жандарм приносил мне обед из гостиницы. Наконец меня повели на допрос. Попросили сообщить, кто я. С «негодованием» отрицала я обвинение, что живу по чужому паспорту, и заявила, что наверно та особа, которая вышла замуж в Вятке, воспользовалась моим именем. Мне обещали выяснить и отправили сейчас же в Литовский замок.

Как это ни странно, но вторичное пребывание в Литовском замке я считаю одним из светлых моментов своей жизни. Сначала мне было очень досадно и больно. Но добродушные насмешки товарищей и их подтрунивание над моим бесплодным отчаянием скоро отрезвили меня. Я с увлечением начала заниматься, а вскоре от нормального образа жизни и физически окрепла.

Подбор товарищей в нашей камере был на редкость удачный. Не было никого, кто бы не работал в тюрьме над самим собой. Нас сидело в огромной комнате 20 чел. Утром с 9 до часу была полная тишина — все читали. Затем шел обед, потом прогулка, на которой мы или устраивали полеты (бег на носках), или, разлегшись

на солнце, открывали диспут. Последний принимал иногда очень жаркий характер. Особенно много копьев было потрачено вокруг «имперiомонизма» и критики его тов. Лениным. После прогулки—занятия группами и отдельно. Работницы брали уроки по общеобразовательным предметам и т. д. Потом ужин, разговоры, иногда песни с полчаса и, наконец, всеобщая мюлеровская гимнастика и обливание холодной водой. А с 9 час. вечера опять полная тишина и занятия каждого отдельно.

На почве мюлеровской гимнастики у нас произошло потешное недоразумение с начальницей тюрьмы. Последняя имела скверную привычку после поверки приходить подслушивать у камеры и подглядывать в волчок. Мы хотя и знали это, но не обращали на нее внимания. Однажды мы запоздали с гимнастикой, и обливание наше пришлось на 11 часов вечера. Случись так, что она пришла подслушивать и заглянула в волчок в тот момент, когда мы все 20 человек стояли голые в ряд, дожидаясь, пока дежурная окатит нас из ведра. Самый процесс окатывания происходил в углу, около умывальника, и его в волчок не было видно. И вот эту нашу «голую очередь» начальница тюрьмы приняла за насмешку и демонстрацию, специально приспособленную к моменту ее поглядывания. На утро, когда мы еще спали крепким сном, влетает она в камеру во всем параде, в сопровождении всех надзирательниц, и начинает осыпать нас горькими упреками «за незаслуженное оскорбление» и прочее. С удивлением слушали мы ее, ничего не понимая. Когда же наконец она, красная от гнева, пояснила нам причину своего негодования, то... разразился такой всеобщий гомерический хохот, что ей, вместе со свитой, ничего не оставалось делать, как поскорее удалиться. Потом мы послали к ней делегатов с раз'яснением, так как отношения у нас были сносные и портить их не было причин.

Жили мы полной коммуной: ни еды, ни денег, ни у кого не было. Все поступало в общую кассу. Одежда тоже

была одинакова: все носили синие сарафаны и белые кофточки. Ходили большинство босиком, так как ботинки надо было беречь к воле. Мы так все сблизились, что решили называть друг друга на ты и дали слово раз в год писать все о себе, что мы пережили, на один адрес. Адресат же должен был посылать копии писем всем 20-и писавшим. Конечно, это оказалось утопией, и через 2 года писать перестали. Между прочим, мы выяснили, что никто из сидевших в камере не знал на воле друг друга. А между тем все знали Люси. Так, тов. Янушевская привезла чемодан из Варшавы с заграничной литературой, сообщила об этом только Люси и сейчас же с ним была арестована. Такие же странные совпадения были и у других. Обсудив все совместно с соседней камерой, где сидело 5 политических, мы составили заявление в Петерб. Комитет о том, что Люси—провокатор, и за подписью 25 человек переправили его на волю. Однако дальнейшая судьба заявления осталась нам неизвестна.

Из сидевших я помню следующие фамилии: Вера Вадимовна Кузьмина (секретарь П. К-та), Лиза Яковенко, Соня Барыбина-Машковская (ушла на поселение), Катя Барбосская (ушла на поселение), Янушевская, Паночка (дали 3 или 4 года крепости), Ирина Бызова, с которой нас связывала нежная дружба, и др. товарищи. Все сидевшие были большевички.

Через месяц меня взяли опять на допрос. Я уже знала, что на воле все обстоит благополучно, и сообщила свою фамилию, об'яснив свой побег из Вятки тем, что хотела продолжать ученье на курсах. Не знаю, поверили ли мне, но все 4 месяца, которые я сидела в Питере, меня держали за охранным отделением.

Больше на допросы меня не вызывали, и в один прекрасный день прямо отправили в пересыльную тюрьму, откуда 5-го сентября 1909 года повезли обратно в Вятку.

ПЕРЕСЫЛЬНАЯ ТЮРЬМА, ЭТАП, ВЯТКА, ТОМСК

Глава VI

Пересыльная тюрьма в Петрограде — колоссальный дом с внутренним двором. Между окнами и местом прогулок такое расстояние, что как я ни напрягала зрение, рассмотреть среди гулявших пересыльников знакомые лица было невозможно. В камеру-одиночку попала я вместе с Лидой, доктором медицины из Швейцарии, и ремесленницей-еврейкой, молодой, жизнерадостной девушкой. Обе они были взяты из других петроградских женских тюрем. Лида, ей было лет 35—40, только что приехала из Швейцарии (партийности ее не помню) для нелегальной работы. Она очень скоро была арестована и получила 3 года ссылки на Кольский полуостров. Ее отправили в деревню, за городом Кола.

Просидели мы вместе несколько дней. Наконец наступил момент отправки в этап. Грязная огромная комната и ряд серых, изможденных, несчастных людей, в кандалах и без кандалов, в арестантской одежде или в крестьянских отрепьях и лаптях. В глубине души я надеялась, что Насимович попадет в наш этап и с нетерпением ждала посадки в вагон, ожидая его там встретить. При посадке мы потребовали, чтобы политических садили вместе. Того же требовали и бывшие в партии мужчины. Просьбу исполнили. Сейчас же пошел обмен

новостями. Насимовича не было, но был тов. Бутин Иван Афанасьевич, который целый год сидел рядом с Федором в соседней одиночке, сдружился с ним и рассказал мне про их совместную жизнь, интересы и настроения. Бутин был высокий, нервный юноша. Он был большевиком и сидел около года в Крестах. Дела его я не помню. В тюрьмах мы напитались всевозможной литературщиной, у нас, естественно, было стремление поделиться читанным со свежими людьми. Поднялся горячий спор на различные темы. Но несмотря на то, что совместный этап продолжался только двое суток, у меня сохранилось о Бутине, как о незаурядном товарище, яркое воспоминание. Особенно симпатична была в нем непримиримая, боевая честность в постановке всех жизненных вопросов.

И вот опять Вятка. Узнала о смерти Наташи (умерла от чахотки), познакомилась с двумя-тремя новыми товарищами, сидевшими в политической камере. Скоро вышла на волю, доканчивать срок ссылки. Так как мне зачли вермя моего сиденья в тюрьмах и те месяцы, которые я была в Вятке до побега, мне осталось жить в ссылке 1 год и 3 месяца. Я решила окончить свой срок, посвятив житье в Вятке необходимой теоретической подготовке. Жила я там в полнейшем одиночестве и занималась. Большевистской организации в Вятке тогда не было. Однако был ряд своих товарищей среди рабочих железнодорожников. Одно время я пробовала с ними сблизиться. Раза два я занималась с кружком рабочих из 10 человек. Затем этот кружок распался.

С вятскими ссыльными мне не удалось связаться. В самой Вятке их было немного, да и бывшие особенного интереса не представляли.

Сколько-нибудь радикальной средой было в то время в Вятке и сельское учительство. Оно группировалось вокруг общежития для сельских приезжих учителей. Я туда частенько захаживала. В общежитии собиралось иногда до 15—25 учительниц, появлялись и красные

книжечки и революционные песни. Однако там царил право-эс-эровский мещанский дух. Атмосферу работы учительницы на селе достаточно характеризует следующий случай: я помню одну 45-летнюю учительницу, которая приехала в Вятку, чтобы получить у доктора свидетельство о девственности. Оказалось следующее: сельский поп донес на нее, что она в молодости жила с кем-то «гражданским» браком; она тотчас была уволена, и только по пред'явлении свидетельства ей удалось водвориться опять на свое место.

Вскоре после приезда в Вятку меня вызвали повесткой к мировому судье и... начали судить за побег из ссылки. Приговорили меня к высидке на 2 недели в арестном доме. Забрав постель и книги, я явилась на другой день в арестантское отделение. Женский арестный дом в Вятке помещался тогда во втором этаже двухэтажного деревянного дома с большим пустым двором, заваленным дровами. Под арестанток отводились 3 камеры—больших и чистых. Вторую половину квартиры занимал многосемейный старичок-смотритель. Арестованных в тот момент не было никого, и мое появление, видимо, обрадовало и смотрителя, и 2-х надзирательниц, которые изнывали от безделья. Я тотчас расположилась заниматься... Вдруг вечером дверь моей камеры отворилась, и на пороге появился смотритель с надзирательницей.

«Арестованная, начинайте петь молитвы!»—заявил смотритель.

Ничто не могло меня так взбесить, как напоминание о попах и молитвах. Я заявила: «Можете сами петь, что вам угодно. Я петь не намерена» и приготовилась к всевозможным последствиям, памятуя Литовскую уголовную тюрьму. Каково же было мое удивление, когда смотритель в ответ сложил смиренно руки и действительно начал петь дребезжащим голосом молитвы. Продребезжав под конец совместно с надзирательницей «спаси господи и помилуй...», он удалился.

С тех пор регулярно каждый день он являлся и служил у меня молебны. Сначала я только поворачивалась к стене во время концерта, чтобы не расхохотаться; наконец я спросила у надзирательницы, что это означает. Оказалось, что в нижней квартире жил какой-то важный тюремный чин. Смотритель распевал молитвы, надеясь, что внизу будут думать, будто это поют арестованные. Таким образом он рассчитывал сохранить репутацию строгого и богобоязненного начальника.

Моя переписка с В. Сафьянниковым, который продолжал отсиживать свой трехгодичный срок в Томской тюрьме, продолжала быть регулярной. Пользуюсь возможностью привести некоторые выдержки из его писем. Как я уже писала, 1908—1909 гг. были годами наибольшего расцвета реакции. Они особенно тяжело переживались потому, что их сопровождал моральный распад и массовый отход интеллигенции от пролетариата. Такая же картина наблюдалась и в сибирской ссылке, особенно среди административных, а также и в сибирских тюрьмах. Вот что писал мне Володя 21-го ноября 1908 г., еще в Петроград, из Томской тюрьмы:

...«После моего последнего внецензурного (от 7-го сентября) письма много воды утекло. Уже успели здесь 17 чел. (уголовных) в шесть приемов повесить. Андрей Волнов успел здесь в тюрьме сжечь себя живьем, облив керосином (25-го сентября 1908 года). Михаил Желонкин почти с ума сошел. Павел Петров (27-го октября 1908 года) тоже в роде этого устроил: плохоньким ножом пропорол себе бок, думая покончить самоубийством, и т. д., и т. д. Мы посему было об'явили голодовку, но нам сделали послабления»...

«Дальше вдруг встает перед глазами «пьянствующая братия»: Волнов, Виктор Дорохов, Струнин, Игнатьев и др. Много уж прошло лиц мимо, многие были свои и канули в «Лету»... Невольно оглядываешься кругом... Те товарищи, которых считал дорогими, становятся в такие отвратительные позы, что, кажется, сам бы затянул

им петлю, чтоб небо не коптили. Становишься фанатиком класса»...

Конечно, распад не захватывал поголовно всех. Лучшая часть молодежи продолжала работать над собой и в тюрьмах. На воле продолжалась нелегальная работа, не в таком только массовом масштабе, как прежде. Доказательством этому служит ряд политических процессов того времени, в частности три процесса, слушавшиеся в Томске.

16—17-го апреля 1909 года разбиралось дело 20 человек соц.-дем., проваленных Волновым. (Из них Кайгородова и Бутузова Прохора (кличка—Бушмен) осудили на 1½ года крепости каждого. Лозовского Исая, Легалова Гришу, Александровского—на 8 месяцев. Померанцева, Бутузова Ивана, Крылова—на 2 года в Тобольск, в административную ссылку).

4—5-го мая 1909 г. разбиралось дело большевистской боевой организации. (Лизу Петрову осудили к 4 годам каторги, Шилигина—к 4 месяцам крепости. Хорошайлова—к 4 месяцам тюрьмы. Дорохова—к 6 мес. Гицевича и Александрова Петра—к 1 году крепости)

29-го ноября 1910 г. в Томск привезли из Нарыма 17 человек ссыльных, обвинявшихся в принадлежности к нарымскому кружку соц.-дем. Среди привезенных были Куйбышев Валерьян (сидел раньше в томской тюрьме. Суд его тогда оправдал. Он был отправлен в административную ссылку), Васильев, Газарх, Новоселов, Асадкин, Новожилов, Савченко, Голощекин, Дмитриев, Предтеченский, Иванов Арк., Филановский, Коржавин, Косарев и др. Их всех продержали в тюрьме до 21-го марта 1911 г., потом опять вернули в ссылку—дело их было «прекращено».

Для многих тюрьма была университетом, где, не заботясь о «хлебе насущном», сидящий мог впервые отдаться своему марксистскому образованию. Как картинку времяпрепровождения в тюрьме нашей молодежи, могу привести следующую выдержку из письма В. Сафьян-

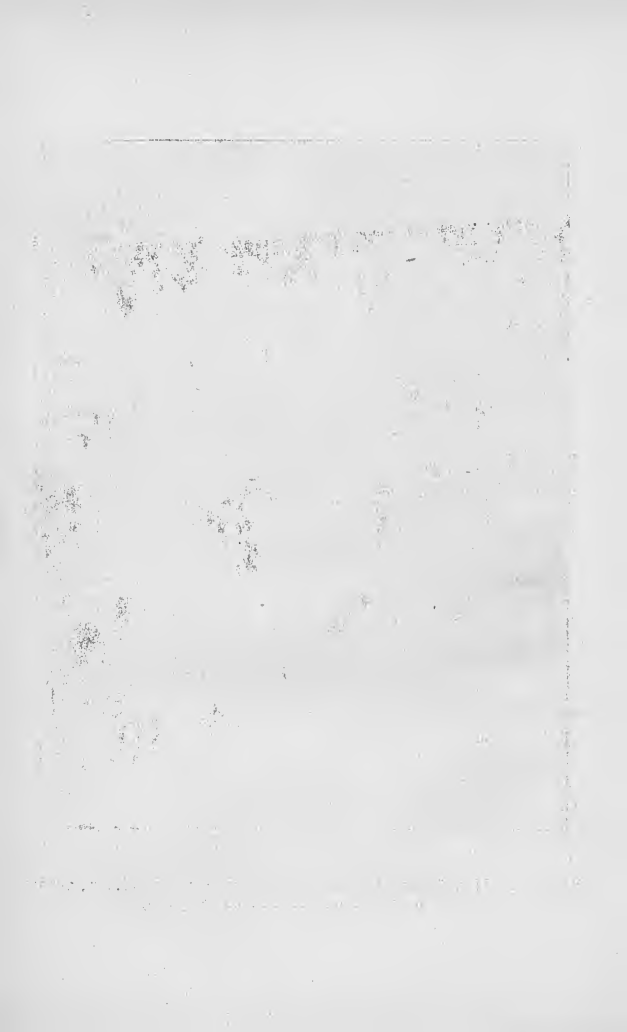
никова: «Жизнь течет у меня так: просыпаюсь часов в 5 или 6—все спят. Зажигаю вторую лампу и читаю до 7½ часов «Капитал», то-есть до тех пор, пока сожители спят. В 8 час. мы встаем все четверо, умываемся до пояса и делаем гимнастику. Потом чай. Затем я до 10 читаю. (Сейчас я читаю Лили Браун, а до этого прочитал «Идеалы и действительность в русской литературе» Кропоткина). С 10 час. до 11-и гуляем, а через полчаса после прогулки обед и чай. До 2-х часов снова читаем. Затем вторая прогулка до 3-х с половиной часов. В 4 умываемся (опять до пояса), пьем чай и с 6 до 9 читаем. А там спать... И так каждый день...»

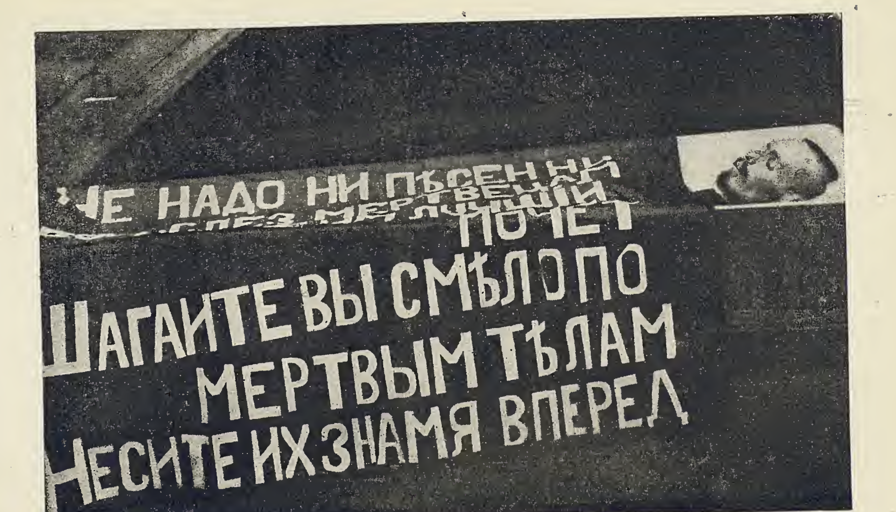
Дожив до весны 1910 года в Вятке, я решила нелегально с'ездить к товарищам, чтобы немножко встряхнуться. Еще во время моего пребывания в Петрограде, в январе 1909 года, были арестованы мои сестры Юлия и Елизавета Хрущевы. Люлюшу выслали в административную ссылку на 2 года в Мариинск. Лилю судили и приговорили за принадлежность к соц.-дем. организации к ссылке на поселение. Случайно Лилю выслали в Канский уезд Енисейской губернии, куда был сослан и Федор Насимович, даже в одно село. К ним я и решила с'ездить, навестив по дороге Люлюшу.

Я п[illegible]ехала к одной своей приятельнице в Вятке, к гладильщице белья, Степаниде. В полиции я заявила, что она моя тетка, и, прописавшись у нее, поехала в Сибирь. Билет мне прислала мать, которая продолжала служить на железной дороге. Приехала я в Мариинск—административная ссылка там состояла из целой колонии молодых девушек, которые жили коммунами по 3—4 чел., и нескольких мужчин. Все они были тесно связаны друг с другом, часто собирались вместе, читали, ездили большими компаниями в лес и т. д. Люлюша жила с 2-мя товарищами-девушками коммуной, чувствовала себя хорошо, веселилась. Они там проводили нелегальную работу, были связаны с местными большевиками, но

Владимир Михайлович Сафьянников (снят в марте 1911 г., тотчас после выхода из Томской тюрьмы).

Федор Федорович Насимович (умер в августе 1910 г. в Канском уезде Енисейской губ., куда был сослан на поселение).

подробностей я не помню. Знаю только, что год спустя это вызвало аресты в Мариинске.

Прожив у Люлюши дня 3, я отправилась дальше. До Канска я ехала по железной дороге. Дальше, чтобы попасть в село, где жила Лиля и Федор Насимович, надо было ехать 100 верст на лошадях. На постоялом дворе, где я остановилась, мне не советовали ехать на лошадях одной. Говорили, что ямщики—бывшие уголовные поселенцы, готовые за грош задушить человека. Положение было затруднительное. На выручку пришел довольно комичный инцидент. Ямщики сообщили мне, что почтальон везет почту в село, находившееся в 10 верстах от Христорождественского, и что если местный исправник разрешит, то мне с ним можно будет доехать благополучно. Иду к исправнику, изображаю из себя «бонтонную» девицу-курсистку, едущую к сестре-учительнице в гости. Исправник оказался «галантным» мужчиной. Его, видимо, обрадовало появление в глуши интеллигентной барышни. Не желая показаться дикарем, он рассыпался в любезностях и... пригласил меня ехать не с почтой, а с ним, так как он сейчас же едет на тройке в деревню, верстах в 22-х от Христорождественского, расследовать какое-то убийство. Положение сделалось аховым: отказаться—значит навлечь на себя подозрение исправника, согласиться—риск еще больший. У меня не было с собой паспорта, навстречу мне могли выйти кто-нибудь из товарищей. Тогда, конечно, исправник догадается, что я еду к ссыльным. Дело могло принять серьезный оборот. Но выбора не было. Я решилась все-таки ехать с ним. Катим мы на великолепной тройке (при чем я еду «даром»), я разыгрываю из себя «жеманную» светскую особу, исправник галантно ведет со мной разговор. Временами меня душит смех, но я напрягаю все усилия, чтобы сдержаться. Один раз я имела повод посмеяться над ним. Пили мы чай в крестьянской избе. Он так вошел в роль джентльмена, что захотел поймать мне маленького кролика, бегающего у крестьянки в ком-

нате; однако он не соразмерил движения и... рухнулся на свой огромный живот посреди комнаты, во всем парадном исправничьем костюме. Месяц спустя он делал облаву по уезду, ловя меня и терроризуя ссыльных — у Федора Насимовича он сделал два обыска.

К 6-и часам вечера я уже была в Христорождественском, нашла сестру. Федор, оказалось, пошел меня встречать и вернулся только на другой день к вечеру, измученный и разочарованный. Мы, «к счастью», раз'ехались. Радостно было встретить товарища, который своим примером всегда зажигал кругом все новые огни энтузиазма!

Среди политических поселенцев Канского уезда в тот момент собралась как раз довольно крупная, интересная публика. От них я впоследствии получала коллективные письма и открытки, когда они группами и в одиночку бежали из ссылки заграницу. Ссыльно-поселенцы Канского уезда были тесно связаны между собою. Благодаря большой глуши, полиция к ним редко заглядывала. Они ездили и ходили друг к другу по крупнейшим селам, устраивали собрания, где делались доклады, организовали нелегальный союз ссыльно-поселенцев. Я прожила там полторы недели, с многими познакомилась, побывала и пожила за это время в трех крупнейших селах. Затем я поехала в Вятку доканчивать срок своей ссылки.

В Вятке мое отсутствие не заметили. Обычно я ходила раз в месяц в полицию за пособием, выдававшимся административно-ссыльным. На этот раз я запоздала всего лишь на неделю. За день до моего приезда к «тетушке» явился туда городовой и спрашивал меня, но Степанида заявила, что я больна. Так удачно сошло это рискованное предприятие.

1-го октября 1910 г. в селе Тасееве умер Федор Насимович. Последнее время он был, как всегда, в центре по организации союза ссыльно-поселенцев и много ходил

из села в село. Для его надорванного организма это оказалось не по силам. Вдобавок ко всему, в ссылке он голодал. Административным ссыльным правительство платило маленькую сумму. Я, например, получала, кажется, 8 руб. в месяц, политические ссыльные-дворяне получали по 12 рублей в месяц, ссыльные-поселенцы не получали ничего. Получить заработок в глухом сибирском селе, где крестьяне боялись политических и норовили с них только неимоверно дорого содрать за все продукты, было невозможно. Не голодали только те, кому посылали деньги состоятельные родители или родственники. Правда, в последнее время Федор начал сотрудничать в иркутской легальной газете с.-д. направления, но это был небольшой и очень непостоянный заработок. Такой же каплей была и моя материальная помощь.

В конце августа 1910 года Ф. Насимович заболел тифом, который кончился излиянием крови в мозг. Его не стало. Хоронили его ссыльные, покрывши красным знаменем, под пение революционных песен, как борца, наперекор лютой реакции, царившей по всей России и особенно в глухих местечках Сибири, где каждый «политический» был игрушкой в руках самодура-исправника. Так оборвалась жизнь этого замечательного человека.

Вскоре организм и у меня начал сдавать. От упорного чтения и малокровия в веках образовались и начали расти какие-то шишки, ослабло зрение, и, с трудом дотянув срок ссылки, я поехала в феврале 1911 года к матери в Томск, чтоб отдохнуть. Здесь меня ожидала большая радость: в конце февраля кончился срок пребывания в тюрьме В. Сафьянникова, и мы провели вместе 2 недели. Затем Володя поехал повидать мать. Я не рискнула с ним ехать, так как чувствовала, что с каждым днем у меня резко падают силы. Действительно, уже через несколько дней после его от'езда я лежала почти в летаргическом состоянии, которое продолжалось с полгода. Только к концу 1911 года я поправилась.

Устроилась на работу и начала возобновлять связи с оставшимися в Томске большевиками, а также с вернувшимися из ссылки товарищами. С ними у нас начались регулярные встречи и попытки начать работу. Вернулись из ссылки и были в Томске тогда следующие товарищи: И. М. Померанцев, Осип (слесарь-печник), Иван Подеревщик, Игнатий Гудеев, Бушмен, Гриша Легалов, моя сестра Люлюша и др. товарищи.

Связь с заграницей у нас была хорошая. Еще живя в Вятке, я поддерживала переписку с товарищами из ссыльно-поселенцев Канского уезда, эмигрировавшими во Францию, и регулярно получала от них заграничные большевистские газеты. Делалось это очень просто: они посылали газету в простом конверте, как письмо, конечно, завернув ее предварительно в бумагу. Адресатом было «благонадежное лицо». Таким способом я получала газеты регулярно и в Вятке, и в Томске. Но работа по восстановлению большевистской организации в Томске подвигалась медленно, так как все мы были «сильно скомпрометированная» публика и за нами следили. В конце декабря я уже ехала в Сретенск к В. Сафьянникову, так как мы решили жениться. От'езд мой из Томска, как и приезд в Сретенск, сопровождался большой помпой. Не успели за мной закрыться двери родительского дома, как туда нагрянули жандармы и перерыли весь дом. Точно такая же встреча была и в Сретенске. Только мы с Володей вошли в квартиру, и я поздоровалась с его матерью, как раздался топот и привычный звон шпор. Несмотря на всю мою конспиративность, у меня за пазухой была целая пачка писем от близких мне товарищей. Здесь мне пришлось порвать и эту последнюю иллюзию «хранить исторические документы», и я решительно бросила их в ярко пылавшую печь, прежде чем жандармы влетели в комнату. Таким образом опять, кроме пары белья и книг, у меня ничего не было найдено, и жандармы благополучно удалились.

За год моей болезни В. Сафьянников жил в рабочей среде. После выхода из тюрьмы он поступил весною 1911 года кочегаром на пароход, который делал рейсы из Сретенска в Благовещенск. Осенью за прекращением навигации он работал жел.-дор. чернорабочим на ст. Кокуй, недалеко от Сретенска, где велись в то время крупные жел.-дор. работы по ремонту и каким-то сооружениям. Жизнь и условия работы сибирских рабочих, а в особенности на Дальнем Востоке, были во всех отношениях хуже жизни рабочих в России. Им приходилось спать в общих, наскоро сколоченных, сырых и грязных бараках. В оплате труда были постоянные надувательства. На востоке господствовал тогда самый беззастенчивый хищнический капитал, который на глазах у всех появлялся и рос в буквальном смысле слова из «крови и грязи». Все крупные капиталы появлялись в результате или ряда злостных банкротств и не менее гнусных проделок с товарами, а то и прямо в результате убийств на золотых приисках. Каждая «почтенная» торговая фирма имела за своей спиной целый ряд крупных уголовных преступлений, о которых все знали. Около Сретенска, рядом со знаменитыми каторгами «Акатуй», «Зерентуй», находились и золотые россыпи, вокруг которых шла настоящая вакханалия. Недалеко была граница с Китаем, через которую шла контрабанда. Из Сретенска же шел водный путь на Благовещенск и железная дорога на Владивосток, через который шла мировая торговля с Америкой и Японией. Таким образом, в промышленном отношении этот край был накануне расцвета.

Между тем у В. Сафьянникова, благодаря тюрьме, а также вследствие резкого перехода от физического безделья в тюрьме к 12-часовому тяжелому рабочему дню, здоровье также пошатнулось, и мы решили временно пожить и передохнуть в Сретенске. Мы учитывали, что ни в крупных сибирских центрах, ни в России жандармы

не дадут нам работать *), и думали при первой возможности эмигрировать в Америку, пока же работать в провинции, так как ее рабочее движение является немаловажным фактором в общем революционном под'еме страны. В Сретенске мы вошли в местный союз приказчиков (в Сретенске, как крупном торговом центре, это был самый многочисленный пролетариат), постепенно вытеснили из него всю публику, имеющую отношение к администрации предприятий, забрали под свое влияние правление союза. Мы входили в него то оба вместе, то порознь, или работали в его комиссиях. При библиотеке общества мы и жили. Библиотека общества приказчиков обратилась в центр местного рабочего движения. Сюда постоянно приходила вся левая публика, жившая в городе или паезжавшая, и здесь по-своему шла кипучая политическая жизнь. Несколько раз были обыски.

Когда в 1914 году вспыхнула война, на огромном собрании приказчиков была вынесена резкая резолюция протеста против войны, опубликованная в газетах и посланная в центр. Я не буду останавливаться подробно ни на бывших стачках, ни на других формах борьбы, которые вел союз, так как не имею протоколов заседаний и др. документов, а без них по памяти восстановить подробную картину трудно.

Так как удостоверения о политической благонадежности нам не давали, а без него нельзя было получить регулярного заработка, мы почти до самой революции занимались уроками.

---

*) Действительно, в московскую охранку тогда же сибирскими жандармами была послана копия письма Володи ко мне, на случай нашего туда приезда. См. приложение № 2.

II

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ В СИБИРИ

Глава VII

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СРЕТЕНСКЕ

Первые вести о происшедшем в Петрограде перевороте произвели в Сретенске впечатление разорвавшейся бомбы. Я состояла в тот момент членом правления о-ва приказчиков—единственно легальной рабочей организации в городе. В первые дни переворота мы не решились выступить инициаторами митингов. В полное недоумение вводил меня состав Временного Правительства, которое сменило царя. Я поименно знала их, как махровых буржуа и просто черносотенцев. Выступать с выражением симпатии такому правительству язык не поворачивался, выступать же против, когда мы не имели ничего, кроме ликующих официальных телеграмм из центра, было как-то неудобно.

На второй или третий день, прошедших в митингах, на которых выступали местные (ссыльно-поселенцы) с.-р. и меньшевики, а часто либералы и даже бывшие члены союза русского народа и которые были битком набиты всеми обывателями, я услыхала, что на площади под открытым небом группа лиц созывает общенародное собрание для выбора Комитета общественной безопасности. Пошла и я на площадь. На деревянном, только что сколоченном помосте стояли местные черносотенцы (как Лучко, Виницкий), с.-р. (Сошников), мень-

шевик Элердов и ряд военных крупных чиновников и казаков. Это были «представители общественности», которые созвали народ. С трибуны предложили присутствующим разделиться по профессиям и службам и выбрать своих представителей пропорционально численности. Казаки были выделены в особую курию, домовладельцы и т. п. тоже. Что же касается женщин, то им всем предложили соединиться в одну курию, не разделяясь по профессиям, и выбрать двух своих представительниц. Так как женщин было не менее трети собравшихся, то получилась грандиозная толпа. О нелепости этого общеженского и внеклассового выбора делегаток некоторые заявляли, но их не послушали.

Собрались женщины в огромном битком набитом зале театра, и начался галдеж невообразимый. Вдруг на стол с неистовым криком вскочила одна дама в дорогой, но почему-то порванной шубе, в шапке с бантами, которая с'ехала на бок... Это была учительница Эквабианц, эксцентричная особа. Ей было лет 26. «Женщины, выбирайте меня! Женщины, выбирайте меня!»—кричала она истошным голосом. До этого момента я держалась в стороне, занимая наблюдательную позицию, но тут, видя, что собрание принимает скандальный характер, решила вмешаться. Я начала кричать о необходимости выбрать председателя, но было поздно. Страсти разгорелись, все женщины кричали в голос, и меня услыхали только две-три мои соседки.

Между тем Эквабианц все продолжала кричать, что-то обещая и требуя своего избрания. Одна часть собрания кричала в ответ: «пошла к чорту!», другая—за нее. Неожиданно я услыхала крики со своей фамилией, которые все усиливались. В дальнейшем я уже стала игрушкой судьбы... Меня схватили несколько рук, и я очутилась рядом с Эквабианц на столе. Мне однако не давали говорить. Стоявшая рядом Эквабианц, не переставая, кричала, требуя своего собрания. Мои сторонницы стаскивали ее за полы шубы со стола. Ее сторон-

ницы кричали, чтоб ее не трогали. Стоял сплошной гам.

В случайную минуту затишья О. М. Шергова (местный зубной врач) начала громко кричать, предлагая выбрать Паникас (латышка, соц.-демократка, старый член партии). Почему-то фамилия показалась еврейской, и раздались исступленные голоса: «жидовок не хотим, жидовок не хотим!». С этого момента уже ничего не было слышно, кроме сплошного рева. В нескольких местах началась потасовка, раздавались истерические крики дерущихся.

Между тем на площади, где стояла 3—4-тысячная толпа и выборы уже кончились, разнеслась весть, что женщины дерутся. Вопрос начали публично обсуждать, решили послать к нам делегацию и в то же время вызвать пожарную команду и роту солдат. С трудом при помощи солдат пробралась делегация из трех человек и водрузилась рядом с нами на столе. Во главе делегации был какой-то бравый офицер, с галантными манерами (год спустя я видела его бегающим с плеткой в Семеновском застенке). Вид солдат и офицера произвели несколько отрезвляющее действие, наступила относительная тишина. Офицер пояснил, что волноваться нечего: есть две избранные делегатки—и готово, можно итти на площадь.

Но наступившее было успокоение опять испортила Эквабианц. «Женщины! — кричала она, — Керенского народ выносит на руках: несите меня так же на руках на площадь!» Тотчас ее подхватили несколько рук и в сидячем положении понесли к дверям. Но другой части зала, стоявшей за меня, это показалось обидным, и они решили понести и меня. Напрасно я отбивалась, меня схватили и понесли вслед за Эквабианц.

Шествие наше подвигалось очень медленно, в зале была чрезвычайная теснота. Так как хотели вынести нас вперед, а потом выйти самим, то никто не выходил из залы. В то же время страсти стали опять разгораться.

Мои сторонницы хотели вынести первой меня, сторонницы Эквабианц—ее. Поднялся крик, давка и драка... Около дверей мы окончательно завязли: ни одна, ни другая группа не хотела уступить, и шла свирепая свалка. Про нас забыли, обе мы висели вниз головой, схватившись за чьи-то юбки; нас крепко держали только за колени над толпой.

Как мы попали на улицу, я не помню. Вид у нас у обеих был плачевный. На площади появление женщин было встречено всеобщим хохотом и аплодисментами. Особенно ликовали черносотенцы. Некоторые прямо подходили ко мне и заявляли: «Ну что, получили свободу, умеет народ ею пользоваться? Сейчас же всеобщую драку устроили!» Это же снисходительно-насмешливое отношение проявилось и у с.-р., и у меньшевиков по отношению женского пола. Чувствовалось даже, что они получили некоторый реванш в том смысле, что «дикая масса» как бы оправдывала своим поведением их общий фронт и совместные выступления с «культурными» черносотенцами и местными либералами и купцами.

Между тем более передовая часть женщин была вне себя от происшедшего. Они окружили меня толпами и требовали, чтобы я, как их избранница, нашла средства реабилитировать женщин в глазах «общества». Еще не зная, что предпринять, взбешенная до-нельзя этой провокаторской выходкой (общеженского собрания без предварительной организации его), я ушла домой.

Когда начало смеркаться, в библиотеку приказчиков, где я жила, стали стекаться группы женщин. Собралось человек 40, и мы решили организовать грандиозный женский митинг. Были выбраны 20 человек самых рослых и красивых девиц, которые должны были быть милиционерками. Далее наметили ряд ораторов на разные темы, из них одну работницу чаеразвески и одну солдатку. Я взялась подготовить двух последних к выступлению.

Наши организационные собрания, на которых присутствовало по 40—50 человек, продолжались дня 3 под ряд. И вот в один из этих вечеров к нашей библиотеке вдруг подошла толпа женщин и несколько мужчин, с палками и топорами. Я вышла к ним узнать, в чем дело; они заявили, что пришли бить «жидов и политических», которые устраивают здесь собрания. Оказалось, что этот поход на нас организовала Эквабианц. Во-время мы успели закрыть ворота и по телефону вызвать милицию. Характерно, что Сошников, член Комитета общественной безопасности, с.-р., к которому мы отправились в качестве делегации, требуя ареста или, по крайней мере, выяснения личностей погромщиков, отказался что-нибудь предпринять и взамен советовал митинга не устраивать.

Наступил день митинга, весь театр сверху до низу был набит женщинами. Мужчин не пропускали. Царила полная тишина, наши милиционерки занимали все входы и ходили с красными нашивками на руках, наводя порядок. Их беспрекословно слушались. Перед открытием митинга, выхожу я на сцену и вижу пожарные трубы, наставленные на зрительный зал. Во дворе оказались бочки с водой. Это общественный Комитет безопасности принял меры предосторожности. Чтоб окончательно рассеять сплетни, источником которых главным образом и был Комитет общественной безопасности, мы потребовали от имени всех присутствующих, чтоб он делигировал на митинг двух своих представителей. Комитет общественной безопасности отрядил двух самых левых: Сошникова и Элердова (меньшевика). Но как мы их ни уговаривали войти в театр, они так и не решились. Бледные, трясущиеся они говорили, что предпочитают все, что угодно, но не то, чтоб их побили бабы. Только когда митинг кончился, они появились на сцене и даже что-то говорили.

Собрание прошло образцово. Наши речи выслушали при полной тишине. Особенный фурор произвела речь

солдатки. Она говорила совсем не то, чему я ее учила и что накануне она зазубрила наизусть. Ударяя в грудь кулаком, она кричала, что наши мужья умирают на позициях, наши дети погибают от голода, и плакала. И вместе с нею заливался слезами весь зал. Митинг кончился пением марсельезы и революционных песен. Таким образом мы показали черносотенцам и иже с ними, что массы великолепно умеют себя держать, если их не провоцируют.

Далее воздерживаться от вмешательства в политическую борьбу я уже не стала. Получались сведения об организации везде Советов, в петроградских буржуазных газетах пошли крики о двоевластии, травля Советов, и линия поведения начала выясняться. Сейчас же после организации женского митинга на заседании правления общества приказчиков я подняла вопрос об организации в городе рабочих профсоюзов. Дело в том, что в этот момент в Комитете безопасности один за другим разбирались конфликты с рабочими, которые никогда не разрешались в их пользу. Профсоюзов же в городе совсем не было.

Правление о-ва приказчиков решило созвать собрание рабочих всего города и на нем, сделав ряд докладов о профсоюзах, выбрать инициативные группы по профессиям и призвать рабочих к организации. Прежде чем рассказать об этом митинге, я скажу несколько слов о составе нашего правления. Должна признаться, что у меня сохранилось теплое чувство к тогдашним моим сотоварищам. Членами его были товарищ Олин, приказчик лет 25 (замучен семеновцами), Куркин, служащий банка, Туркин (по слухам тоже погиб) и др. товарищи, фамилий которых не помню. Но особенно колоритной фигурой среди них был тов. Туркин, второвский приказчик, лет 45-и. Всю жизнь он смирно жил и никогда не занимался политикой, а тут революционная волна его так захлестнула, что он всецело отдался организации рабочих. Маленький, тоненький, лысый, он прямо

горел в работе. Только что закроется торговля у Второва, Туркин уже тут как тут: организовал облаву и ведет целиком весь служащий персонал на общее собрание. Перед митингом у нас было заседание правления и на нем небольшая репетиция. Помню, тов. Туркин должен был читать доклад, что-то о классовой борьбе и профсоюзах. Это было что-то ужасное. Перед нами, пятью членами правления, он так сконфузился, что слезы выступили у него на глазах. Заикаясь, красный, он читал тезисы доклада сквозь слезы, называя Маркса Мараксом. Ну, кое-как кончил... и я думала: «провалит товарищ Туркин—убежит с митинга...» Оказалось как раз наоборот!..

На созванный нами митинг пришло исключительно рабочее население, которое резко отличалось от обычных посетителей митингов как своим костюмом, так и угрюмыми лицами. Пришли прямо с работы: с железной дороги и из Затона, где строились пароходы.

Разводить большие балясы в эс-эровском духе перед этой публикой было трудно. А как на грех тов. Туркин выступил первым. Сначала отрицательное впечатление получилось от него потому, что он оделся чуть не во фрак и нацепил себе красный бант в пол-груди. Дальше, что за психологический перелом с ним произошел, я не знаю, но он ораторствовал с таким апломбом, так утрированно развязно взмахивал руками, возвышая голос, и прочее, что начались насмешки. Желая убедить публику в пользе организации, он сказал: вот, дескать, приказчики все время самодержавия имели свою организацию и добились того, что если приказчик прослужит 30 лет, то фирма хоронит его бесплатно. «А если еще прослужит 30 лет, то и рожать бесплатно начнет», раздался вдруг угрюмый голос.

Доклад был сорван, закричали: «долой!» «Долго ли мы будем слушать это шутовство!», и тов. Туркину пришлось сойти с трибуны. Но дальнейшие доклады поправили дело, и мы расстались с рабочими друзьями,

были образованы из рабочих инициативные группы по профдвижению.

Впоследствии тов. Туркин исправился, он часто выступал, и его слушали охотно. Это был славный товарищ и хороший работник.

Между прочим, в конце этого рабочего митинга откуда ни возьмись появилась Эквабианц. Но здесь ее встретили очень угрюмо. Когда же она, взяв слово, заявила, что она с «женщинами» организует сборы к празднику, что они пойдут «по богатым» и «кто даст муки, кто кусок хлеба»... — опять чей-то угрюмый голос добавил: «А кто кости кусок»,—и она ретировалась под всеобщее молчание.

В это время в Сретенск приехал Федор Михайлович Третьяков, бывший московский рабочий, большевик, неоднократно сидевший раньше в тюрьме. И вот мы решили устроить митинг, посвященный разбору программ большевистской, меньшевистской и с.-р. партий. От большевиков должны были выступать Третьяков, я и тов. Шкляревская, от меньшевиков—Элердов, а от с.-р.—Сошников (бывший каторжанин), Простакишин (тоже) и специально приехавший из Читы какой-то с.-р. с громовым голосом.

Наступил день митинга, публики набилось полный театр, при чем большинство опять пришло рабочих. Меньшевики и с.-р. уже настолько дискредитировали себя в глазах рабочих своей деятельностью в К-те общ. безопасности, что к ним прямо персонально отнеслись враждебно. Это в свою очередь отразилось и на их выступлениях: они так тянули, так мямлили, что было тошно слушать.

Совсем иное отношение встретили мы, что, конечно, поддало нам жару. А когда выступил Ф. И. Третьяков и, покуривая папироску, стал шуточками и прибауточками высмеивать меньшевиков и с.-р. и выяснять разницу наших программ, то зал весь задрожал от смеха

и аплодисментов. Я ярко помню добродушное лицо какого-то старика-рабочего в ободранном зипуне (в провинции рабочие одеваются скверно), который весь расплылся в довольную улыбку, слушая его. Наконец он не выдержал, взлез на трибуну и стал любовно закуривать у него вертушку, пока тот продолжал ораторствовать. Видя такое настроение собравшихся, приезжий с.-р. не выступал совсем, а Простокишин заблаговременно отправился на с'езд казаков, происходивший в здании станичного управления. Он, как рассказывали, пустился там в пропаганду «социализации земли», — это черносотенным-то тогда в большинстве казакам. Тут уже ему влетело от правых, его чуть не избили, и он, с трудом найдя шапку и шубу, еле утек домой.

После этого библиотека о-ва приказчиков сделалась центром рабочего движения. На другой же день пришла делегация затонских (залив, где строили пароходы) рабочих и сообщила мне, что все рабочие Затона на общем собрании постановили записаться в партию большевиков, если только мы впишем в свою программу конфискацию всех товаров у купцов и об'явим продажу их по твердым ценам (купцы спекулировали каждый день на повышении цен). Приходили с аналогичными заявлениями рабочие и из других мест, с железной дороги и проч.

Одним из чудных незабываемых моментов в Сретенске был приезд партий только что выпущенных политических каторжан. Целый ряд каторг—Акатуй, Зерентуй—лежали недалеко от Сретенска, туда и оттуда партии каторжан проходили через него. И вот появились первые освобожденные товарищи из этих проклятых, мрачных мест. Худые, измученные, некоторые с лихорадочно горевшими впалыми щеками, еще в полуарестантском костюме, они казались выходцами из могил. Весь город приходил их встречать и слушать, когда они выступали на площади. Часто говорившие не могли докончить от душивших их слез, плакала и окружавшая

их толпа. Некоторые сидели 10—15 лет: попав совсем юными, они выходили 30—35 лет на волю. Это были трогательные минуты.

Между тем правление о-ва приказчиков обогатилось новыми членами, а главное появились новые активные работники. Организовались союзы, и члены нашего союза деятельно им помогали. Наше правление заседало очень часто. Однажды сидим мы и что-то обсуждаем. Вдруг к нам приходит делегация от женщин и сообщает, что у театра Штейна собралась толпа женщин человек в 50 и просит нас их организовать. Это были остатки эквабианцовских «банд». Дело в том, что Эквабианц действительно устроила к праздникам сбор с богатых. Город поделили на части, солдатки и жены-хозяйки ходили с мешками и просили подаяние. Однако кончилась эта затея печально: Эквабианц обвинили в том, что она присвоила себе собранные деньги (я не знаю, правда ли это), далее при дележке продуктов произошли захваты, несправедливости, которые во многих случаях кончались драками между женщинами. Самое же Эквабианц женщины, домашние хозяйки, ловили по всему городу, чтобы избить, и она пряталась и не ночевала дома. И вот головка этих женщин, видимо, наиболее активных, и собралась у театра Штейна. Между прочим случайно мимо них прошла Эквабианц, и они успели стащить с нее шляпу; только вскочив на проезжающую пролетку извозчика, ей удалось спастись от побоев. Таким образом «атаман» был развенчан. Пришли звать меня, но я совершенно не годилась для этой роли. Кроме того, я знала, что вожаки этих женщин были ярыми черносотенками и антисемитками, и организовать их сейчас считала даже вредным делом. Поэтому я заявила, что никаких отдельных организаций женщин-хозяек быть не может, и предложила им записаться в разные профсоюзы, доступ куда был тогда свободен. Это, может быть, и была ошибка с моей стороны, но было еще два извиняющих момента: я еще не имела понятия

о женотделах, возникших впоследствии, и потом я чувствовала, что я не смогу справиться с этим движением, потому что целый ряд собраний, заседаний и лекций целиком поглощали тогда мое время.

В этот момент шла реорганизация общества приказчиков в профсоюз. Шли общие собрания по выработке нового устава. Уступив эту кампанию целиком Ф. М. Третьякову, я только участвовала на собраниях и комиссиях, а главную свою работу направила на организацию профсоюза работниц в чаеразвесках Сретенска. Чай из Китая шел ящиками в Сретенск, который находился недалеко от границы, и в городе было несколько чаеразвесочных мастерских с крупным для Сретенска числом работниц. Из работниц и рабочих всех чаеразвесок была выбрана инициативная группа, которая собрала несколько общих собраний работниц. Собрания были очень многолюдны и еле вмещались в нашей большой комнате библиотеки. В отличие от приказчиков, здесь уже не приходилось брать с работы под конвой, публика была малосознательная, но боевая. Они все целиком снимались с работы и приходили на собрание. Только что мы утвердили устав союза и выбрали его правление, как выяснилась ужасно мизерная оплата труда работниц, и стал вопрос о всеобщей стачке. Выработали ряд требований и пред'явили. Хозяева развесок, представлявшие собой типичных восточных хищников, наглых, с миллионными состояниями, добытыми полууголовным путем, категорически отказались исполнить пред'явленные требования. Началась борьба, назавтра все забастовали и пришли к нам в библиотеку. Я предложила выяснить—нет ли штрейкбрехеров. Оказалось, что во всех мастерских работало 5 человек. Сейчас же мы написали им, требуя немедленно бросить работу и явиться к нам на общее собрание. Через полчаса они все пришли к нам вместе с посланными делегатами и публично извинялись и каялись. В этот момент по телефону звонит с.-р. Сошников и, как член К-та общ.

безопасности, говорит, что Ривкин *) звонил ему по телефону, что рабочие творят в чаеразвесках безобразия, насильничают, и во главе этого стою я. Сошников, «как социалист», обращался ко мне с просьбой постараться прекратить стачку и уладить все мирным путем. Я заявила, что никаких безобразий нет—идет мирная экономическая стачка, и, напомнив Сошникову, что когда-то он сидел на каторге, посоветовала ему нажать на хозяев. Наши переговоры с ним и с Элердовым происходили по телефону в течение нашего собрания несколько раз. Желая втянуть их к нам, я неоднократно приглашала их прийти на наше собрание и узнать, в чем дело, уверяя, что рабочие их не с'едят и атмосфера у нас царит мирная. Но они так и не пошли. Боязнь и подозрительное отношение к рабочим массам у них уже тогда ясно проглядывало. Но все же активно против нас они тоже не выступили.

Стачка продолжалась несколько дней. Был выбран стачечный комитет, куда вошла и я. После нескольких «торгов» и переговоров с администрацией, стачка кончилась победой, хотя мы немного уступили в расценках. Меня эта стачка очень волновала, так как все ее участники первый раз в жизни устроили забастовку, недавно собрались в мастерские из деревень и, пожалуй, больше были способны на вспышку и временный эксцес, чем на длительную борьбу. Поэтому победная стачка имела огромное моральное значение и для чаеразвесок, и для других рабочих в городе.

Очень красиво было участие чаеразвесочных работниц в майской демонстрации. Накануне человек 20 из них сидели в библиотеке и вышивали до поздней ночи красные знамена своего союза. Работа шла под пение революционных песен, которые они впервые разучи-

*) Управляющий одной чаеразвеской—господин с „высшим образованием", грязненькая распутная личность, которая усердно служила своим господам всеми своими благоприобретенными в университетах знаниями.

вали. В день демонстрации они вышли большой стройной колонной исключительно из своих работниц.

Между прочим мое участие в стачке чаеразвесочниц навсегда разбило мою популярность среди «интеллигентных женщин» г. Сретенска. Произошло классовое расслоение, и многие из них перестали со мной здороваться, а некоторые стали налетать с кулаками и «шипением».

Совет рабочих и солдатских депутатов в Сретенске шел тогда под влиянием с.-р. и меньшевиков. Большинство там составляли военные, было много и офицеров. Но так как «ораторов» в городе было мало, а солдаты то и дело собирались митинговать, то Совет пригласил нас ходить на эти митинги с тем однако, чтоб мы не поднимали там вопроса о войне, в виду наших разногласий. Мы, конечно, охотно пошли, ибо, как мы разумно рассуждали, «слова из песни не выкинешь», и если оно вырвется, то будет поздно. Не знаю, как было с Третьяковым, что же касается меня, то я три раза была на больших солдатских собраниях. И что же получилось? Начну я о налогах—солдаты сведут к войне, начну о царе—тоже получится война. В результате мне заявили от И. К., чтоб я больше не приходила на солдатские собрания. А все же симпатии солдат я заработала. Заявление мне сделали в присутствии группы солдат, и я слыхала глухой ропот недовольства. Тогда я потребовала, чтоб завтра меня допустили на заседание солдатских депутатов для получения об'яснений. Я нарочно громко требовала этого, чтоб услыхали солдаты. Я надеялась, что они, имея право свободно посещать заседания своих делегатов, соберутся тогда в большом числе. А нужно мне это было вот для чего. Я не знаю, успел ли наговорить Федор Михайлович Третьяков на солдатских собраниях что-нибудь противоречащее «меньшевистской морали», но с ним произошел следующий неприятный случай. Сретенские полки отправляли маршевую роту на фронт. И вот Совет солдатских депу-

татов устроил сбор денег для «проводов маршевой роты». Случайно, а может быть, нарочно, на улице к Третьякову подходят юнкер с барышней, собиравшие деньги, и предлагает пожертвовать. Не долго думая, Третьяков послал их к чорту вместе с войной и проливами. Тогда за оскорбление И. К. солдатских депутатов, его решили арестовать и отправить в тюрьму. Об этом постановлении он узнал и заперся в номере гостиницы, где он жил, заявив, что при аресте устроит вооруженное сопротивление.

Зная, с одной стороны, злобу местной буржуазии на Третьякова, а с другой то, что у последнего слово не расходится с делом, я и решила энергично вмешаться в эту историю. На заседание Совета солдатских депутатов я пришла с Ольгой Михайловной Шерговой (местный зубной врач, сочувствующая большевикам). Действительно, в зале стояла толпа солдат. И вот мы выступили с речами, в которых развили нашу точку зрения на войну, доказывая, что и слова Ф. М. Третьякова нельзя рассматривать как оскорбление И. К., так как он выражал свою политическую точку зрения. А так как существует «свобода партий» и прочее, то... В ответ выступили с резкими речами несколько членов Совета, но тут начался недвусмысленный шум и крики среди солдат... И быстро прекратив прения, Совет вынес постановление об отмене приказа об аресте Третьякова. Таким образом этот инцидент сошел благополучно.

Однажды, когда наши «акции» стояли уже высоко среди местного рабочего движения, к нам, в библиотеку приказчиков, пришла Эквабианц и заявила, что она хочет записаться в большевики. Я поинтересовалась узнать, в каких партиях она состояла раньше. В ответ она бойко затораторила, что она была и меньшевичкой и эс-эркой и в партии к.-д., но теперь во всех разочаровалась, кроме нас. Я посоветовала ей не торопиться и посмотреть еще, что получится из нас впоследствии, а потом уже входить в партию.

На этом я и закончу главу о Сретенске и первых двух месяцах революции 1917 г. там, ибо 3 мая я уже ехала к Володе в Черемхово. Его только что выпустили в Иркутске из юнкерского училища, куда его когда-то насильно отправили, и так как он был мобилизован, то я направилась к нему.

Не знаю подробно его работу в первые месяцы революции, хотя он, конечно, рассказывал мне не раз об этом. Но, видимо, он сильно насолил иркутскому офицерству, так как спустя два года, когда я сидела в Макавеевском застенке, ко мне обращались много различных офицеров, спрашивая: не жена ли я его. И со злобой рассказывали, что он в Иркутске взбунтовал у них юнкеров и офицеров, внес какую-то разлагающую большевистскую струю в их среду в первые дни революции, и жаль, что он не попался им живым в руки. В результате его деятельности, почти немедленно после выпуска из училища, его отправили в ссылку. Назначили его в качестве прапорщика во главе отряда из 15 солдат сторожить цистерны со спиртом, около закрытого казенного вынокуренного завода.

Завод этот помещался в 200 верстах от Черемхово. Он был давно закрыт, и все население деревни, в которую мы попали, состояло не более как из 30—40 избушек. Тут нам и пришлось прожить с мая по конец ноября 1917 г.

Единственно было хорошо хоть то, что газеты из Петрограда мы получали аккуратно, а потому могли посылать иногда статьи в местные газеты. Два, три раза мы наезжали за это время в Иркутск, где впервые получили партийные билеты на настоящих картонных бланках и участвовали на некоторых партийных собраниях

Но вот в Петрограде произошел октябрьский переворот, и в начале ноября Володе разрешено было вернуться в Иркутск.

Глава VIII

ДЕКАБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ В ИРКУТСКЕ. — ОПЯТЬ СРЕТЕНСК. — БЕГСТВО ИЗ СЕМЕНОВСКОГО ЦАРСТВА

Военное командование в Иркутске в то время было всецело в руках меньшевиков и эс-эров. Командующим войсками Иркутского округа был правый эс-эр—поручик Краковецкий. Полк, куда назначили В. Сафьянникова, помещался в так называемом Военном городке. Здесь сосредоточивались главные военные силы Иркутска и стояло до 7—8 тысяч войска. Городок этот находился на расстоянии 5—6 верст от Иркутска по линии железной дороги.

В. Сафьянникова, конечно, немедленно назначили в маршевую роту, которую отправляли на фронт. И в то же время солдаты выбрали его в полковой комитет и в городской Совет солдатских депутатов. Это произошло в первых числах декабря в течение первых полутора недель по нашем приезде и хорошо показывает, каково было настроение солдат в то время и как быстро умели они находить тех людей, которые им были нужны.

5—6 декабря Иркутский Совет об'явил, что власть в городе переходит в руки Совета, и послал во все учреждения своих комиссаров. В. Сафьянников попал, кажется, комиссаром в казначейство. Их всех встретили ярым противодействием старые власти, и ясно было,

что без вмешательства войск дело не обойдется. С другой стороны, буржуазные и меньшевистские газеты открыли самый ярый поход против новоявленных комиссаров, и брань и клевета, которою они их осыпали, не знала ни границ, ни приличий... Накануне или за день до иркутских событий в Военном городке был созван митинг для выяснения настроения солдат. Я помню, что кроме выступавшего одного штатского большевика из города и В. Сафьянникова (военного) остальные ораторы—солдаты и офицеры—выступали за меньшевиков. Засилье эс-эров и меньшевиков среди руководителей митинга было настолько явным, что, когда я подала какую-то реплику и хотела взять слово, меня окружили господа в военной форме, но весьма интеллигентного вида (один из них правый эс-эр из Томска—Дистлер) и буквально с площадной бранью требовали, чтоб я вышла из зала... В воздухе носилась такая ненависть и озлобление, что можно было ждать убийства из-за угла. Но несмотря на то, что солдатские массы не выставили своих ораторов, чувствовалось по их отношению к говорившим, что они были на стороне большевиков.

Отсутствие большевистской военной организации в полках сказалось и в том, что хотя Военный городок впоследствии и выдержал, главным образом на своих плечах, первые бои с юнкерскими школами, но в момент захвата в Иркутске учреждений Советом заявил о своей нейтральности в ходе событий. Об этом же заявили и офицеры. Однако некоторые полки городка согласились «охранять» учреждения и понтонный мост *) по настоянию Совета. Это была уже пассивная поддержка советского переворота.

---

*) Огромный мост через Ангору, соединяющий Иркутск с железной дорогой, а следовательно, и с Военным городком. Разрушение его очень было выгодно юнкерам, так как отрезывало Иркутск от главной массы солдат и от Черемховских копей, с 8-тысячным рабочим населением.

Помню, что с большим трудом Володя набрал 8-го декабря необходимую роту для караула и, вооружив ее усиленным образом, отправился в 12 часов дня вместе с ней сам, так как никто из многочисленного офицерства Военного городка не пожелал итти с этим караулом. Заняв караулами банк, понтонный мост и др. учреждения, Володя установил штаб для приходящей смены в гимназии Гайдук, которая помещалась на набережной Ангоры, недалеко от понтонного моста. Здесь положили запасные патроны, пулеметов с собой не было. В это же время юнкерские училища, в которые усиленно свозилось иркутским командованием в последние дни отборное вооружение, заняли тоже несколько крупнейших зданий.

В два часа дня раздались первые выстрелы, юнкера начали обстреливать из пулеметов понтонный мост и стоявшие на нем караулы. Солдаты засели за стоявшей на набережной поленницей и повели наступление. Появились первые убитые и раненые. Бой продолжался около часу. Наконец Володя, все время руководивший и активно участвовавший в бою, выбрал отряд охотников, человек в 25, и с ними вышиб юнкеров из углового дома, видимо, их главной базы на набережной. Вместе с тем его ранили в грудь, и солдаты снесли его в какую-то частную квартиру на месте боя для перевязки, так как у них пункта для раненых еще не было.

Все это произошло в течение первого часа после начала юнкерского выступления. К 4-м часам дня бой в Иркутске уже был в полном разгаре. Артиллерия, находившаяся на другом конце Иркутска, была в наших руках.

Я находилась в Военном городке. Часов в 6 вечера ко мне в городок прибежал пожилой солдат с винтовкой прямо с боя и сказал, что Володя убит. Я не могла от него ничего более добиться, так как он плакал... Схватив револьвер, я побежала вместе с ним в Иркутск. Стрельба по железнодорожному поселку и по понтон-

ному мосту шла пачками—это стреляли юнкера. Мы благополучно перебежали мост, и тут у гимназии Гайдук нас остановил солдатский патруль во главе с каким-то молоденьким прапорщиком (единственно, кроме Володи, который был из Военного городка на стороне солдат в первые сутки боя). Они мне сообщили, что В. Софьянников жив, за ним хороший уход, рана не угрожает смертью. Фельдшер, который делал ему перевязку, это подтвердил. Но в данный момент юнкера уже заняли этот квартал, и пробраться туда было нельзя...

В действительности, судьба Володи была следующая. Его положили у каких-то интеллигентных стариков, которые очень за ним ухаживали. Солдаты послали туда своего фельдшера, который сделал ему перевязку, а также дали знать нашему Красному Кресту. Какая-то красная сестра милосердия, узнав, что этот квартал занимают юнкера, через заборы проникла в тот двор и пришла в ту квартиру, где он лежал *). В этот момент в квартиру ворвались юнкера, чтоб убить Володю, но она загородила его своим телом и сказала, что «прежде убьете меня, потом отдам убить раненого». Так и не выдала. Юнкера, ограничившись тем, что обобрали Володю включительно до часов, пояса и портмоне, ушли. Вскоре приехала повозка нашего Красного Креста и увезла его в госпиталь на противоположный конец Иркутска, который был в руках солдат и где в горах стояла артиллерия. Между этой частью города и тем местом, где вели бой солдаты Военного городка, лежала центральная буржуазная часть города, занятая юнкерами.

Между тем, когда я прибежала в солдатское расположение, пройти в квартал, где положили Володю уже было нельзя, пулемет из-за угла косил всех проходивших. Солдаты меня не пустили, и я осталась в гимназии Гайдук.

---

*) Фамилию ее нам так и не удалось узнать.

Здание гимназии было битком набито солдатами, которые здесь же и располагались спать. Патроны, хлеб и обед им возили из Военного городка через понтонный мост. Первое, что бросилось мне в глаза после первых слов с руководящей кучкой солдат, это—полное отсутствие планомерного руководства, никто не знал города, и даже не было его плана. Поэтому бои носили партизанский характер и вызывали много напрасных жертв.

До 2-х часов ночи приходили вооруженные группы и уходили. После 12-и часов ночи бои несколько смолкли; солдаты отдыхали... Тут и там велись разговоры о событиях дня, уже создавались легенды... Я слушала несколько таких восторженных рассказов-полулегенд про Володю в разных группах, видала, как под влиянием этих рассказов создавалась героическая идеология, которая сплачивала солдат и двигала ими в борьбе.

Часа в 2 меня предупредили, что юнкера сейчас займут гимназию, солдаты принуждены отступить и солдатская артиллерия начнет тогда обстрел гимназии. Я решила остаться, рассчитывая в удобный момент пробраться в город. Солдаты ушли. Остались я и старик сторож с женой. Мы заперли все двери и засели в подвальном этаже, в кухне, где жили старики; она выходила на двор, Раздались первые взрывы снарядов, которые гулко раздавались в пустом здании. Дальше взрывы участились, каждые 2—3 минуты в здание попадал снаряд. Тогда у иркутской артиллерии крупных орудий не было, и большинство снарядов, влетая, разрушало стены не шире поларшина в диаметре. Стреляли в общем удивительно метко.

Так продолжалось минут 20—30, потом все замолчало и через некоторое время начался обстрел здания залпами из винтовок. Сделалось несколько неприятно, мы думали, что здание атакуют юнкера. Оказалось, что это наши же солдаты, человек 200, обстреливали здание, думая, что в нем сидят юнкера.

Опять наступила тишина, и через некоторое время опять артиллерийский обстрел. Потом обстрел залпами из винтовок. Так продолжалось 3 раза.

Наконец раздался громовой стук в дверь. Мы пошли отворять и—о, радость с обеих сторон!—это оказались наши же солдаты. Посмеялись мы над тем, как они нас атаковали, и здание опять занял солдатский штаб.

Под утро я вместе со своим фельдшером перебежала понтонный мост и начала обыскивать больницы, лежащие в железнодорожном поселке. Володи нигде не было. Мне надо было попасть во что бы то ни стало в Иркутск, но не со стороны понтонного моста, так как место это кольцом окружали юнкера, а с другой стороны. И вот я поехала на лошадях в Иннокентьевский монастырь, откуда на лодке на другую сторону Ангары, версты за 3 до Иркутска в его противоположный конец.

Путешествие было опасное, так как по Ангаре шла шуга. Несмотря на это, при перевозке я застала очередь из каких-то молодых людей, одетых в штатское. Из их разговоров не трудно было догадаться, что это офицеры из Военного городка, таким путем просачиваются в Иркутск на помощь юнкерам. Они злобно шипели на солдат и называли их не иначе, как «сволочь». Вдруг я услыхала, что они начали нести всевозможную клевету на Володю. Один из них с апломбом уверял, что это беглый бродяга, надевший костюм прапорщика, и что в списках офицеров его совсем и нет, и прочее.

К часу дня мы переехали. Я пошла в ближайший госпиталь и здесь нашла Володю...

На другой день мне опять пришлось с'ездить в Военный городок на час. Зашла я по делу в военно-революционный солдатский комитет. Секретарь стал жаловаться, что очень трудно составлять роты на смену. Действительно, в комнату вошел какой-то грузин—солдат, на него накинулись со вопросами: «Ну что, есть люди? Когда же пойдет смена, ведь уже два часа просрочили?» Товарищ грузин меланхолично почесал

затылок и, ломая русский язык, заявил: «Да товарищ К. часа полтора им проповедь читает, они его слушают охотно, а итти не идут». Под проповедью подразумевалась агитация.

А между тем одиночным порядком с утра уходил на бой в Иркутск весь солдатский городок. Рано утром приехала я как-то в городок, вышла и смотрю: все снежное поле по направлению Иркутска усеяно, как мухами, идущими в одиночку в Иркутск на подмогу солдатами. К вечеру большинство ворочалось обратно. Оказывалась ли здесь боязнь солдат при отправке из городка целыми ротами попасть на глаза офицерству, не знаю, но во всяком случае, всю тяжесть борьбы против прекрасно вооруженного врага, они вынесли на себе.

На второй или третий день боев я вечером приехала зачем-то в Военный городок, вышла на линию жел. дор., взглянула и решила, что у меня начинаются галлюцинации. Дело в том, что Военный городок лежит на огромной равнине. По ней далеко полукругом тянется линия жел. дороги, уходя за горизонт. На этой линии обычные составы поездов кажутся небольшой полоской. А я вижу, что всю линию вплоть до горизонта занимает какой-то грандиозный состав, который медленно движется и все растет и растет, и конца ему не видно.

Я схватила какую-то проходившую женщину и спросила ее, что она видит. Оказалось то же самое. Пораженные, мы стояли и смотрели на этот бесконечный состав. Вскоре мы рассмотрели человеческие фигуры и узнали следующее. Рабочие Черемховских каменноугольных копей, находящихся за 20—30 верст от Иркутска, узнали, что у нас идет бой между юнкерами и солдатами. Тотчас они все побросали работу и пошли пешком к Иркутску, вооружившись чем могли. Пошли они пешком потому, что уехать могла лишь незначительная часть,—с железной дорогой дело обстояло скверно. Шествие черемховских углекопов производило грандиозное впечатление. Легко понять, как трогательно

их встретили солдаты. Их поместили в хорошо натопленные казармы, накормили, отогрели. Многие рабочие отморозили ноги и руки, так как одеженка была у некоторых совершенно никудышная, неприспособленная к путешествиям по Сибири пешком в 30-градусный мороз. Настроение солдат поднялось.

Во время этих иркутских боев, которые продолжались 8 дней, я наблюдала как правило, что каждая простая женщина или мужчина были на стороне солдат, каждая женщина в шляпке была на стороне юнкеров. Два лагеря резко стали друг против друга. Создавались легенды. Так, солдаты рассказывали, что какой-то прапорщик, на вид цыган, командовал артиллерией, бывшей в руках солдат, что он залез верхом на орудие и заявил, что не слезет живым, если большевики не разобьют белых. И командовал днем и ночью, не отдыхая.

Но особенно удивительное впечатление получалось от борьбы Белого дома (бывший дом губернатора, где помещался Ревком со всеми своими отделами). Там засела кучка храбрецов (около 50-и солдат и 50-и оставшихся служащих) и не сдавалась, несмотря на то, что юнкера и офицеры бросили на них все лучшие свои силы. Про отдельных защитников Белого дома рассказывали чудеса храбрости. Так, говорили о тов. Рейзахер (умер от раны в живот), про тов. Блюменфельда (тяжело ранен в грудь), про Зотова (контужен в голову). Про последних двух говорили, что они два раза единолично отразили атаки юнкеров, выскочив им навстречу на лестницу с двумя автоматическими браунингами в обеих руках и открыв непрерывную пальбу.

Геройская защита Белого дома имела огромное моральное значение для сражавшихся солдат. Если Белый дом, находившийся в центре буржуазного окружения, держится, то дела наши хороши, и надо бороться. Вдобавок среди солдат ходил слух, что там в Белом доме помещался главный революционный большевистский

штаб, и поэтому судьба этого дома всех страшно волновала.

Как-то была я в госпитале. Там вместе с Володей и Зотовым лежало много белого офицерства, залегшего еще до боев, человек до 30. И вот солдаты госпитальной команды, возмущенные тем, что раненых солдат клали на соломенные подушки, а здоровые, скрывавшиеся от позиций офицеры лежали на мягких постелях, хотели выбросить их всех в окна с верхнего этажа. Только вмешательство Володи и Бориса Шумяцкого, лежавшего там же с раздробленной рукой (видимо, он очень страдал, так как сестры с трудом привели его к толпе солдат), спасло белых офицеров от жестокой расправы.

Бои продолжались 8 дней. Они сопровождались огромными жертвами как со стороны боровшихся, так и со стороны обывателей. Пулеметы стреляли вдоль большинства улиц, опустошения производила и артиллерия. К лазаретам непрерывно тянулись сани и повозки с ранеными. Понтонный мост был сожжен юнкерами, гимназия Гайдук сгорела. Наконец на 9-й день заключено было перемирие, по которому юнкера сдавались и соглашались самораспуститься, с тем, чтобы им выдали обмундировочные деньги и все, что раньше обычно полагалось при производстве в офицеры. Но в это время из Красноярска на помощь солдатам подоспели 6-дюймовые пушки, и юнкера стали поспешно раз'езжаться. Так произошел в Иркутске первый советский переворот.

Положение Володи в госпитале было очень опасное: чувствовалось, что при малейшем повороте вправо с ним и с другими товарищами расправятся лежащие тут же белые офицеры. При первой возможности подняться с постели он выписался из больницы.

Как только кончились выстрелы, повсеместно начались выборы командиров полков, рот, частей и проч., которых солдаты выбирали сами на своих собраниях. На огромном митинге всех солдат Военного городка

командующим стоявшими там полками был выбран В. Сафьянников. Но рана в грудь у него была слишком серьезная, о работе сейчас и думать было нельзя, и я почти силой увезла его в Сретенск.

* * *

В Сретенске в момент нашего приезда только что произошел советский переворот. В народных низах был огромный энтузиазм, но, с другой стороны, черносотенное окружение и в городе, и в области было огромное. Большинство казачьих сел, составлявшие главную массу населения в Забайкалье, было настроено монархически, и красные казаки являлись редким исключением. В самом городе было засилье спекулянтов и мародеров, резкую оппозицию против советской массы представляли и местные чиновники во главе с телеграфистами. Особенно сильный вой подняли местные купцы, когда Совет, в виду отсутствия денег, посадил весною 1918 г. 5—6 купцов и потербовал от них «контрибуцию», кстати, очень незначительную. Злобы и клевет по этому поводу на Совет была бездна, хотя надо признаться, что держали «г.г. буржуев» очень деликатно и позволяли им получать полностью пищу из дома. Дня через три их выпустили, кажется, ничего с них не получив. Единственной опорой советской власти был в городе чернорабочий и железнодорожный пролетариат да солдаты.

Трогательную, иногда до наивности, картину представляли заседания первого местного Исполнительного Комитета *). На одном из них обсуждался вопрос о закрытии домов терпимости. Много было произнесено красивых речей о вековом рабстве женщин и единогласно постановлено устроить из обитательниц домов

*) Мы с Володей туда не вошли, так как собирались сейчас же, как он поправится, уехать в центр, но на заседаниях постоянно присутствовали.

терпимости советские трудовые коммуны, где принимались бы стирка и шитье. Дома были все закрыты, коммуны из девиц организованы. Одна такая коммуна была помещена на набережной в роскошном доме, отнятом от одного из местных купцов. Но затея эта скоро провалилась, так как, несмотря на то, что около дома днем и ночью дежурил часовой и арестовывал всех «буржуазных сынков» и подобную шваль, заглядывающую в окна этой коммуны и заводящую интрижки, девицы не проявляли желания работать.

Борьба с проституцией велась в Сретенске в тот момент настолько свирепая, что любой женщине не трудно было попасть в участок, если она останавливалась вечером поболтать с кем-нибудь из знакомых мужчин на улице. Конечно, это были лишь первые неуверенные шаги местной советской власти, действовавшей почти целиком за свой риск и страх, но надо отметить, что решительность, которая при этом проявлялась и в борьбе с проституцией, и по борьбе с грабежами (несколько арестованных жуликов были убиты толпой самосудом, и грабежи, которыми раньше Сретенск исключительно славился, сразу прекратились), и в борьбе со спекуляцией, и с местными «буржуями», диктовалась «темными низами» и проводилась в буквальном смысле слова по их инициативе. Под напором же низов были конфискованы все товары и введена строгая карточная система произведены обыски поголовно во всех дворах с реквизицией продовольственных запасов и т. д.

Вместе с советским переворотом в Сретенске началось спешное укрепление рабочих организаций, был образован Совет профсоюзов, куда вошли мы оба с Володей, и началась борьба за охрану труда и улучшение заработной платы. Большую работу в этой области повел союз приказчиков, который в это время имел уже целый кадр вновь появившихся молодых энергичных работников, как Сара Шкляревская, тов. Белобородов, Туркин, Олин и ряд других. Шли собрания за собра-

ниями то пленума совета, то союзов, то лекции. Но этот первый период советской власти продолжался только 4—5 месяцев: уже летом 1918 г. чехи заняли город.

Перед самым приходом белых союзу приказчиков удалось блестяще выставить из Сретенска в 24 часа единственного в Сретенске меньшевика, Илью Абрамовича. Этот господин был инструктором на одном из кожевенных заводов. Там он при помощи демагогии заставлял рабочих выбрать его на какую-то руководящую роль у них, но когда это не удалось, повел форменную атаку на рабочих, включительно до угрозы, что «вот придут чехи, тогда испробуете нагаек». Между тем он состоял членом профсоюза приказчиков и даже успел попасть в правление союза. Рабочие кожевенного завода, которых он вывел из себя, наконец пришли на общее собрание нашего союза и выступили с заявлением, но так как им впервые пришлось выступать на большом собрании, то естественно они растерялись; выступивший вслед за ними Абрамович очень красноречиво представил тотчас дело так, что действительно выходило, что рабочие—«громилы», а он—«культурный социал-демократ». На собрании была назначена комиссия. С целью проучить «культурного социал-демократа», мечтающего о нагайках, мы с Володей вошли в эту комиссию. На следующем общем собрании после доклада комиссии, произведшей обследование на заводе, почти накануне вторжения белых было почти единогласно решено об'явить Абрамовичу экономический террор, предложив ему в 24 часа покинуть город без права где бы то ни было вступать в союз приказчиков. Так кончилась карьера единственного меньшевика в г. Сретенске.

Незадолго до белого переворота в Сретенске был с'езд казаков и крестьян. Он прошел под лозунгом защиты советской власти от наступающих банд Семенова. С'езд этот приехал проводить из Читы наш товарищ юности Бутин, с которым я когда-то ехала этапом и которого хорошо знал и Володя. Узнав, что мы в Сретен-

ске, он тотчас разыскал нас. С удивлением я услыхала, что он вышел из партии большевиков (когда—точно не помню, кажется, перед революцией) и сейчас левый социалист-революционер. На мой недоумевающий вопрос, как он мог променять Маркса на Михайловского, он отвечал, что марксизм, по его мнению, отводит слишком мало места творчеству личности, он фаталистичен и в этом причина его расхождения. Но Бутин организационно работал все время с нашей партией, политических расхождений у него с ней не было, и я думаю, что он наверно вступил бы в нее вновь, если б не погиб преждевременно. В тот момент это была героическая личность, полная жертвенного порыва. Он был председателем Областного Забайкальского Исполнительного Комитета и пользовался огромной популярностью среди народных низов Забайкалья.

Выступление чехов и занятие ими почти всех городов Сибири вплоть до Читы было, конечно, большой неожиданностью на Дальнем Востоке. Одновременно с границ Манчжурии начали наступать банды Семенова, Калмыкова и других казачьих атаманов, организованные в Китае на деньги японцев и субсидируемые также и русской белогвардейщиной, успевшей бежать заграницу. Банды эти состояли из белого офицерства, бежавшего из Питера и Москвы в Харбин, из монархически настроенных казаков и из всякого сброда. Борьбу с ними Сретенск вел при помощи добровольцев. Наиболее активно и геройски проявили себя в этой борьбе военнопленные мадьяры-коммунисты. Они организовали целые воинские части и раза два отбили наступление Семенова, отбросив его к границе. Но успешная борьба Сретенска с Семеновым продолжалась недолго, так как пала Чита, с Востока на помощь семеновским бандам шли регулярные японские войска. Погрузив на пароходы часть мадьяр и военное имущество, остатки красных войск поехали вниз по Амуру, частями высаживаясь и рассасываясь по деревням, припрятывая оружие. Нам не удалось

бежать из Сретенска, вернее, мы просто не учли верно момента. Первое время по захвате города чехами власть переходила к эс-эровским и меньшевистским городским самоуправлениям, и мы рассчитывали, что как только чешские войска уедут во Владивосток и дальше на родину, так естественным путем самоликвидируется и вся эта эс-эровско-меньшевистская авантюра. В Сретенске остались все, даже командующий всеми вооруженными силами городка тов. Мальцев преспокойно остался в городке, ожидая дальнейших событий.

Действительность как во всей Сибири, так и у нас показала, что масса населения в лице сибирского крестьянства и забайкальского казачества совсем не поддерживала первую советскую власть активно. Она выказывала по существу полнейшее равнодушие к политическим переворотам. Этим об'ясняется и та быстрота и легкость, с какими незначительные численно чешские войска быстро, почти без сопротивления, ликвидировали по всей Сибири Советы. Понадобилось три года хозяйничанья в Сибири белых, прошедших огнем и мечом по всей стране вплоть до самой глухой сибирской деревушки, чтоб вышибить из крестьянских голов это равнодушие к политике. Колчак и Семенов начали заставлять крестьян платить подати и производить мобилизацию. Крестьяне не хотели ни налогов давать, ни мобилизоваться, и начался страшный белый террор по деревням. Сотни деревень были сожжены, тысячи крестьян убиты и замучены, десятки тысяч были перепороты. Тогда только раскачался сибирский крестьянин и начал устраивать массовые бунты. Такая же картина происходила и в Забайкалье, разница заключалась только в том, что население здесь было черносотенней, но и расправы японцев и их наймитов—семеновцев—ужасней. Японцы уничтожали казачьи села без всяких основательных причин, каждый русский в их глазах был большевик. Формы, в которых велась гражданская война в Забайкалье, были чрезвычайно кровавые, дли-

тельные и тяжелые для населения. Но результаты ее привели к тому, что область, населенная черносотенным, монархически настроенным казачеством, превратилась в красную область, преданную советской власти, которая на выборах в Дальневосточное Народное Собрание дает почти одних коммунистов.

Но в тот момент появление чешских войск представлялось нам, оторванным от центра, очередной и случайной эс-эровско-меньшевистской авантюрой. Первые две недели в городке не было никаких перемен, только самораспустился Совет, и единственной властью в городе осталось станичное правление казаков, во главе с атаманом Владимиром Деревцовым. На второй или третьей неделе была об'явлена мобилизация; Володя также был мобилизован и отправлен в Читу. На второй или третий день его от'езда меня неожиданно вызвал в станичное правление Деревцов, до сего времени мне не знакомый. Он принял меня у себя в кабинете, тщательно закрыл двери и сообщил мне, что в городок этим утром приехала карательная экспедиция чехов, которая требует ареста и выдачи наиболее видных сретенских большевиков. Далее он сообщил мне, что тотчас после занятия Читы и роспуска в Сретенске Совета сретенские купцы подали ему петицию-донос на меня за подписью всех наиболее богатых местных купцов. В доносе они указывали на меня, как на главную заправилу, жаловались, что остальные действовали по моему наущению, а комиссарами «я вертела, как пешками», а посему, они требовали моего ареста и примерного наказания. Донос, конечно, чрезвычайно преувеличивал мое значение в событиях, но злоба местных буржуа на меня была очень велика. Я это в тот момент знала по тем личным угрозам, которым я подвергалась последние дни, даже на улице. Деревцов сообщил, что первый донос он положил под сукно, но что сегодня купцы, узнав о приезде карательной экспедиции, подали ему вторую такую же петицию. Других доносов пока еще не было, и скрыть этот донос

он не сможет. Деревцов сказал мне, что ждать можно самого худшего, и настоятельно просил меня уехать сейчас же. Он смастерил мне нужный для выезда из города пропуск, и я в тот же день уехала в Читу. Между тем Володя в Чите попал еще в худшее положение. Приехав в Читу, он решил всеми средствами, пока легальными, избавиться от мобилизации и в тот момент лежал в госпитале для освидетельствования. А из полков ему сообщили, что офицеры и юнкера его ждут, чтоб с ним расправиться. Мы решили бежать, один товарищ дал нам свой паспорт, и мы уехали в Томск. Эти дни от'езда были жуткими днями—в Чите начались дикие расправы. В нескольких дворах, где разместились семеновские контр-разведки, шли непрерывные порки и истязания арестованных. По всему кварталу разносились их нечеловеческие вопли, так как истязали нарочно во дворе на предмет устрашения населения.

В Томске мы пробыли около полугода, скрываясь, но Володю опять мобилизовал Колчак, и он отправился на фронт в надежде при первой встрече с красными войсками перебежать к ним. Так он и сделал—помчался на лыжах, и был убит наповал залпом...

Глава IX

АРЕСТ.—БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ТЮРЬМА.—МАКАВЕЕВСКИЙ ЗАСТЕНОК.—ЧИТИНСКАЯ ТЮРЬМА.

Оправившись после тяжелой болезни, я ехала в мае 1919 г. во Владивосток, рассчитывая пробраться в Америку, а оттуда в Москву. У меня были явки по дороге в местные большевистские организации, а также в Америке. Так как я впервые ехала в Америку и не знала хорошо английского языка, то в Томске я сговорилась ехать туда вместе со Школьник (бывшая каторжанка, левая с.-р., бежавшая во времена реакции с каторги и жившая до революции в Америке). Ей, видимо, опасно было жить во владениях Колчака, и она тоже собиралась удрать в Америку, где был ее муж, как помнится, то же рассчитывая потом пробраться в Москву.

Мы сговорились встретиться во Владивостоке. Она поехала прямым сообщением, я же, поддавшись душевной слабости, решила заехать в Сретенск, чтоб захватить там фотографические карточки и тетради, дорогие мне, как память.

Уже под'езжая к Чите, я слышала о зверствах, которые семеновцы творят в Забайкалье. Какая-то старуха рассказывала мне, что ее сын, железнодорожник, бывший каким-то выборным при советской власти, был аре-

стован семеновцами и взят на броневик *). По рассказам машиниста с броневика, случайно оказавшегося старым знакомым старухи, сына ее постигла ужасная расправа. Его пороли и истязали в течение недели. Тело его превратилось в сплошную точащую кровью печенку. Потом его хотели сбросить под какой-то откос, но случайно он зацепился за крюк и его пристрелили.

Слушатели в вагоне подтверждали, что действительно на броневиках «творятся чудеса», как они выражались.

Под'езжаем к Макавеево (небольшая станция около Читы). Публика присмирела. Смотрю в окна—на перроне ходят группами вооруженные китайцы и русские, в плащах английского покроя. В наши теплушки ворвались двое военных: один русский, другой китаец. Оба пьяные, держат себя вызывающе. Публика, видимо, заискивает у них.—«Что такое Макавеево?»—спрашиваю я женщину потихоньку.—«Сюда привозят на расстрел большевиков»,—отвечает она шопотом. Едем дальше.

В Сретенске я застала уже полный разгром: убит тот-то, замучен тот-то. На станции стоял броневик, где шли непрерывные порки и пытки местных рабочих и всех, кто почему-либо подозревался в сочувствии большевикам. Захватив то, зачем я приехала, я на другой или на третий день села на пароход, который шел прямым сообщением в Благовещенск. Товарищи, оставшиеся в живых в Сретенске, устроили так, что у меня была целиком в моем распоряжении замыкающаяся каюта. Туда были положены мои вещи, и мне только оставалось быстро в нее пройти во время отхода парохода и запереться. Все время я не расставалась с наганом, не желая ни в каком случае отдаться в случае ареста живой

*) Я помню названия броневиков: „Мститель“, „Семеновец“ „Грозный“—всего же их было, кажется, более десятка. На этих броневиках производились изысканные пытки, которые продолжались иногда целую неделю, пока жертва не умирала медленной смертью. Попасть туда было самой страшной судьбой.

в руки. Но, очевидно, нашлись доброжелатели белого лагеря, которые поспешили донести о моем пребывании в Сретенске и бегстве на пароходе (молва приписывала этот подвиг телеграфистке, жившей тогда у матери Володи, где я останавливалась). Вслед за мной на пароход и одновременно в благовещенский военный контроль полетели телеграммы о моем аресте.

На пароходе, вместе со мной ехал некто есаул Казаков с отрядом казаков. И вот, не доезжая Благовещенска, он меня и арестовал.

Все время я ехала, держа каюту на запоре и наган наготове. Не доезжая двух часов до Благовещенска, когда я уже считала себя вне опасности, ко мне в каюту напросилась какая-то дама с ребенком, которая ехала к мужу и которую капитан отказывался иначе взять за неимением мест. Наврав ей какую-то ерунду, я пустила ее в каюту с тем, чтоб каюта все время была на запоре. И... совершенно непонятным мне образом сама заснула, сидя уже готовой к выходу с парохода. Проснулась я тогда, когда вплотную около меня стояло несколько человек и кричало, что я арестована.

Быстро выхватив наган, я взвела курок и хотела его поднять к виску. Но в этот момент меня крепко схватили за локоть. Еще могла бы быть борьба, если б я выстрелила в стоявшего около меня и схватившего за локоть милиционера, на которого было направлено дуло, но это был один хорошо знакомый мне парень, бывший рабочий, единственный сын у матери, который поступил в милиционеры, скрываясь от семеновской воинской повинности... Я стрелять не стала. Очевидно, его намеренно пустили вперед.

Есаул Казаков совершенно не знал меня, так же как и я его. Он, видимо, был очень доволен, что первый арестовал меня, рассчитывая сделать на этом карьеру. Меня вместе с вещами посадили в салон I класса, откуда выставили публику, и начали составлять протокол об аресте и опись найденных вещей. Между прочим, взя-

тый наган, со всеми пулями, Казаков сунул себе в карман и в протоколе об нем не упомянул. Так как наган у меня был великолепный, то я поняла причину его «филантропии» и против нее не протестовала.

В это время мы причалили.

Пристань была оцеплена полицией, и публику не выпускали. К нам в зал влетела целая толпа офицеров, разодетых в блестящие костюмы, при чем самый маленький чин был поручик *). «Тут едет такая-то, которую мы явились арестовать!» Казаков с ехидством ответил, что такую-то он сам арестовал. Произошла перепалка. Но все же Казаков должен был меня уступить, и я попала в ведение благовещенского контроля. Очень торжественно на нескольких извозчичьих пролетках повезли меня в сопровождении офицеров и верховых казаков в контроль. Привели вместе с вещами в кабинет начальника благовещенского контроля, и здесь разыгралась любопытная сценка. Полковник, начальник контроля, сидел и переписывал груды книг и тетрадей взятых у меня, вещи же в чемодане велел просмотреть поручику, который ехал со мной на извозчике и даже пробовал из'ясняться по-французски, чтоб показать свою «культурность», в противовес диким большевикам. Как только во время осмотра чемодана попадалась не рваная вещь, он сейчас же откладывал ее в сторону. Я не давала, он тянул, потихоньку меня уговаривая, что мне все равно она не понадобится. В душе я была с ним согласна, но меня забавляло это проявление «культурности», и я громко с ним препиралась. Наконец, когда наши препирательства доходили до слуха господина полковника, последний методически поднимал одну бровь и заявлял: «Поручик!»

---

*) Как известно, на Востоке у белогвардейцев все господа военные непрерывно возводили себя в чины. Так, мне рассказывали про какого-то генерала, который с трудом подписывал свою фамилию. Хотя несомненно, большинство этих господ принадлежало к бывшим аристократам и военным, бежавшим из Москвы, Питера, Иркутска и т. д.

Тогда последний уступал мне с видом сожаления «военную добычу» и принимался за дальнейший обыск. Так повторялось раза три. Наконец, осмотрев книги и вещи, они заперли их в чемодан и, отдав по моему настоянию ключи мне, отправили меня в женскую тюрьму. Там меня поместили в женскую политическую камеру.

В тюрьме царил террор. Японцы то и дело брали кого-нибудь на расстрел. Рассказывали кошмарную историю про одного юношу-учителя со станции жел. дороги, лет 21. Я не знаю, какую роль он играл при советской власти, но его привели в тюрьму после порки и истязаний в участке полиции. На другой день его взяли на расстрел. Расстреливали его три надзирателя—все пьяные. Он стоял у вырытой ямы в одном белье и ждал смерти, а они все стреляли мимо. Наконец не выдержал и пустился бежать. Был трескучий мороз, и он отморозил себе обе ноги. Кто-то подобрал его и привез в тюрьму. Здесь на полу он лежал весь опухший, а надзиратели топтали его ногами и избивали «по приказанию» свыше. Потом его унесли полуживого в больницу. Когда я была в благовещенской тюрьме, он выздоравливал, но ходил на костылях. Его должны были увести на расстрел снова...

Незадолго до моего приезда из мужской тюрьмы увели на расстрел председателя железнодорожного союза тов. Шимановского. В женской тюрьме в этот момент сидела его жена, и им даже не дали проститься. Я уже не застала т. Шимановскую—ее выпустили, но женская тюрьма все еще жила драмой, которую она переживала при этом увозе: шли подробные рассказы, пелась песня, сочиненная на смерть *) Шиманского и т. п.

---

*) Все стихотворение очень длинно, поэтому я привожу лишь его конец, который точно рисует картину казни.

В последнюю ночь, в предсмертных муках,
Ты брошен был в сырой подвал.
Один, один ты там томился,

Между прочим, в мужской тюрьме в это время сидел тов. Бутин, который только что перенес два тифа и каким-то чудом остался жив. Но я тогда этого не знала, так как он сидел под чужой фамилией.

В женской тюрьме сидело человек 7 политических. Они и сами, собственно говоря, не знали, за что сидят. Это были самые обыкновенные женщины и девушки, которые в жизни никогда политикой не интересовались и помогали большевикам потому, что им помогал весь простой народ. Теперь, попав в тюрьму, они были озлоблены против белых до-нельзя, гордо называли себя политическими и уже всем сердцем были преданы большевикам. Однако это ни чуть не мешало им верить в бога, ходить молиться в церковь, проводить время в гаданьях, рукодельях, флирте с мужской тюрьмой и зевать при «серьезных» разговорах.

Желал найти ты утешенье
В подруге дней твоих былых,
Одна стена лишь отделяла
Тебя от узницы младой.

Она, томясь в тоске безмерной,
Деля страдания твои,
Она не в силах сбить оковы,
Сказать последнее прости.

Спустилась ночь опять на землю,
Ревела буря под окном,
И каждый звук ключей тюремных
Тебя ко гробу приближал.

Раскрылись двери одиночки,
Тюремщик входит за тобой,
В тоннель тюремную выводит,
Садя в кровавый автомобиль.

Взглянув печально на решетки
Немых могил твоих друзей,
Своей подруге одинокой
Печально бросил ты привет.

Я великолепно знала, что вряд ли меня ждет что-нибудь хорошее, и старалась достать яд. Наконец мои хлопоты увенчались успехом. Однажды, в 3 часа дня мне обещали его принести. Вдруг ровно в половине третьего прибегает перепуганная надзирательница и говорит, что пришли офицеры с броневика «Мститель» и требуют у начальника выдачи меня. Поднялся плач. Я попрощалась и отправилась.

Прихожу в кабинет начальника и вижу: сидят 2 офицера, действительно с броневика, с черными нашивками, на которых вышит белый человеческий череп. Идет торг. Начальник не выдает меня и говорит, что завтра отправит в Читу обыкновенным этапом. Офицеры грозятся разнести тюрьму с броневика вдребезги. Начальник сидит бледный, обратился с вопросом ко мне. Учитывая, конечно, что меня все равно выдадут, я предложила

Могила та уже готова,
Куда везет шофер-палач.
Среди полей покрыта снегом,
Среди безмолвия ночей.

Ты гордо стал на край могилы,
Как гордо знамя свое нес.
Твой взор, прекрасный и унылый,
Окинул мерзлую землю.

Раздался залп—не стало жизни
Твоей прекрасной и святой.
На век ушел от нас товарищ,
Покрывшись снежной пеленой.

Напрасно враг в своем бессильи
Старался скрыть твои следы,
Священную каплю твоей крови
Сравнять с долиною полей.

Твои заветы не забудем—
В скрижаль свою мы занесем,
Всему миру их расскажем
И всем народам их прочтем.

офицерам дать честное слово, что они довезут меня до Читы без истязаний и оскорблений. Последние согласились, и тогда я попросила в свою очередь начальника меня выдать. Тот заявил—пусть ведут силой. Мы пошли. У дверей нас не хотели выпускать, тогда мои провожатые выхватили револьверы, и мы очутились на воле. Нечего говорить, что участь попасть на броневик мне не улыбалась, честному же слову господ офицеров я не особенно верила.

Но как только мы вышли за ворота, офицеры подняли хохот и начали меня успокаивать. Никакого броневика на станции нет, и мне пока бояться нечего. Оказалось следующее. Склока между Казаковым и благовещенским контролем из-за меня продолжалась. Положение усугублялось тем, что при обыске у меня взяли порядочную сумму, которую я имела на проезд в Америку. И так как деньги были в контроле, то Казаков под предлогом, что первый арестовал меня, хотел собственноручно доставить меня в Читу, надеясь, конечно, деньги зажилить *).

Видимо, начальник контроля также на это рассчитывал. (В Благовещенске царствовал атаман Кузнецов). И вот Казаков, не долго думая, симулировал мой захват из тюрьмы, приказав это сделать двум офицерам с семеновского броневика, пользуясь тем ужасом, который броневики нагоняли своими зверствами на Дальнем Востоке. Вслед за мной уже он смог получить и деньги, и мои вещи. Мотивировал же он мой захват тем, что поведет меня под конвоем своего отряда, так как не доверяет обычному конвою, из-под которого я могу убежать.

Офицеры привезли меня в гостиницу, где Казаков и другие офицеры распивали чай со своими женами. Начали рассуждать, куда меня поместить до завтра. Хотели отправить на военную гауптвахту, но там не при-

*) Так он и сделал впоследствии.

няли. Тогда по настоянию жен наняли мне номер в гостинице и перед дверью поставили караул из двух казаков.

Не обошлось дело без комичных инцидентов. Сижу я в комнатке, приносит мне горничная гостиницы чай и шопотом, испуганная, говорит: «А мы вас бедную так жалеем все, расстреляют они вас!» и скороговоркой прибавляет: «А я вам, когда хозяйка отвернулась, две порции сахара положила» (сахар тогда на Востоке был большой роскошью).

Проходит еще час, меня начинает клонить ко сну. Вдруг дверь тихонько отворяется, в нее осторожно просовывается лохматая голова, потом входит пожилой мужичонко в ычагах *) (узнаю казака из конвоя), таинственно придвигается ко мне и спрашивает хриплым шопотом:—«Курить, болезная, хочешь?»

Я ответила, что не курю. Но, видимо, с испугу он не разобрал и, быстро пробурчав:—«Трубку куришь», — скрылся за дверью. Не прошло двух минут — вижу: опять, крадучись, входит в комнату и несет в руке трубку и кисет. Как ни тревожно была я настроена, а долго потом хохотала над этим своеобразным проявлением участия.

Утром, под конвоем отряда есаула Казакова, меня привезли на станцию в арестантский вагон. Он оказался уже занятым солдатским конвоем, который вез арестантов в Читу. Тут же была одна из политических—молодая девушка Аня, с которой мы только вчера расстались в тюрьме. Началась опять перепалка, конвойный начальник не пускал в вагон отряд Казакова, последние с револьвером в руках лезли в вагон. Наконец они вагон поделили: меня с Аней посадили в одно купе и напротив него поставили караул из одного казака и одного солдата, над чем мы и издевались все время. В одной половине вагона поместился отряд Казакова с пятью офи-

*) Забайкальская казачья обувь из оленьей шкуры.

церами во главе, с женами и домочадцами, с другой стороны, за арестованными мужчинами, поместился солдатский конвой.

— Куда вы меня везете?—спрашиваю я Казакова.

— Сами не знаем, может быть, по дороге сдадим на броневик, может быть, в Макавеево, а, может быть, и в Читу.

Под'езжаем к какой-то станции, на ней стоит броневик. Прибегает оттуда казак с пакетом к Казакову. Меня покоробило: вспомнила про те «чудеса», которые там творятся. Но казак уходит, я остаюсь. Мне об'являют, что меня назначили в Макавеево. Начальник солдатского конвоя, который, между прочим, предлагал помочь мне бежать *), сообщил, что в Макавево больше суток не держат—расстреливают.

Настроение повеселело.

* * *

„Самые утонченные пытки изобретаются для них, смерть окружается тысячью предметов ужаса. Напрасно: смерть не представляет жала для преследуемых, и при самых изысканных пытках у них появляется только улыбка сострадания к глупцам, которые воображают этим убить идею".

(В. Либкнехт. „От обороны к нападению").

На моем пребывании в Макавеево я остановлюсь несколько подробнее, так как оно ярко иллюстрирует то, что несет в своих недрах буржуазно-монархическая реакция.

Военная тюрьма или макавеевская гауптвахта, куда меня привели по приезде, состояла из двух вагонов

*) Я отклонила это, так как не имела ни связей, ни денег, вдобавок мы проезжали по местам с самым черносотенным тогда казачьим населением.

третьего класса. Один вагон был офицерский, где содержались провинившиеся офицеры, в огромном большинстве за пьянство и дебоши; другой вагон для большевиков или «красно...», как нас презрительно называли гг. офицеры. Большевистский вагон состоял из одной общей камеры и 5 отдельных купе. Общая камера составлялась из четырех купе, с маленькими окошечками вверху, отгороженными спереди общей железной решеткой. Таковы же были и 5 почти отдельных купе, с тою разницею, что друг от друга они были совершенно отгорожены стенами. Первое, что бросилось мне в глаза при входе на гауптвахту, это общая камера, битком набитая бледными, измученными, грязными людьми. Как я узнала, из общей камеры только раз в день пускали в уборную, мыться же совсем не пускали.

Между общей камерой и отдельными купе находилось открытое купе. Здесь помещался конвой, сюда же выводили на допрос и порку арестованных.

Одно из отдельных купе было для женщин, сюда меня и посадили. От двух большевистских сестер милосердия, которые здесь сидели, я узнала, что большинство арестованных на второй-третий день по привозе выводят на полевой суд и оттуда прямо в сопки (горы). Там расстреливают или засекают, а тела сжигают.

Не так давно перед моим приездом,—рассказывали мне сестры и другие товарищи,—был расстрелян какой-то австриец-военнопленный, ученый из Вены, который говорил на 15 языках. Перед казнью его жестоко пороли, кажется, ему дали 60 ударов. Напрасно он молил, чтоб его скорей расстреляли... Конвойные солдаты, выводившие большевиков на расстрел, говорили, что особенно тяжела была смерть комиссаров и мадьяр. Их обыкновенно страшно мучили перед смертью: обрубали ноги и руки и заставляли живыми заползать в костер.

Рассказывали мне о казни двух братьев из какого-то местечка. Их пытками заставили пороть друг друга, а потом казнили.

Незадолго до моего приезда, зверски пороли председателя макавеевского Совета, т. Сергеева, лет 45 *). Он каким-то чудом пережил истязания, так как ему дали 60 ударов шомполами. Уже месяц спустя он жаловался мне на глубокие язвы на спине и на животе, которые не могли никак зарасти (и не мудрено: били до костей).

Понемногу я стала осматриваться на гауптвахте. Оригинальный был у нас конвой. Он менялся каждый день. Один день был чисто офицерский конвой, другой день нас караулила дисциплинарная рота. Эта рота состояла из бывших арестантов-большевиков, которые были приговорены в Чите к каторге или к смертной казни. В виду недостатка в солдатах, их помиловали и отправили в Макавеево, в дисциплинарную роту. Положение их было немногим лучше нашего. Их никуда не выпускали и за всякую малость беспощадно пороли. При чем пороть заставляли друг друга под контролем какого-нибудь зверя-офицера. Их же заставляли водить нас на расстрел. Легко себе представить, какое деморализующее влияние имело это на них, в большинстве молодых людей. Многие из них делались психически больными, другие бежали, третьи становились пьяницами.

Офицерская же рота представляла цвет семеновского офицерства. Вечно пьяные, все кокаинисты и морфинисты, они, кажется, и говорить без площадной ругани не могли. Когда вечером предполагались истязания когонибудь, они даже из села сбегались, чтоб посмотреть. И чем громче раздавались хриплые нечеловеческие стоны истязаемой жертвы, тем громче звучали их взрывы хохота. Это были поистине отбросы общества. С трудом я могу вспомнить двух-трех из них, которые имели хотя некоторые человеческие черты, но и те были горькие пьяницы.

Обыкновенно в Макавееве матросов, так называемых

---

*) Впоследствии мы встретились с ним в Читинской губпартшколе, где я читала лекции, а он был курсантом. *В. В.*

мадьяр *) и латышей, расстреливали поголовно. При мне на гауптвахту привели двух спекулянтов. Как только прапорщик Лутонин по-дружески выспросил у одного из них, что он раньше служил матросом, так в этот же вечер его вывели по воду и расстреляли на наших глазах на лужайке под окнами.

Так же погибла одна латышка. Ее обвинили в том, что она была на Кавказе будто бы большевистской сестрой милосердия. Полевой суд приговорил ее к смерти. Она приняла опиум и впала в бессознательное состояние. За ноги ее выволокли с гауптвахты, хотя сердце ее еще билось, и в сопках, на месте казни, прапорщик Семкин, знаменитый в Макавееве зверь-пытатель, рассек ее шашкой на части.

Страшная участь постигла латыша, который бросил в Семенова в январе 1918 г. бомбу. Подробности расправы с ним я слышала от нескольких лиц в Макавееве. А в Читинской тюрьме я встретила еще т. Каролич, которая в то время сидела в Макавееве и на глазах которой эта расправа происходила. Она подтвердила эти рассказы. Трех арестованных, после предварительной порки, вывели и выстроили перед вагоном. Был трескучий мороз, они были голы по пояс и их тело было изрезано ножами. Поручик Маньковский—начальник гауптвахты—руководивший пыткой, скомандовал казакам «сбрить волосы»: казаки отказались. Тогда он приказал держать латыша и снял с него скальп... Трудно писать об этом... Потом их затащили в вагон и там разрубили на части. Далее Каролич видела, как вынесли окровавленные мешки, набитые их телами, и погрузили на телегу.

Не такой ужасной смертью погибли при мне двое военнопленных. Один немецкий школьный учитель, другой—венгерец. Учителя-военнопленного сняли с поезда

*) Под именем мадьяр семеновцы расстреливали и австрийских, и немецких военнопленных, почему-либо арестованных.

и обвинили в том, что он мадьяр. Напрасно он на допросе уверял по-немецки, что никогда и не был в Венгрии: следователь Грандт потребовал, чтоб он говорил только по-русски. Я вызвалась-было быть переводчицей *), но получила в ответ грозный окрик. Тем дело и кончилось. Полевой суд приговорил его, как мадьяра, к смерти. Но он принял яд и умер на гауптвахте до казни. Перед смертью он что-то хотел мне сказать: попросившись в уборную, подбежал ко мне к купе, но тут же упал мертвым.

Другого его товарища по несчастью, действительно мадьяра, лет 24, постигла более тяжелая участь. Его приговорили к смертной казни и держали 2 недели до утверждения приговора. Их повели на казнь 8 человек, но не мучили, а расстреляли залпом. Только когда их связанными сажали на телегу, господин офицер, командовавший отрядом, не мог удержаться и ударил мадьяра со всей мочи прикладом. Дело в том, что товарищ был низенького роста и связанным не мог залезть на телегу. От дальнейших ударов спас его т. Карандаев (казак-большевик, тоже приговоренный). Огромного роста, он както боком взвалил его на телегу и прикрыл своим телом. Рассказывать подробности, за какие преступления против «государства и собственности» были расстреляны все эти 8 товарищей, слишком долго (все они были политические, так как уголовных в Макавееве не судили), но об одном из них я не могу умолчать.

Это был мохнатый старичок-крестьянин, 65 лет, весь поросший, как мохом. Он приехал в Макавеево к сыну солдату в дисциплинарной роте, при чем был сильно выпивши. Когда сын стал жаловаться, что им очень тяжело, старик стал его утешать: «Потерпи, паря, слышно, большевики близко!» За эти слова старика

*) Нас вызвали в одной партии на допрос, а товарищ не говорил по-русски. Но, как я вскоре узнала, Грандт сам великолепно говорил по-немецки, так что в переводе не нуждался.

и расстреляли. Приезжала жена-старуха, молила расстрелять сыновей, которые служили в солдатах, мобилизованные Семеновым же, только старика оставить живым. Получила циничный ответ, что сыновья им еще нужны.

Помню 12 деревенских мальчиков по 16 лет. Их пороли и привезли на расстрел в Макавеево за то, что попалась запись, в которой большевистский партизанский отряд переписал их, как 16-летних, на случай мобилизации. Все они были чрезвычайно низкорослые и физически малоразвиты. Только двум можно было дать по 15 лет, а остальным не более 11—12. Я все смеялась над ними, что наверно их из школы учительница в наказание отправила сюда. Они же откровенно мне говорили; «Испужались мы, тетенька, как нас сюда повезли, все в голос плакали»... Дальнейшую их судьбу я не знаю.

Мое сидение в Макавееве совпало как раз с тем временем, когда Семенов покорился Колчаку. Это произвело такое впечатление на макавеевский застенок, что полковник Тирбах, стоявший во главе его, собирался стреляться. Дело в том, что на востоке было ложное представление о либерализме Колчака. Как характерный факт, приведу следующий пример. В день моего приезда увели на казнь какого-то молоденького прапорщика за то, что он не мог вынести семеновских порядков и вздумал бежать от него к Колчаку. (Я помню его бледное лицо и дрожащие полудетские губы, когда он, идя мимо нас на казнь, пробовал закурить папироску).

Так вот, в связи с воссоединением власти в руках Колчака, в Макавееве началась паника: суды, казни застопорили, и офицерская рота растаяла; всем дали куда-нибудь командировки.

Вместо офицерской роты, нас стали караулить части местных войск: артиллеристы и т. п.

Меня сразу удивили солдаты этого конвоя своими странно старообразыми лицами, а, по расспросам, им было по 23—24 года.

Оказалось, опять подвиги семеновских бандитов. Большинство этих солдат были красноармейцами на уральском фронте. Их взяли в плен, и Колчак переправил их к Семенову. Мне удалось расспросить солдат из двух партий. В одной партии было 800 человек, в другой 600 человек. Их везли до Иркутска сносно. От Иркутска с них сняли всю теплую одежду. Теплушки, где они сидели, наглухо забили, оставив лишь небольшое отверстие, и таким образом их возили 8 дней взад и вперед. Это было в 20-х числах декабря, в Забайкалье стояли жгучие 40°-морозы, а теплушки не топили. В то же время их морили голодом, им давали через 3 дня по ½ фунта хлеба и немного воды. Многие из них умерли, некоторые замерзли, и тела их лежали тут же. Некоторые сошли с ума. Оставшихся выпустили и из них образовали полки со свирепым режимом. Как известно, у семеновцев во всех полках широко практиковалась порка солдат.

Для характеристики взаимоотношений атаманов, сидевших в четырех главнейших городах на востоке (Чита, Благовещенск, Хабаровск и Владивосток), приведу следующий пример. В Хабаровске господствовал атаман Калмыков. Он, как и другие атаманы, произвел не только добровольный набор, но и мобилизацию местного офицерства. И вот офицерам его отряда, видимо, надоело пороть и истязать местных крестьян и рабочих. Они заявили желание «итти на фронт», т. е. потребовали, чтоб их отправили в войска Колчака на Урал. В этом «бунте» участвовало 90 офицеров. Они все были арестованы. Человек 50 из них были отвезены во Владивосток, и там их освободило английское командование. А около 40 человек были схвачены и при помощи семеновских отрядов привезены в Макавеево на расправу. Трое из них сидели, как зачинщики, в вагоне смертников вместе с нами. Один был старый полковник, другой бывший инженер, тогда поручик, и третий какой-то капитан. Между прочим, один из них, инженер, тут же в вагоне

хворал сыпным тифом, но его не лечили. Он валялся почти 2 месяца на голой лавке, прикрытой солдатской шинелью, и его держали на общем положении смертников в смысле пищи и проч.

Так вот эти господа рассказывали мне, что их привел на поезд семеновский офицерский отряд. Сейчас же обобрал с них офицерскую одежду и все ценности, не исключая обручальных колец. Далее, в одном белье их связали, бросили в таком виде на пол и производили всяческие издевательства. И уже под'езжая к Макавееву, им выдали какую-то драную одежду, в которой они и сидели. Так обращались гг. офицеры со своими собратьями из другого атамановского отряда, которые от них ничем не отличались даже и в своем моральном облике.

Когда наш вагон был несколько «разгружен», к нам перевели на 2—3 дня калмыковцев, в виду ремонта их вагона. Они сейчас же потребовали, чтоб утром и вечером устраивались молитвы, и каждый раз заканчивали их пением «Боже, царя храни». Пели они очень хорошо и как-то спели «Боже, царя храни» на мотив «Со святыми упокой». Так как в ответ на это мы из нашего купе начали аплодировать, то они немедля спели заупокойную панихиду в честь меня, с подражанием попу, дьякону, хору и пр. И тоже очень хорошо. В общем все они производили впечатление падших, опустившихся людей, которые и сами себя презирают. Многие из них были с высшим образованием, был и какой-то сотрудник «Нового Времени».

Макавеевский застенок был организован сейчас же после захвата Читы Семеновым (в июле—августе 1918 г.). За все время в нем погибло до 5.000 человек, многие ужасной смертью. Во главе Макавеевских расправ стоял полковник Тирбах со своим ад'ютантом Владимиром Пантовичем (иркутянин) и военным следователем Грандтом (тоже из Иркутска).

Это была головка, которая назначала род пыток и т. п. Среди ужасных исполнителей прославились своим зверством офицеры Семкин, Маньковский, Патрикеев и Вышегородский. Это те, о которых я слыхала.

Условия сидения на военной гауптвахте были свирепые. Они представляли наверно снимок с морских военных тюрем. С 6 час утра мы были обязаны сидеть, положив руки на колени, и ничего не делать. Ни ходить, ни петь, ни читать—ничего не разрешалось. Спали мы в той одежде, которая была на нас; ни постели, ни одеяла не было. Кроме котелка, ложки и стакана, ничего не разрешалось иметь. Купе были на замке. В вагоне стояли два караульных поста. Ни прогулок, ни бань не было совершенно. Дни тянулись бесконечно длинные, серые, нудные, тревожные. Нас сидело от 3-х до 5-и женщин в купе (одна женщина сидела одно время с ребенком).

На второй день приезда меня повели к следователю Грандту, который предложил мне сказать, в чем я обвиняюсь. Сообразив, что они меня совершенно не знают, я заявила, что я жительница Томска, ехала в Америку, политикой не занимаюсь. Начали выяснять, в каких городах я жила, и решили послать туда телеграммы-запросы.

Через две недели опять повели на допрос. Следователь Грандт заявил мне, что по данным прапорщика Лутонина (который, как я писала, занимался на гауптвахте дружеским выспрашиванием), я была каким-то главным комиссаром в Омске. Я ответила, что там в жизни не бывала и следователь может посмотреть это в паспорте, который хранится у меня в чемодане. Тут Грандт презрительно заявил, что у меня там три пуда книг, а он никогда в этой «пакости» не копался. Здесь полевой суд, и никаких вещественных доказательств не надо. Пред'явив еще 2—3 самых нелепых обвинения, которые я немедленно отпарировала, Грандт заявил: «Ну, если вы сами не скажете, в чем вы виноваты, то я немедленно

дам вам 60 шомполов». Тогда, видя, что словесная борьба кончилась, я заявила, что от шомполов я буду только кричать, но пусть напишет все, что по полевому кодексу полагается для смертного приговора, и я охотно подпишу. Это будет и коротко и обоюдно приятно. В руках же я твердо держала кусок опиума, который мне достали на случай подобного оборота дела, и зорко наблюдала за каждым движением начальника гауптвахты, который сидел тут же и являлся всегда исполнителем пыток. Мое спокойствие, видимо, подействовало обескураживающим образом на Грандта и, написав в довольно благоприятном духе мои показания, где я «знать ничего не знала и ведать ничего не ведала», он отпустил меня, сказав, что назначит меня на первый полевой суд и расстреляет.

Я благополучно вернулась на гауптвахту, а здесь меня встретили бледные тревожные лица. Ожидали, что от меня принесут одни лохмотья.

Два раза меня назначали на полевой суд и два раза откладывали. Впоследствии мне рассказывал один мой приятель, читинский присяжный поверенный, интересовавшийся моим делом, что Грандт несколько раз посылал телеграммы во все стороны и ничего в ответ не получал.

Не было ничего удивительного в том, что молчали Томск и Иркутск, так как они не ладили с Семеновым, но почему молчал Сретенск, по инициативе которого я была арестована, было странно. Впоследствии я узнала, что в Сретенске в это время был атаманом Владимир Деревцов, который уже спас мне однажды жизнь, устроив во-время побег из Сретенска. И вот теперь как раз он получал эти телеграммы и рвал их, ничего не отвечая. В городе же давно рассказывали десятую версию о моем расстреле, и никому не приходило в голову, что я еще жива и можно донести. Это молчание В. Деревцов продолжал хранить и дальше, когда уже из Читы его запрашивала обо мне следственная комиссия. Таким

образом в Чите в продолжение 4-х месяцев тоже не знали, в чем же меня обвинить...

Несколько раз меня предупреждали офицеры, что за отсутствием доносов меня просто выведут вечером и расстреляют без суда, ибо одни книги показывают, «что я за птица», но я благополучно сидела и сидела, изнывая от нудной скуки... Это был момент, когда, в виду подчинения Колчаку, решили ликвидировать Макавеево и перевести полевой суд в Читу вместе с арестованными. По этой же причине застопорил непрерывный поток пыток и казней...

В один серый, однообразно-тревожный день на нашей гауптвахте поднялось необычайное оживление. Прибегали группы, с площадной, злорадной бранью переговаривались о чем-то. Мы поняли, что кого-то поймали и привезли. Настроение упало. Вдруг мне послышалась фамилия Бутина. Еще когда я была на воле, мне подробно рассказывали, что при отходе красных войск из Читы, Бутин со своим другом, будучи окружены белыми, застрелились. Это была легкая смерть, и я за них радовалась. И теперь, когда я подумала, что привели его, у меня впервые за все время ареста дрогнуло сердце. Он был единственным оставшимся в живых товарищем юности, светлая, честная, героическая личность. Сидеть с ним в Макавеево, слышать издевательства, может быть, пытки казалось мне ужасным.

— «С плеч могучих сняли бархатный кафтан... Голову понуря, сумрачно глядит», — декламировал какой-то офицер, видимо, с поэтической жилкой. Я выглянула в окно. Действительно, среди кучки людей, окруженной большим конвоем, виднелась высокая фигура с сумрачно наклоненной головой, которая очень напоминала мне т. Бутина.

Через несколько минут раздалась площадная ругань, звон оружия, и в вагон ввели арестованных. Я выглянула в окошечко железной решетки и почти в упор увидела тов. Бутина. Лицо его было мрачно, и я в первый

момент его не узнала, так много было в его глазах гордого презрения. В тот же миг он увидел меня, и лицо его озарилось привычным мягким светом. Мы узнали друг друга. Наше мгновенное переглядывание заметил также и начальник гауптвахты.

Бутина посадили за два купе от меня, где сидел с другими товарищами один нарочно посаженный семеновский провокатор. Мы все знали, что это за птица, и я немедленно стала писать записку Бутину, чтоб предупредить его, а также сообщить, что представляет собою Макавеево и как надо себя здесь держать.

Часа через два Бутина повели заковывать, а я вышла к умывальнику и задержалась, чтоб столкнуться с ним в проходе, когда он пойдет обратно, и передать ему в руку записку и яд. Так и было, встреча наша была очень трогательная, но он по неопытности так тряс мне руки и при этом так звенели кандалы, что вся гауптвахта это заметила. Зашипели белые офицеры, сидевшие в одном из купе... Один из них запел:

«Очутился я в Сибири,
В черной шахте под землей.
Здесь я встретился с друзьями,
Здравствуй, друг, и я с тобой».

Я почувствовала, что даром нам эта встреча не пройдет. Между тем т. Бутин послал на волю свой жене письмо, где писал о том, что у него есть яд и проч. Записку же он передал выходящему завтра на волю товарищу. Это подсмотрел семеновский шпик, сидевший с ним в купе.

На другой день Бутина с двумя другими товарищами, закованными в ножные и ручные кандалы (один из них был венгерец, начальник партизанского полка) посадили в соседнее с нами купе, убрав оттуда белых офицеров. В час дня иду я что-то выбросить в окно и вижу в конце вагона стоит семеновский провокатор (сидевший раньше с Бутиным) и дает письмо солдату,

помощнику начальника гауптвахты, требуя снести его немедленно начальнику гауптвахты. Я тотчас сообразила, в чем дело, и написала точное письмо И. А. о том, что мы должны говорить оба на допросе о знакомстве друг с другом. Не прошло 20-и минут, как на гауптвахту с криком, размахивая нагайкой, влетел поручик Вышегородский, начальник гауптвахты и, войдя в мое купе, начал допрашивать, откуда я знаю Бутина и проч. (надо заметить, что несмотря на свою зверскую психику, он по-своему жалел «женщин и детей» и всегда отстаивал нас перед капитаном Грандтом).

Далее был допрос Бутина, при чем Вышегородский прочел громогласно письмо И. А. к жене (уже отобранное у выходившего на волю) и потребовал отдать яд. Яд был отдан.

Оба мы отвечали на допросах, как по нотам. Господин поручик был так поражен, что даже воскликнул: «Вот сразу видно честных людей, эти врать не станут!» Каюсь, мы оба врали слово в слово.

Обычно «начальство» при посещении гауптвахты подходило с допросами ко мне и к Бутину, как к наиболее интересовавшим их лицам. И вот однажды гауптвахту посетил Влад. Пантович, ад'ютант и правая рука Тирбаха в истязаниях и пытках макавеевского застенка. До революции он служил кадровым поручиком в Иркутске.

В детстве он рос с Володей почти в одной семье... и вместе бегал еще в детский сад. Подойдя ко мне, он спросил: «Вы жена Сафьянникова?» и, получив утвердительный ответ, добавил, глядя мне прямо в глаза: «Радуйтесь, что он не попался к нам живым в руки, иначе я бы содрал с него живого кожу». Надо добавить, что Володя не имел за всю жизнь личных врагов. И заявление Пантовича дает достаточное представление об его личности. Даже белые семеновские офицеры не называли его иначе, как «провокатор» в своих разговорах.

В один из вечеров Бутина с товарищами, сидевшими с ним в каюте, собирались увести на расстрел... Он отдал яд, бывший у него, двум друзьям по казни*)... И несмотря на все (личная жизнь у него была очень неудачна), радовался оставшимися минутами жизни и с восторгом говорил о солнце и о светлой жизни на земле будущих поколений.

Наконец нашу гауптвахту стали разгружать и увозить партию за партией в Читу. Дня за два до моего увоза к нам в к а ю т у привели интеллигентную старушку, совершенно седую и всю в морщинах, фельдшерицу Филиппову. Она с негодованием рассказывала, что семеновцы чуть ее не исхлестали плетьми, требуя, чтоб она сообщила, кто я такая. А мы друг друга никогда раньше и не видали. Она была товарищем Бутина, и ее посадили за то, что она принесла ему в Макавеево передачу.

* * *

Неожиданно я еду в Читу, и чемодан с книгами со мной. Как нарочно конвой из самых славных ребят, и есть определенно свои. Во главе конвоя прапорщик Соболев, тоже сочувствующий нам, положение которого в Макавееве все время было на волоске. Они радуются все моему «освобождению» больше меня, приносят мне цветы, поют хором песни, поздравляют. В соседней половине вагона едет группа семеновских арестованных офицеров, которая пьянствует и сквернословит, но ко мне относятся благодушно, поздравляют и даже по временам присылают кого-нибудь извиниться, что они не могут никак не сквернословить. Одним словом, перемена обстановки разительна.

Со мной едут 12 деревенских мальчиков, привезенных в Макавеево на расстрел (их через некоторое время опять из Читы увезли на расстрел, кажется, в Даурию—тоже застенок, небольшая станция ж. д.).

---

*) Это было до нашего допроса.

Я знаю, что если макавеевский следователь брезгливо отказался от мысли рыться в моих книгах, то в Чите от этого не откажутся. А там у меня огромная тетрадь, где я по глупой привычке записывала черновики статей, которые я посылала иногда в газеты, и ряд других документов. Не было сомнений, что меня немедленно отправят обратно, как только с этим ознакомятся. Я решила действовать напролом и сказала все прапорщику Соболеву. Тот обещал мне помочь. На одной из больших станций он выбрал из конвоя всех ненадежных солдат и увел под их охраной всех офицеров обедать в буфет на станцию. Оставшихся поставили охранять, а тов. Владислав Властовский *), тогда солдат дисциплинарной роты, помог мне разобрать чемодан с книгами. То, что было рискованно, я отобрала в свою корзинку, то, что было опасно, он запихал себе за куртку и голенища сапог и унес в Чите на квартиру, а тетрадь с черновиками и некоторые документы я уничтожила.

Конечно, эти товарищи рисковали больше, чем жизнью, и с их стороны это был геройский поступок.

В Макавееве меня держали месяц и в Читу привезли 28 июня 1919 г. по новому стилю. Сидение в читинской тюрьме я считаю наихудшим из всего, что мне пришлось перенести из моих тюремных пребываний. Всего сидела я там год, и самое тягостное было то, что нас морили голодом. Морили систематически. Только последние месяцы сидения начались общие передачи политическим, которые делал большевистский читинский красный крест. Насколько тяжела была эта голодовка, видно из того, что с августа по декабрь включительно из тысячи заключенных умерло от голодного тифа 500 человек. Эти точные цифры я беру из доклада тюремного доктора, который читала в конторе тюрьмы.

---

*) Бывший студент кооперативных курсов, левый эс-эр, сейчас живет в Чите.

До привоза политических, эвакуированных с Урала и из Сибири, состав нашей камеры был кошмарный. Здесь в качестве политической сидела одна проститутка за то, что купила у комиссара лошадей. До этого времени она три раза отбывала наказания по уголовным делам.

Далее сидела некто Ракшина—это был настоящий уголовный Иван, женщина лет 45. Она отбывала раньше уголовную каторгу, когда-то содержала дом терпимости и была глубоко падшим человеком. Тип Ракшиной, так же как и некоторые типы макавеевских палачей, в этом смысле заслуживали бы и кисти художника, и интереса психолога.

Вот с этими двумя женщинами мне и пришлось коротать 2—3 месяца. Быть может, меня преднамеренно посадили с ними. Ругань, игра в карты составляли все содержание их жизни. К этому прибавлялась постыдное самоуничтожение перед надзирательницами, так как нас морили голодом, а у надзирательниц можно было выпросить лишнюю корочку. И все же и у этих женщин было что-то святое. Они не способны были стать «лягавыми», по их выражению, то-есть продать товарища по тюрьме. Здесь они были тверды. Несмотря на то, что у нас вечно велась упорная борьба, так как я не позволяла им ругаться и прочее, они всегда грудью вставали на мою защиту, когда я устраивала бунты и скандалы с тюремной администрацией.

Единственно положительной стороной сидения была чистота и то, что я могла заниматься, так как часть книг и тетрадей остались сразу при мне, другую же часть я получила после моего суда.

С нами сидела молодая безграмотная женщина, несчастная жертва семеновского террора, т. Манекенова.

Она провела в качестве сестры милосердия на позиции все годы германской войны, 2 раза была контужена, имела медаль. Ее рассказ я передаю дословно.

С позиции она с мужем-солдатом приехала в свое родное село Толачай Читинского уезда. Всю зиму 1918 г. крестьяне их уезда не знали покоя от карательных отрядов Семенова, хотя они и не бунтовали. Обычно в деревню приходил такой отряд и спрашивал, кто служил в Красной армии или продавал что-нибудь большевикам. Начиналась поимка виновных, им отрезывали уши, носы, пальцы. Некий прапорщик практиковал такой способ наказания: он обливал голову пойманного керосином и зажигал. Женщин и девочек насиловали и убивали. В их уезде сожгли целиком 2 поселка, при чем из каждого дома взяли на расстрел по одному человеку. «Видя, что «расправляются беспощадно»,—рассказывала сестра,—и услыша, что приближаются к нашей деревне, мы решили бежать». Собралось из трех деревень 250 человек. Однажды их окружили, все бросились врассыпную. Тов. Манекенова с 6 другими товарищами бежали 70 верст по болоту (мужа ее убили).

Она прибежала в деревню к матери, но тут ее арестовала конная милиция. Сначала отобрала кольца, крест и деньги, потом стали требовать золота. Так как золота не было, то присудили к плетям. После пятого удара т. Манекенова потеряла сознание и очнулась в холодном амбаре. Мать ее, старуху, избили до полусмерти и посадили в холодную баню. Потом мать выпустили, но когда пришли описывать и обыскивать все имущество, то искололи штыками ей всю грудь, так что она временно лишилась рассудка.

Тов. Манекенову на лошадях везли 2 недели, пороли ее до 30-и раз. Она уже так ослабела, что не могла подниматься, и лежала. В вагон, когда их, оставшихся в живых 15 человек, провозили мимо Маковеева, ворвался с отрядом казаков Понтович и еще раз их бил и порол, несмотря на то, что два товарища имели огнестрельные раны. У одного была раздроблена нога, у другого прострелена грудь. В тюрьму тов. Манекенову привезли, как сплошной кровавый кусок мяса—почти без движения.

Но здоровый организм казачки взял верх, и через некоторое время она оправилась.

За время сиденья передо мной прошли бесчисленные рассказы забайкальских казачек и крестьянок, сидевших со мной, о зверствах семеновцев. Рассказывать здесь все немыслимо, так как они требуют особой летописи.

Через три дня после меня из Макавеева привезли оставшихся товарищей, в том числе т. Бутина и т. Филиппову. По рассказам т. Филипповой, семеновцы перед увозом начали Бутина пытать, но ему дали только 8—10 ударов шомполами, и истязание пришлось бросить, так как он упал в обморок и палачи побоялись его преждевременной смерти.

В читинской тюрьме я два раза мельком видела тов. Бутина в тюремной больнице. В начале июля был прислан конвой с семеновского броневика, который взял на расстрел 60 человек, в том числе 40 политических. С этой партией увели и тов. Бутина.

Было лето, мы сидели у открытых окон и напряженно ждали появления партии, которая должна была пройти мимо наших окон. И вдруг стройно из-за угла вышла колонна людей—это шли 40 политических, нога в ногу, подняв гордо головы. Получалось впечатление, что не их ведут конвойные, а они своим стройным движением увлекают конвой за собой. Посреди первого ряда выделяется своей высокой фигурой И. А. Бутин. Он быстро нашел меня глазами и кивнул головой: «все кончено»... Прощальный взгляд, глубоко серьезное лицо. В соседней одиночке раздались дикие вопли—это плакала т. Филиппова.

Как я ни расспрашивала о дальнейшей судьбе Бутина, ничего точного узнать не могла. Его жена говорила, что его сожгли живым в топке паровоза.

Партии на расстрел по 20, по 8, по 30 человек брались семеновцами несколько раз за время моего сиденья.

Брали по списку, где были и следственные и назначенные в ссылку, и те, которым осталось сидеть 1 месяц.

28-го августа привели к нам первую партию женщин, политических из Кургана, в 8 человек, потом еще 15 человек из Омска, с Урала, из Томска, потом еще 25 человек и т. д. И две политические камеры были битком набиты народом. Спали под ряд на полу и на нарах, не было проходу. Всего политических женщин собралось не менее 60-и. По своему сотаву они резко отличались от политиков в годы реакции. В большинстве это был тот самый простой народ, который явился творцом великой революции.

Помнятся мне три старушки-крестьянки. Их привезли с Урала. Одной было 65 лет. Ее забрали за то, что внук ее, крестьянин, перебежал в Красную армию. Сама же она лет 10 побиралась милостыней по деревням. Не помню, за что сидели две другие бабушки. Все три они были набожны, все три очень дряхлы (одна даже померла в тюрьме), все три подозрительно косились на нас, «молодежь», и однако все три ненавидели белых хуже дьявола и ждали, не могли дождаться, когда придут «наши».

Много было жен рабочих, расстрелянных Колчаком. Было человек 10 интеллигенции, которые играли активную роль в движении; их, конечно, в политическом невежестве обвинять было нельзя, но они являлись явным меньшинством. Товарищи, свезенные со всех концов Сибири, рассказывали о невообразимых зверствах, которые творил Колчак по деревням и в тюрьмах. Пытки при допросах применялись везде. В мужские тюрьмы врывались отряды чехов и дикой дивизии и пороли политических мужчин. Пороли и избивали людей, лежащих в больнице с огнестрельными ранами и пр. Передавать все эти кошмарные рассказы я не буду, так как это целое кровавое море. Лучше расскажу об одном анекдоте тюремной жизни.

Некий молодой человек—телеграфист в полосе отчуждения Китайской жел. дороги, вообразил, что он очень похож на Алексея-царевича. В пару ему нашлась телеграфистка, которая решила, что она похожа на Татьяну. И вот, взяв к себе в компанию третьего телеграфиста, который, очевидно, рассчитывал стать царедворцем, они послали телеграмму к Колчаку о своем царском происхождении. Немедленно за ними послали конвой и торжественно привезли их в Омск. Поместили в роскошные палаты, приставили бывшего камердинера царя, очень за ними ухаживали, совещались, но... очевидно, сделка не выгорела, и пришлось отказаться от новоявленного самозванца. Всю компанию предприимчивых молодых людей под конвоем и совсем неторжественно привезли в Читу к Семенову на расправу.

Мужчин держали очень строго, «Татьяну» же, после небольшой высидки в одиночке, привели к нам. Она оказалась довольно симпатичной девицей, но сначала разыгрывала и перед нами «царевну».

Однако наши ребята быстро ее развенчали, так как немедленно обнаружили, что по-французски она совсем не говорит, а по-немецки еле-еле. И она откровенно рассказала нам историю своего заговора.

Однажды их всех трех водили на допрос, при чем верховые казаки гнали их бегом и били всю дорогу плетьми. Татьяну впоследствии выпустили на свободу, «царевича» же, кажется, расстреляли.

С приездом политических из Сибири атмосфера сиденья прояснилась. С некоторыми я сошлась, с другими подружилась (Маруся Свечкина, Людмила Емельянова); однако самые условия сиденья стали очень тяжелыми, благодаря скученности. В камере, где мы сидели, было в 5 раз больше народу, чем полагалось по количеству нар. Спали все под ряд, занимая всю площадь комнаты. В тюрьме свирепствовал тиф.

В это время уже начался ледоход, красные войска занимали город за городом. Вряд ли кто так страстно

следил за их успехами, как это делали мы. Прежде чем брался какой-нибудь сибирский город, мы брали его по тюремным слухам раз 5. Разочаровывались и опять брали, пока слухи не превращались в действительность.

Еще до привоза политических из сибирских тюрем, через месяц после привоза меня из Макавеева, меня вызвали на допрос в следственную комиссию. Здесь заявили, что мое дело за отсутствием доносов прокурор полевого суда передал им и они затрудняются, как со мной быть. Однако говорили, что у семеновцев большой на меня зуб, и я должна быть готова ко всему.

15-го октября, когда красные войска уже подходили к Омску и Томску, наконец были получены на меня из Сретенска два доноса от агентов семеновской контрразведки, как об'явили мне на суде; дьякона Петропавловского *) и Штейна, владельца театра, где мы устраивали митинги. Меня вызвали на суд. Оба доносителя по долгу службы несли на меня сверх'естественную ерунду. Так, дьякон Петропавловский писал, что я по улицам никогда не ходила одна, а всегда окруженная толпами рабочих. И вот как-то, идя с огромной толпой рабочих и увидя его (!), я остановилась и начала произносить речь, показывая на него пальцем. Рабочие повернулись к нему и начали все хохотать и тоже показывать пальцами. Все это была такая нелепость, что я непроизвольно остановила чтение доноса, вскрикнув: «Ну, это ему в пьяном виде померещилось». Судьи были чрезвычайно возмущены моим непочтительным отзывом о духовном лице. Но один из присутствующих тихонько им подтвердил, что дьякон Петропавловский действительно горький пьяница, и инцидент смущенно замяли.

Присудили мне ссылку на остров Сахалин на 2 года, но так как в это время Благовещенская область, через

*) Оба они не один десяток отправили на тот свет своими доносами в семеновские застенки и оба и посейчас благополучно проживают в Сретенске. А дьякон Петропавловский даже умудрился записаться в кандидаты нашей партии, как мне недавно говорили.

которую меня должны были везти, была уже почти вся в руках партизан, то я осталась сидеть в Читинской тюрьме.

Сначала, с приближением красных, у нас шли упорные слухи, что нас перестреляют, но читинские буржуа и домовладельцы, не имевшие возможности удрать с семеновской бандой, справедливо боясь мести, очевидно, воздействовали на Семенова в определенном смысле. Постепенно, по одиночке, привезенных товарищей стали выпускать, а в декабре, после занятия Иркутска, выпустили сразу 20—25 человек. Потом выпустили еще партию за партией, и к моменту моего выхода, к концу апреля, нас всего осталось 5 человек. Наконец выпустили и меня. Первое мое желание, как только я вышла, это было наесться досыта хлеба, так как в тюрьме это очень редко бывало. Я сейчас же на все мои деньги купила черного хлеба и... наелась. Далее я пошла без «копейки» денег, но в самом радужном настроении по городу. Несколько меня заботила ночевка, так как из тюрьмы я никому не писала и не думала найти знакомых в Чите, которые не побоялись бы пустить меня ночевать.

Неожиданно меня окликнули. Это была одна из наших милиционерок на женском митинге в Сретенске, Маруся Каперская. Она удивлялась, что я жива, рассказала мне одну версию о моем расстреле, и сама предложила и увела меня к себе ночевать. Здесь она окружила меня самым теплым вниманием. От нее же я узнала, что в Чите в рабочей слободке живет с мужем моя старая приятельница Розина Теновна Паникас. Сейчас же я отправилась к ней.

Она с мужем (оба старые члены партии) рассказали мне о зверствах контр-разведки в рабочем поселке. Както казачий отряд окружил все железнодорожное депо и перепорол всех работавших там рабочих: такова была бессильная злоба этих «японских» наймитов! Нелегальной большевистской организации тогда не было, кроме Красного Креста. Но вокруг Паникас группировалось

несколько рабочих-большевиков, которые и вели работу. В тот момент в их руках очутилась какая-то типография, которой они могли пользоваться, и мне предложили написать прокламацию. Легко понять, сколько злобы и ненависти накопилось у меня за долгие месяцы лицезрения подвигов семеновцев и какое удовлетворение доставило мне это писание. Впоследствии в поисках типографии, печатавшей прокламации, семеновцы арестовали типографию кооператива, а междv тем прокламации печатались в их собственной военной типографии.

Первый месяц я жила шитьем, потом поступила в Центросоюз.

В семеновском царстве я прожила до августа. При мне на Пасхе отряд красных бомбардировал Читу, но воевал он с японцами, так как семеновцы лишь добивали раненых на поле да пытали пленных, в боях же не участвовали. Город был окружен красными, но выбраться из него было невозможно. Человек 15 выпущенных мужчин и одна наша выпущенная девица рискнули было. Их поймали по дороге, вернули в Читу: мужчин замучили, женщину тоже пороли, но через 2 месяца выпустили.

Положение мое в июле стало очень шатким: из контрразведки мне грозили. Напротив моей комнаты поселилась группа офицеров, которые явно меня выслеживали. И воспользовавшись приездом для переговоров владивостокской делегации, я уехала вместе с ней во Владивосток.

Последний скверный момент я испытала, когда семеновцы остановили на первой станции поезд делегации и требовали, чтобы их допустили к осмотру и высадке пассажиров. Так как из Читы я села одна, то не без основания полагала, что «о тебе речь сказывается». Тем более, что все время переговоров, которые длились около 3-х часов, напротив моего окна сидели и не спускали с него глаз 2 офицера, из которых один был прапорщик Лутонин, макавеевский провокатор, хорошо знавший меня.

Но делегация не допустила семеновцев к осмотру, и мы поехали...

На этом я закончу свои воспоминания, так как впечатления от Владивостока, его рабочего движения и далее являются уже составными моментами настоящего, которые еще не относятся к области «воспоминаний».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы, относящиеся к воспоминаниям, найденные мною в Ленинградском и Московском Историко-Революционных Архивах.

Приложение № 1

СВЕДЕНИЯ
о представляемой к административной высылке Екатерине Михайловне Хрущовой.

Фамилия, имя, отчество, звание, место родины или приписки и семейное положение обвиняемой.	Хрущова Екатерина Михайловна, мещанка г. Барнаула, родилась в Петербурге, девица. Отец, мать, 4 сетры и 3 брата проживают в Томске.
Возраст.	20 лет.
Сведения о виновности и данные обвиняемой об'яснения.	Обвиняется в принадлежности к военной организации соц.-дем. рабочей партии, в пропаганде среди нижних чинов местного гарнизона и вообще в распространении преступных изданий. Дать об'яснения по существу пред'явленных обвинений отказалась, отзываясь полным незнанием приписываемых ей действий.
Где и с какого времени находится под стражей в порядке положения об охране.	В Томском губернском тюремном замке с 9-го ноября 1907 г. впредь до высылки в Вятскую губернию.
Привлечена ли к предварительн. следствию или формальному дознанию, су-	К формальному дознанию не привлекалась.

щество обвинения, какая мера пресечения и какое предполагается дать направление судебному делу.	К следствию также не привлекалась.
Заключение местных властей о предполагаемой мере административного взыскания.	Подлежит прикреплению в месте высылки в Вятской губернии, под гласный надзор полиции на 3 года *).

Подписи: Томского губернатора, Управляющего канцелярией и Зав. делопроизводством.

(Дел. Деп. Пол. № 2352, 1907 г.).

---

*) Министерство внутренних дел срок ссылки сократило до 2 лет.
В. В.

ПРИГОВОР.

1908 года, марта «27» дня. По указу его императорского величества томский окружный суд, в уголовном отделении, в следующем составе: председатель—граф М. А. Подгоричани-Петрович; члены суда: Ю. С. Дунин, Я. И. Семенов, И. В. Штевен и почетные мировые судьи: томский городской голова И. М. Некрасов, Бабарыкинский волостной старшина И. Ипатов при и. д. помощника секретаря И. В. Гродницком, в присутствии товарища прокурора Х. Л. Брюхатова,—слушал дело о Владимире Михайлове Сафьянникове и Данииле Георгиеве Тукайло, обв. по I ч. 126 ст. уг. ул.

Томским окружным судом в усиленном составе дворянин Харьковской губернии, Владимир Михайлов Сафьянников, 21 года, признан виновным, но заслуживающим снисхождения в том, что он в 1907 г. в городе Томске вступил в преступное сообщество, присвоившее себе наименование военной организации Томского комитета Российской социал-демократической рабочей партии и заведомо для него поставившее целью своей деятельности ниспровержение существующего в Российском государстве общественного строя с заменой такового на демократическую республику, и, в качестве члена этого общества, имел в своем распоряжении типографские принадлежности для печатания, различную партийную литературу и конспиративную переписку и, кроме сего, заведуя кассой названной выше преступной

организации, составил и имел у себя финансовый отчет организации за сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы 1907 года.

Тем же приговорм крестьянин Виленской губернии, Виленского уезда, Лебедевской волости, дер. Сковородки, Даниил Георгиев Тукайло, 24 лет, признан невиновным в том, что он в 1907 году в г. Томске, вступил в преступное сообщество, присвоившее себе наименование военной орагнизации Томского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, и заведомо для него поставившее целью своей деятельности ниспровержение существующего в Российском государстве общественного строя с заменой такового на демократическую республику, и, в качестве члена этого сообщества, имел в своем распоряжении типографские принадлежности для печатания, различную партийную литературу и конспиративную переписку, т. е. в преступлении, предусмотренном I ч. 126 ст. у. у.

В виду этого, обращаясь на основании 3 п. 771 ст. уст. уг. суд., к определению подсудимому Сафьянникову наказания, окружный суд находит, что преступное деяние, в котором Сафьянников признан судом виновным, по своим свойствам и признакам составляет тяжкое преступление, предусмотренное I ч. 126 ст. угол. улож., и виновные в совершении этого преступления наказываются каторгой на срок не свыше восьми лет, или ссылкой на поселение, согласно 17 ст. у. у.

Избирая же подсудимому Сафьянникову одно из означенных выше двух наказаний, определенных законами за судимое преступление, суд, принимая в соображение важность вины, состояние подсудимого и обстоятельства, сопровождавшие содеянное им преступление, считает справедливым избрать за нормальное наказание ссылку на поселение, в виду же признания подсудимого заслуживающим снисхождения, на основании 3 п. I ч.. 53 ст. уг. ул.—смягчить это наказание и, перейдя к низшему по постепенности роду наказания, именно

к заключению в крепости, назначить подсудимому Сафьянникову таковое на основании 19 ст. уг. улож. и притом по обстоятельствам дела в среднем размере, т. е. заключить его в крепость сроком на три года.

На основании всех изложенных данных и, принимая во внимание, что согласно 776, 976—999 ст. у. у. с., судебные по делу издержки должны быть возложены на осужденного Сафьянникова, а в случае его несостоятельности к платежу—приняты на счет казны; 2) что вопрос о вещественных доказательствах, в виду их многочисленности, необходимо рассмотреть в распорядительном заседании, от сего особо, окружный суд в усиленном составе определил: 1) Дворянина Харьковской губернии, Владимира Михайлова Сафьянникова, 21 года, признав виновным в тяжком преступлении, предусмотренном I ч. 126 ст. у. у., заключить в крепость сроком на три года; 2) по обвинению в том же преступлении кр. Виленской губернии, Виленского уезда, Лебедевской волсти, дер. Скводки—Даниила Георгиева-Тукайло, 24 лет, признать невиновным и по суду оправданным; 3) судебные по делу издержки возложить на осужденного Сафьянникова, а в случае его несостоятельности к платежу—принять на счет казны; 4) вопрос о вещественных доказательствах обсудить особо, в распорядительном заседании. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

И. д. помощника секретаря (подпись неразборчива).

ОТЧЕТ

за июль месяц 1908 г. С.-Петербургская губерния. Местная военная организация Российской соц.-демократ. раб. парт. Принадлежит к Петербургскому Областному комитету. Возникла в 1908 году в июле мес. Местные комитеты имеются в следующих пунктах: г. Кронштадт.

В течение отчетного месяца деятельность организаций проявилась в следующем.

Состоялись собрания матросов 5-го, 12-го, 13-го, 20-го и 27-го сего июля под председательством приезжавшей из С.-Петербурга нелегально «Веры». На этих собраниях были розданы «Верой» следующие нелегальные издания: гектографированные воззвания с пометкою: «Военная Организация С.-Д. Р. П., газета «Голос Социал-Демократа» за апрель 1908 г. № 3, 4, 5, гектографированное воззвание, начинавшееся словами: «Товарищи! Тяжелой свинцовой тучей быстро надвигается черная реакция», брошюры «Конек скакунок» и речь Нижегородских рабочих на суде. Технические предприятия (типографии, лаборатории, склады литер. и оружия) имеются или ставятся в следующих пунктах.

Склад литературы находится у Андрея Серкке, проживающего в г. С.-Петербурге по Тепловодской улице, д. № 14, кв. 3. Три гектографа находятся у Василия Оборина, проживающего на углу Калашниковского просп. и Калашниковской наб., кв. № 32.

Военные организации имеются в г. Кронштадте.

Секретных сотрудников имеется: а) интеллигентов «1», б) рабочих —№ 996. 5-е августа 1908 г.

Список состава и лиц, проходивших по наблюдению за ней:

1) Беззубая, 2) Береговой, матрос, 3) Беренсон Мария, 4) Гнутый, матрос, 5) Желтый, матрос 1-го флот. экип., 6) Мартынов, Борис Мартынович, 7) Мясников Степан, флотский, 8) Нежный, матрос 1-го флот. экип., 9) Нос, матрос учебного отряда, 10) Рондаренок, Фекла Дмитриева, портниха, 11) Серкке Андрей, 12) Солдатенко, матрос, 13) Судьбинин, Александр Семенович, дворянин, бывший гимназист, 14) Супруник, Иван Семенов, матрос 1-го флот. экип., 15) Черневи Афанасий, матрос, 16) Шарик Василий, матрос, 17) Шульгин, матрос флот. экип., 18) Юферова, Ольга Михайловна, мещанка, «Вера» (не легальная) или Хрущова, Екатерина Михайловна, 19) Яркий, матрос санитарной команды.

Начальник Кронштадтского жандармского управления:
Полковник: (подпись).

(Дел. Департ. Пол. № 5 ч. 51. 0.0. 1908 год).

СВОДКА

агентурных сведений по г. Кронштадту, по партии соц.-демократов. За июль 1908 г. Составлена при Северном Районном Охранном Отделении.

6-го сего июля приезжала в г. Кронштадт из С.-Петербурга неизвестная под партийной кличкой «Вера», которая остановилась на Павловской улице в доме Зайцева, квартира № 13, а затем, наняв для конспиративной квартиры помещение по Красной ул., дом Цыпленкова, кв. 36 *), имела свидание с тремя неизвестными матросами Николаевского Морского госпиталя и матросом 2-го флотского экипажа Сопруновым, названная «Вера» раздала матросам преступные гектографированные воззвания с пометкою—«Военная Организация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» и заканчивающаяся словами «Да здравствует Социал-Демократия». «Да здравствует вооруженное восстание».

Печатные воззвания Р.С.-Д.Р.П. «Товарищи», в коих говорится по поводу Юзовской катастрофы.

«Вера» имеет намерение сорганизовать в г. Кронштадте военную организацию соц.-демократической партии и 12 сего июля опять приедет в Кронштадт и будет иметь свидание с матросами в 6 часов вечера в госпитальном садике, а в 8 часов вечера в Петровском парке.

---

*) Никакой квартиры за все время работы не нанималось.

В. В.

Нелегальная «Вера» проживает в г. С.-Петербурге под фамилией Юферовой, но настоящая ее фамилия Екатерина Михайловна Хрущова и отец ее живет в настоящее время в гор. Томске, по Еланской ул., д. № 16.

На этих днях «Вере» были присланы из гор. Вятки чистые паспортные книжки, при чем таковые были присланы по адресу: С.-Петербург, Васильевский остров, Большой проспект, угол 9-ой линии, Зубная лечебница Вульф, зубному технику Быковскому, письма же «Вера» получает по адресу: Каменноостровский проспект, Инвалидный дом Павла I, кв. 13. Густаву Беренсон, передать Марусе *) (в письмах, предназначенных для «Веры», фамилия «Беренсон» подчеркивается извилистой линией).

20-го сего июля «Вера» опять посетила Кронштадт и в 2 час. 30 мин. дня была на собрании, бывшем на кладбище близ моря. На этом собрании было семь человек матросов—Супруник, 1-го флотского экипажа, Шульгин, 19-го флотск. экипажа, Курнев, 2-го флотского экипажа, Афанасий Черневич, Солдатов, 7-го флотского экипажа и еще двое, фамилии коих еще не выяснены. На собрании этом «Вера» много говорила матросам о царской власти и необходимости об'единения войск с народом, при чем подробно разобрали последние турецкие события.

27-го сего июля также состоялось собрание тех же матросов в лесу у кладбища, при чем на этом собрании кроме «Веры» был еще неизвестный под партийной кличкой «Владимир», который вместе с «Верой» выбыл в 7 час. 30 мин. вечера в С.-Петербург, где и был передан сопровождавшими филерами С.-Петербургскому охранному отделению.

---

*) Личная знакомая Судьбинина; очевидно, поэтому адрес был известен охранке.

В. В.

22-го сего июля состоялось собрание в С.-Петербурге в д. № 1, кв. 10, на углу Кременчугской и Тележной ул., при чем там были «Вера», Владимир, Илья, Петр, Сергей (хозяин квартиры) и представитель от меньшевиков «Овод» *).

Печать военной организации хранится в настоящее время у «Веры» и таковая запрятана в большом каблуке подержанного сапога **). Вера ожидает прибытия в Петербург из г. Вятки ее сообщника, служащего в Вятской уездной земской управе Никиту Александрова Ковязина ***).

За начальника отделения
помощник, ротмистр (подпись).

---

*) Представителя от меньшевиков никогда не бывало, да они бы и не пошли, так как в военной организации им делать было нечего. Романенко же работал персонально вне всякой связи его с меньшевиками. *В. В.*

**) Ничего подобного, конечно, не было. Очевидно Судьбинин, дававший сведения в охранку, хотел подсмеяться, а эти приняли всерьез. *В. В.*

***) Ковязин близкого отношения к организации не имел; возможно лишь, что с ним было послано какое-нибудь письмо. *В. В.*

НАЧАЛЬНИК
КРОНШТАДТСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
№ 909
14 июля 1908 г.
г. Кронштадт.

Приложение № 5

Секретно.

Особый отдел 18 июля 1908 г. Вх. № 20319.

Нач. Спб. района охр. отд., с просьбой возможно скорее ликвидировать «Веру» и ее организацию.

В дополнение к моей записке от 11-го сего июля за № 895 доношу, что по дополнительным агентурным сведениям моего помощника ротмистра Будогоского, «Вера» посетила Кронштадт 12-го сего июля, останавливалась у жены портного Мешко, проживающего по Павловской улице, дом Зайцева, кв. № 13, а затем ходила в госпитальный сад, где имела свидание с двумя матросами минного отряда и матросом Супруником. После этого свидания матрос Супруник прошел с «Верой» в Петровский парк, где «Вера» имела свидание с пятью матросами, коим она роздала «Солдатскую Газету» и брошюры «Конек Скакунок». Там же к «Вере» подошла портниха, проживающая по Красной улице, дом Ципленкова, кв. № 36, с коей «Вера» познакомила матросов. На квартире этой портнихи будут храниться нелегальные издания, и через посредство ее предположено вести переписку с матросами, с коими она будет встречаться в Петровском парке по вторникам и пятницам.

13-го сего июля «Вера» в 8 часов утра опять имела свидание с вышеупомянутыми матросами в Госпитальном парке и встретилась со своей подругой Марусей Беренсон, прибывшей в г. Кронштадт из Петербурга в 9 час. утра 13-го сего июля. На Марусю Беренсон

возложена установка связей с морской музыкантской командой, в отдельных квартирах каковых предложено вести кружковые занятия. Сходки решено устраивать в чайной, находящейся на углу Высокой и Александровской улиц, и на лодках в камышах близ бойни. Также решено поставить для нужд Кронштадтской военной организации два гектографа, а осенью предполагается с'езд в Финляндии, на который командируется от гор. Кронштадта матрос Супруник. «Вера» намерена в дальнейшем посещать Кронштадт в мужском костюме *), а 20-го сего июля при возвращении из г. Кронштадта захватить с собою матроса Супруника. «Вера» живет в Петербурге по подложному паспорту, она родом из гор. Томска, была в ссылке в Вятской губернии и в настоящее время находится в близких отношениях с депутатом Белоусовым **) и ею же установлены связи с Московским гвардейским пехотным полком, с военной лабораторией и отрядом новобранцев Балтийского флота, расположенным в Петербурге в Крюковских казармах. Там в отряде играет главную роль матрос Михаил Костин, сумевший войти в близкое доверие к своему начальству. 19-го сего июля «Вера» опять посетит Кронштадт.

Учрежденным наружным наблюдением все эти сведения подтвердились.

Полковник (подпись).

---

*) Ерунда, в мужских костюмах ни разу не фигурировала. *В. В.*

**) Белоусов—член фракции с.-д. Гос. Думы. Близкие отношения с ним заключались в том, что я занималась с его женой и старшей девочкой—за плату; о нашей организации он совершенно ничего не знал. *В. В.*

Приложение № 6

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ
16 июля 1903 г.
Исход. № В. 5464.

Н-КУ КРОНШТАДТСКОГО Ж. Д.

Вследствие сообщения от 11-го текущего июля за № 895 Д. П. просит В. В. по возможности ускорить разработку сведений о сорганизовывающейся в Кронштадте военной группе Рос. Соц.-Д. Р. партии, дабы в ближайшем времени ликвидировать этот преступный кружок, вместе с организатором такового «Верой» и вошедшими в него матросами.

Пом. зав. пол. (подпись).

(Особ. Отд. Деп. Пол. № 5, ч. 5, 1908 г.).

Секретно.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ
21 июля 1908 г.
Исх. № В. 5732.

Н-КУ С. П. Б. О. О. (ПО РАЙОНУ).

Препровождая при сем копии с сообщений н-ка Кронштадтского ж. д. от 11-го и 14-го текущего июля (за №№ 895 и 909), Д. П. просит В. П. принять меры к возможно скорейшей ликвидации организаторши военной группы Рос. С.-Д. Р. партии в г. Кронштадте «Веры» и ее связей.

Пом. зав.
пол. Климович.
ск. нач. отд. Павловский.

(Особ. Отд. Деп. Пол. № 5, ч. 5, 1908 г.).

НАЧАЛЬНИК
КРОНШТАДТСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
9 августа 1908 г.
№ 1004
г. Кронштадт.

Приложение № 7

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

В дополнение к моей записке от 30-го минувшего июля за № 965 доношу, что по агентурным сведениям моего помощника ротмистра Будогоского на собрании матросов в г. Кронштадте 27-го минувшего июля вместе с «Верой» (Екатерина Хрущова) был Андрей Серкке, проживающий в С.-Петербурге по Тепловецкой улице, дом № 14, кв. № 3. У этого Серкке находится склад нелегальной литературы Петербургской военной организации социал-демократической партии.

Печатанием прокламаций занимается бывший реалист Владимир Оборин, проживающий во втором доме с угла Калашниковского проспекта и Калашниковской набережной, квартира № 32. У этого Оборина в настоящее время находятся три гектографа. До настоящего времени сухопутные части кронштадтского гарнизона не вошли членами в военную организацию, но для установки связей в этих частях будет командирован из С.-Петербурга Петр Миколюкас (высокий, блондин).

На одном из собраний в присутствии секретаря исполнительной комиссии петербургского комитета социал-демократической рабочей партии «Люси» *) (среднего роста, блондинка, лет 30) «Вера», между прочим, высказалась, что по имеющимся у нее сведениям не составляет никакого труда произвести экспроприацию

*) Агент охранки. *В. В.*

в кронштадтском Николаевском морском госпитале, где в денежном ящике хранится почти без всякой охраны около 60 тысяч рублей *). «Вера» решила переменить квартиру и с этою целью уже раздобыла новый паспорт за № 522 на имя крестьянки Вятской губернии и уезда, Куликовской волости, дер. Спасской, Марии Титовой Головиной. 5-го сего августа состоялось в С.-Петербурге собрание большевиков явки, на котором была «Вера», в Таврическом саду. Там же передала она черновик воззвания с заголовком «Письма рабочих к солдатам и матросам», имеющий пометку: «Военная С.-Петербургская Организация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», который секретарь исполнительной комиссии «Люся» представит на утверждение в комитет. На этих днях воззвание это будет уже выпущено, и оно заканчивается возгласом: «Да здравствует же смелая борьба за уничтожение царского самодержавия. Да здравствует единение в этой борьбе войск с рабочим классом под его красным знаменем революции». На будущей неделе решено выпустить социал-демократической партией воззвание: «Не могу молчать».

По тем же агентурным сведениям 6-го сего августа приезжал в гор. Кронштадт техник Иван Миронов, проживающий в С.-Петербурге, угол Мариинской и Мало-Охтенского проспекта, кв. № 3, который виделся с матросом Супруником и оставил на квартире неизвестного рабочего (бывший матрос), проживающего по Чеботаревской улице, дом № 15, сто экземпляров воззваний издания Российской социал - демократической рабочей партии—«Товарищи». Воззвание это имеет пометку «26 июля 1908 г.» и начинается словами «26 июня, по царскому указу, раз'ехалась на отдых

*) Экспроприации денег производить мы не собирались, но тут же, где хранились деньги, но в другом столе, хранился и план военной крепости Кронштадта, который мы собирались похитить, но об этом я наверно Люси умолчала, так как она у меня уже в тот момент вызывала подозрения. *В. В.*

3 Государственная Дума. Что же сделала она за 9 месяцев своего существования», а заканчивается возгласом — «Товарищи! Используем же время перерыва деятельности Думы, чтобы нагнать упущенное и войти в курс думских дел, чтобы с осени рука об руку с нашими депутатами вести борьбу рабочего класса в Думе и вне ее. Иначе, не чувствуя над своими головами угрозы, Дума попрежнему, прикрываясь кровавой пеленой «законности» и «конституции», будет и впредь проводить законы для порабощения народа и рабочего класса». С.-Петербургская военная организация предполагает поставить большой склад нелегальной литературы в казармах Московского гвардейского полка *).

За последнее время офицеры местной артиллерии стали получать письма из С.-Петербурга с призывом взять пример с Турции и стать во главе восстания с целью ниспровержения существующего государственного строя.

Району сообщено.

Приложение: один экземпляр вышеупомянутого воззвания.

Полковник (подпись).

(Дело Деп. Пол. Особ. Отд. № 5, ч. 51. т. 2, 1908 г.).

*) Думаю, что это выдумки охранки. *В. В.*

НАЧАЛЬНИК
КРОНШТАДТСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
17 августа 1908 г.
№ 1050
г. Кронштадт.

Приложение № 8

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

В дополнение к записке моей от 9-го сего августа за № 1004 доношу, что по агентурным сведениям моего помощника ротмистра Будогоского 10-го сего августа приезжал из С.-Петербурга в г. Кронштадт техник Иван Миронов с девицею Андреевой, кои и установили связь с кронштадтской минной ротой, при чем были переданы им минеру Андрееву для распространения между нижними чинами прилагаемые при сем брошюры: «Регулярная армия или народная милиция» и «Что делала трудовая группа в третьей Государственной Думе». Сего же числа «Верою» доставлены в г. Кронштадт и розданы матросам и минерам около двухсот воззваний издания военной организации С.-Петербургской организации Российской социал-демократической рабочей партии, с заголовком «Письмо рабочих к матросам и солдатам», о предполагаемом выпуске коих мною было донесено 9-го сего августа за № 1004.

По тем же агентурным сведениям в г. С.-Петербурге на этих днях выпущены печатные воззвания издания Российской социал-демократической рабочей партии с заголовком «Ко всем рабочим городских железных дорог», два экземпляра коих при сем прилагаю.

19-го сего августа в 9 часов утра в С.-Петербурге по Варваринской улице, дом № 85, кв. № 32, у «Але-

ксандра» состоится собрание представителей военной организации, коих на заседании будет около десяти человек.

Приложение: по одному экземпляру вышеупомянутых брошюр и по два экземпляра воззваний: «Письмо рабочих к матросам и солдатам» и «Ко всем рабочим городских железных дорог».

Району сообщено.

Полковник (подпись).

(Дел. Деп. Пол. Особ. Отд. № 5, ч. 51, т. 2).

Приложение № 9

НАЧАЛЬНИКУ Спб. ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ.

В д-т полиции поступило донесение н-ка Кронштадтского жандармского управления от 9-го августа за № 1004, содержащее в себе дальнейшия добытые наблюдением сведения о преступной деятельности известной вашему превосходительству «Веры» (Екатерина Хрущова), которая, между прочим, по данным означенного донесения на одном из бывших в Кронштадте собраний матросов сообщила, что в кронштадтском Николаевском морском госпитале хранится в денежном ящике почти около 60 тысяч рублей без всякой охраны, вследствие чего представляется возможным совершить в названном госпитале экспроприацию без всякого труда *).

В виду изложенных сведений, сообщенных в подробностях вам непосредственно н-ком кронштадтского жанд. управл., д. п. просит в. п-ство уведомить, когда именно предполагается ликвидация помянутой «Веры» и ее связи, присовокупляя, что ликвидация эта представляется настоятельно необходимой в возможно ближайшем будущем для предотвращения задуманной, повидимому, «Верой» и ее сообщниками экспроприации, а также и пресечения вообще весьма серьезной преступной деятельности названной личности, являющейся организаторшей военной группы **) Р. С.-Д. Р. партии в Кронщтадте.

(Дело Деп. Пол. Особ. Отд. № 5, ч. 51, т. 2, 1908 г.).

---

*) Фантазия охранки—экспроприациями мы не собирались заниматься. *В. В.*

**) Эту ликвидацию и хотел произвести видимо Судьбинин, когда, случайно попав на матросское собрание в середине сентября, бросился по кустикам к городу, очевидно в полицию. Как я писала, эта его попытка кончилась тем, что матросы его поймали и надавали плюх. *В. В.*

НАЧАЛЬНИК
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
РАЙОННОГО ОХРАН.
ОТДЕЛЕНИЯ.

Совершенно секретно.

Г. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

Сего числа за № 711 мною предложено начальнику кронштадтского жандармского управления произвести ликвидацию кронштадтской военной организации Р. С.-Д. Р. П. Для обеспечения лучшего успеха рекомендовано ликвидировать арестом первой предстоящей сходки всех ее членов во главе с организаторшей «Верой». Связи Веры по городу С.-Петербургу, не касающиеся г. Кронштадта, будут по выяснении ликвидированы при общей ликвидации по первому.

Об изложенном доношу вашему превосходительству.

Генерал-майор (подпись).

20 августа 1908 г.
№ 714.

(Дел. Деп. Пол. № 5, ч. 51, т. 2, 1908 г. Особ. Отд.).

НАЧАЛЬНИК
КРОНШТАДТСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
14 сентября 1908 г.
№ 1143
г. Кронштадт

Приложение № 10

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

В дополнение к записке моей от 17-го минувшего августа за № 1050 доношу, что по агентурным сведениям моего помощника Ротмистра Будогоского, 23-го минувшего августа приезжали из С.-Петербурга в г. Кронштадт известная «Вера» и «Петр»» (среднего роста, широкоплечий, сутулый с небольшими усиками, в черных брюках и белых ботинках) и виделись у морского госпиталя с матросами. 24-го августа утром приезжала в Кронштадт Андреева, которая вместе с «Верой» и «Петром» ходили в Минную роту. В этот день состоялось избрание кронштадтского комитета военной организации, в который вошли матросы Супруник и Черневич и минер Андреев. Местом свидания с членами комитета избрана квартира № 31, в доме Ципленкова № 13, по Красной улице, и 7-го сего сентября «Вера» там имела свидание с матросами.

«Вера» начинает устанавливать связи в г. Кронштадте с рабочими Борисом и Евстафием Мартыновыми, Николаем Рондаренок, Сергеем Федоровым и Моисеем Вавилонским, в квартирах коих и решено поставить гектографы.

14-го сего сентября ожидается приезд «Веры» и таковая пройдет к Борису Мартынову, проживающему в доме Ципленкова по Красной улице. На следующей неделе будет выпущено военной организацией новая

прокламация, в коей говорится по поводу убийства в г. Риге драгунским офицером матроса *).

Кронштадтским комитетом также составлена прокламация, и таковая будет передана сего числа «Вере». Вполне установлено, что прокламации печатаются секретарем военной организации «Сергеем», проживающим в С.-Петербурге на углу Кременчугской и Тележной улиц, д. № 1, кв. 10 **). Сама типография принадлежит меньшевикам и находится на Васильевском острове в двух квартирах—в одной станок, а в другой шрифт с кассою. 13-го сего сентября в 8 часов вечера «Сергей» отвозил в указанную типографию стопу бумаги и печатал там вторую половину газеты «Голос Трамвайщика». Шрифт на этих днях будет перевезен на новую квартиру за Невской заставой. В типографии этой работает по вечерам «Сергей», а днем неизвестный.

21-го сего сентября «Вера» и Андрей Серкке намерены в г. Кронштадте устроить на военном кладбище массовку членов военной организации, а потому в указанный день предположено ликвидировать кронштадтскую военную организацию, не трогая членов таковой, проживающих в г. С.-Петербурге и переданных с.-петербургскому охранному отделению, исключая, конечно, «Веры» и Серкке.

Представляю при сем добытый агентурным путем отчет С.-Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии за время с 15-го мая по 15-е августа сего года.

Району донесено.

Полковник (подпись).

(Дело Деп. Пол. Отд. № 5, ч. 51, т. 2, 1908 г.).

---

*) Такая прокламация действительно была выпущена, текст ее прилагаю. *В. В.*

**) Ни одна прокламация военной организации у Романенко не печаталась, прокламации печатались тов. Обориным. *В. В.*

ПОМОЩНИК
КРОНШТАДТСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
в г. Кронштадте.
1 ноября 1908 г.
№ 319
г. Кронштадт.

Приложение № 11.

Секретно.

НАЧАЛЬНИКУ КРОНШТАДТСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

По полученным мною агентурным сведениям «Вера» (Екатерина Михайловна Хрущова), стоящая во главе Спб. военной организации социал-демократической партии, послала 28-го сего октября из г. Кронштадта письмо своей сестре по адресу: «Томск, его высокоблагородию лаборанту Технологического Института Василию Михайловичу Хрущову для Ольги Николаевны.

Письмо это следующего содержания: «Милая Оля. Прости, что пишу такое письмо на твой адрес, но не знаю адреса для Люлюшки, и потому, пожалуйста, передай ей, только маме не показывай, чтоб не волновать ее даром. А пока целую Надечку и тебя с Васей».

«Здравствуй, друг Люлюшенция! Наконец-то получила от тебя весточку и, конечно, первым долгом выругала. Пишешь ты: «отчего, дескать, не отвечаешь, отвечай и т. д.», но спрашивается, как же я тебе буду писать, не зная никакого адреса, а писать через маму, это—для тебя ничего интересного не написать. Ой, Люлю, Люлю, какой же Питер большой город! Каких-то в нем людей нет, как в кунтскамере, и народ иногда такой попадается, что и подумать-то не знаешь что. На одну щеку посмотришь, так такой хороший, что у нас там и нет таких, а на другую взглянешь, то ежели начать плеваться с рождества, то до масленицы не кончишь. Ну, буду писать по-хорошему. Во-первых, Люлю, жалко, что тебя

здесь нет, посмотрела бы ты здешних рабочих, какая славная публика, никогда интеллигентную маску не сравнишь с рабочей, а здесь их десятки тысяч.

Питерского рабочего, как товарища, можно любить, славная есть публика. Ну, а что касается интеллигенции, то она является сочувствующей, трусливой массой—и «только», а активно работает человек двадцать на Питер, а если это сравнить с Томской территорией, то на Томск бы пришлось $^1/_{10}$ человека, да и то 15 из них, это—секретарши.

Вот публика-то, Люлюшка, только руками иной раз разведешь. Хороша Параша, лучше нет—глядь, а она сидит перед зеркалами, завитушки час поправляет, да другой час корсет напяливает. Есть тут городской комитет, он весь из рабочих, собирается раз в 2—3 месяца, а практическую ежедневную работу ведет за него «исполнительная комиссия»—«небесная канцелярия», как я ее называю. Состоит она из 5 человек—4 интеллиг. и один рабочий, публика, «увы», не аховая. Входила и я в нее один месяц, но потом, когда начала «моя», в Томском смысле, жизнь оживляться *), то из нее ушла. Пришлось мне, Люлю, все сначала составлять, и теперь дела довольно славно поставлены; есть отделения в прилежащих городах... Больше распространяться не буду, скажу только, что воюем с «небесной канцелярией», тормозят нам они, стрекулисты, дело.

Я теперь не одна, нас порядочно, и народ все славный, так, что перцу задаем-таки. Материально я живу ничего, и в доказательство чего шлю тебе 7-коп. марку. На счет Леонь **) устрою и ее, постараюсь схамкать; славная, кажется, девчина. Сергей ***) сидит, бедняга, и только ему нужны калоши, и я ему их обещала прислать, но денег не хватает, и мне стыдно ему писать, и вот уже

---

*) Оживляться работа военной организации. *В. В.*

**) Леонович. *В. В.*

***) Федор Насимович. *В. В.*

две недели ничего ему не писала, но во вторник может удастся, то пошлю ему и калоши, и письмо, а до этих пор мы были в самой регулярной переписке. Бедствует, Люлюшка, публика здесь так, что беда. А мне судьба-«проказница» пока покровительствует—только вот купила туфли, а они стоптались, а по всем статьям хорошо.

Был здесь папаша и ко мне относился очень хорошо. Ей-богу, Люлю, славный старик, раньше был превредный человек, а теперь уж не человек, а старик, жалко его, Люлюшка, сходи к нему. Итак, сходи, Люлю!

Письмо разорви мое; вообще, пожалуйста, будь осторожнее».

Упомянутая «Вера» в текущем месяце посетила гор. Кронштадт один раз *) и виделась лишь с отдельными матросами, членами кронштадтского комитета, но предполагаемое собрание ей не удалось, так как матросы за последнее время стали заметно уклоняться даже от общения с «Верою» и, видимо, чем-то встревожены, о чем «Вера» даже докладывала исполнительной комиссии. Свою конспиративную квартиру кронштадтская организация перенесла на Наличную улицу, дом № 3, к Федору Сычеву.

12-го сего октября Кронштадт посетил известный «Карлушка» (живет в г. С.-Петербурге, по Порховской улице, дом № 16, кв. 2), принимавший участие в нескольких экспроприациях, который и имел свидание с некоторыми матросами кронштадтской военной организации.

Склад нелегальной литературы петербургской военной организации в настоящее время перенесен на 4-ю Рождественскую, дом № 17, кв. 21.

---

*) Как подтверждает и мое письмо, дела военной организации в этот момент вовсе не были плохи, а просто охранка не имела хороших осведомителей, так как Судьбинин в этот момент уже нам был известен, как провокатор, а кое-кому из других мы нарочно врали. *В. В.*

По тем же агентурным сведениям, в г. Ораниенбауме образовался подрайон С.-Петербургской военной организации социал-демократической партии, представителем коего избран на собрании, состоявшемся 19-го сего октября по Нижней улице, в доме Кулакова, живописец Захарий Молодцов, в квартире коего и бывают собрания Ораниенбаумского подрайона. На одном из этих последних собраний «Верою» был поднят вопрос об оказании содействия Кронштадту в деле транспортировки нелегальной литературы, при чем тогда же было решено, в виду особых строгостей в г. Кронштадте, доставлять зимою литературу на буере «Идея».

25-го сего октября, в 4 часа дня, в г. С.-Петербурге, на Симбирской улице, дом № 13—11, кв. 56 состоялось общее собрание С.-Петербургской военной организации, на коем между прочим были: Сергей (секретарь), «Вера», Андрей, Петр, Молодцов и Фома.

На собрании этом обсуждались следующие вопросы:

1) О введении в исполнительную комиссию трех новых членов (один из Ораниенбаума, другой—солдат Новочеркасского полка и третий—«Сизый», он же Карлушка).

2) Отчет за октябрь.

3) Отчет из мест.

4) О выпуске новых прокламаций для новобранцев.

5) О балканских событиях.

6) Квартирный вопрос.

7) О связях с Петербургским комитетом.

8) О кружковых занятиях.

9) О деятельности Государственной Думы.

По полученным же мною агентурным сведениям из другого источника (упоминаемый вспомогательный сотрудник также из числа забракованных Ротмистром Гавриловым), в г. Ораниенбауме, видимо, ставится типография, так как упоминаемый сотрудник, находясь 21-го сего октября в г. Ораниенбауме у своего знакомого

«Николая» (сын дворника), проживающего по Илимовской ул., в доме Морозова, видел у него в квартире около трех пудов типографского шрифта и литературу социал-демократической партии, при чем названный сотрудник в подтверждение изложенного доставил мне около фунта указанного шрифта. По словам Николая, шрифт этот доставлен в Ораниенбаум из С.-Петербурга после бывших там обысков.

Так как Ораниенбаум находится вне моего района, то сведения по Ораниенбауму мною не разрабатываются.

О чем доношу вашему высокоблагородию.

Ротмистр (подпись).

(Дело Деп. Пол. Особ. Отд. № 5, ч. 51, т. 2, 1908 г.).

ПОМ. НАЧАЛЬНИКА
КРОНШТАДТСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
в г. Кронштадте
4 ноября 1908 г.
№ 337
г. Кронштадт.

Приложение № 12.

Секретно.

НАЧАЛЬНИКУ КРОНШТАДТСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

По имеющимся у меня агентурным сведениям, 1-го сего ноября в С.-Петербурге состоялось собрание литературной группы при петербургской военной организации, при чем на этом собрании вынесена следующая резолюция: «Военная организация и литературная группа при военной организации предлагает петербургскому комитету ввести в свой состав представителя литературной группы для координирования литературной деятельности группы общим направлением петерб. ком.».

На этом же собрании литературная группа составила для напечатания воззвание для кронштадтской и ораниенбаумской военных организаций. Воззвание это начинается следующими словами: «Товарищи солдаты. Вы заперты в душной казарме вдали от живого мира, и изо дня в день, как каторжников, вас муштруют, оскорбляют и стараются вытравить из вас все живое и доброе. Уродуют так солдат для того, чтобы из отзывчивых сынов народа превратить в слепое и бессмысленное орудие, которое изредка истребляло бы врагов внешних ради торгашеских и эксплоататорских происков кучки хамов — дворян и буржуев; но еще чаще солдаты нужны правительству для расстреливания «врагов внутренних», то-есть ваших же изголодавшихся отцов и братьев, встающих на борьбу с помещиками за «землю и волю». Воззвание это заканчивается следующим призывом: «Пусть

же наши враги ошибутся в своих расчетах, пусть ваши солдатские штыки примкнут к народу и вместе с ним обратятся против его врагов. Вы—дети народа, братья забитого, униженного крестьянства, вы—братья рабочего и знаете весь ужас бесправного положения рабочих, подавленных нищетой. Ни на минуту не должны вы забывать, что вы пришли из русских деревень и городов, где идет непримиримая, неустанная, жестокая борьба на жизнь и смерть между вашими отцами, братьями, товарищами и между их насильниками—помещиками и фабрикантами, идущими под защитой царского самодержавия.

Необходимо и вам, солдатам, сплотиться теснее между собою и в нужный моемнт дружно встать в наши ряды, в ряды борющихся за свое счастье крестьян и рабочих. Будьте готовы к великому моменту решительной борьбы за народное самоосвобождение от цепей полицейского самодержавия и от кабалы богачей-кулаков. Если весь трудящийся русский народ, крестьянство, рабочий класс и вы, солдаты,—все мы сольемся в единую боевую рать, то против нашего дружного натиска не устоит никакая вражеская сила. Мы, рабочие-социалисты, об'единенные в социал-демократическую партию, зовем вас, товарищи солдаты, подать нам свою братскую руку. Мы зовем вас к об'единению между собою в боевые военные союзы для совместной борьбы: за свержение народного рабства, за замену его свободным всенародным самодержавием, за народную республику. За всю землю и всю волю для трудящихся. За уничтожение постоянной армии, за народную милицию, пригодную для защиты народа».

Воззвание это предположено напечатать в Петербурге в одной из легальных типографий, с коей имеет сношение секретарь организации «Сергей», проживающий в С.-Петербурге на углу Кременчугской и Тележной, дом № 1, кв. № 10.

2-го сего ноября «Вера» (Екатерина Хрущова) опять посетила Кронштадт и привезла с собой неболь-

шое количество брошюр: «Регулярная армия или народная милиция» и печатное воззвание, издание С.-Петербургского комитета российской социал-демократической рабочей партии, начинающееся словами: «Уже три года отделяют нас от славных октябрьских дней 1905 года». Брошюры эти и воззвания «Вера» передала братьям Борису и Евстафию Мартыновым, каковые в свою очередь должны их раздать: брошюры воинским чинам, а воззвания рабочим. На этих же Мартыновых и Сергея Федорова возложено «Верою» приискать удобную квартиру для сходок.

О чем доношу вашему высокоблагородию.

Приложение: Три экземпляра упомянутого воззвания.

Подписал: Ротмистр Будаговский.

(Дело Деп. Пол. Особ. Отд. № 5, ч. 51, т. 2, 1908 г.

НАЧАЛЬНИКУ СПБ. ОХРАН. ОТДЕЛЕНИЯ.

Д-т полиции просит ваше прев-ство уведомить о принятых мерах по поводу сообщенных вам нач-ком кронштадтского жандармского управления за № 1366 сведений относительно состоявшегося в С.-Петербурге 1 сего ноября собрания литературной группы при петербургской военной организации, а также посещения города Кронштадта 2-го сего ноября известной революционеркой «Верой».

Под. Завед. полк. Климович.

Скр. Помощ. Курочкин.

(Дело Деп. Пол. Особ. Отд. № 5, ч. 51, т. 2, 1908 г.).

Приложение № 14.

СВОДКА
агентурных сведений за декабрь 1908 г. по Кронштадту.

От сотрудника «Ильина».

Организаторша «Вера» написала письмо Федорову, что в виду провала квартиры в С.-Петербурге она на время прекращает деятельность и будет расследовать, кто виновник провала. До получения же от нее известий работу прекратить, ей не писать и не ездить.

До сего времени никакой работы не было. «Вера» ничего не писала и как в воду канула. Федоров сердится и говорит, что он найдет и другого организатора, еще лучше «Веры». В Кронштадте найдена уже квартира для собраний по Викторовской улице, д. Полетаева, за 10 р. в месяц. Там живет какой-то «Васька Козырь».

Федоров виделся где-то с ораниенбаумскими работниками—и у них работа стала, и о «Вере» ничего неизвестно *).

За Начальника Отделения
Помощник Ротмистр (подпись).

---

*) Думаю, что этот момент организации относится к тому времени, когда мы, разоблачив Судьбинина, избегали встреч с товарищами, которые хорошо были знакомы с Судьбининым и на квартиру которых опасно было ходить. Очевидно, такой „изоляции“ и подвергся тов. Федоров, а также и кронштадтский агент охранки „Ильин“, настоящую фамилию которого мне выяснить пока не удалось. Не исключено, что т. Федоров, через которого „Ильин“, видимо, получал (выспрашивая у него) сведения о нашей военке, по какой-либо причине начал подозревать „Ильина“ в провокации и конспирировать от него. Поэтому и донесения „Ильина“ в охранку так „скудны“ и пессимистичны. *В. В.*

СВОДКА

Спб. охранного отделения за декабрь 1908 г. Воен. организации.

От сотрудника № 2 *).

Из Кронштадта приехал Сергей Борисович «по делам военной организации и будет на явке у швейцара, Загородный, № 9. Фома Иванович».

Приехал Молодцев из Ораниенбаума.

От сотрудника № 2.

Фризов переулок, д. № 8, живет сиделка «Дарья», у нее бывают солдаты Московского полка, туда же приходит «Вера». Завтра у «Дарьи» будет «Вера» и, вероятно, несколько солдат.

Савченко Ефим Федоров, рядовой склада огнестрельных припасов, виделся вчера с «Верой» у «Дарьи».

От сотрудника № 6.

Моторный имеет связь с пограничной стражей.

---

*) Кто из провокаторов скрывается под псевдонимом „Сотрудник № 2" я еще не знаю, но полагаю, судя по той ограниченной сфере, о которой он говорит в своих донесениях, что это „Александр Сизов", „Сизый", „Карлушка"—все это клички одного лица, который по рекомендации выборгских рабочих (большевиков) был принят в военку и в конце октября был введен членом в ее исполнительную комиссию. Но в декабре он себя уже провалил. Охтенские рабочие сообщили, что получили сведения, что он служит в охранке. Я была у него нарочно раза два на квартире, чтобы выяснить обстановку его жизни. Действительно, он нигде не работал, жил хорошо. По его словам, он жил на деньги, которые получал от организации за экспроприацию. Но его странная психология упадочника и то, что он даже не скрывал, что он иногда пьянствует, а также сообщения охтенских рабочих заставили меня, с согласия других товарищей, принять меры к его изоляции. В январе постепенно мы от него отделались. *В. В.*

От сотрудника № 2.

«Вера» живет—Английский проспект, д. № 30—11 по паспорту Степаниды Екимовны Катаевой. Военная организация временно приостановила работу, из боязни, что сбежавший из Кронштадта «Фома» выдаст всю организацию. Он увез с собой 30 рублей партийных денег.

Из Гродно на днях должен приехать дезертир, бежавший в первый день рождества.

Начальник Отделения
Генерал-Майор (подпись).

(Дело Деп. Пол. № 5, ч. 51, О. О. 1908 г.).

СВОДКА

агентурных сведений С.-Петерб. охран. отд. воен. организ. по партии социал-демократов за январь 1909 г. *).

От сотрудника № 2.

12-го числа будет собрание военной организации в Петропавловской больнице—будет новая работница Соня Брезгольд, живет на Васильевском острове, по Среднему проспекту, 28, кв. 60, кроме нее будут: «Вера» Чистяков и, может быть, организатор из Ораниенбаума.

Брезгольд будто бы имеет связи с какими-то нижними чинами в Царском Селе, с каким-то вольноопределяющимся Александром Александровичем, который бывает у нее.

В воскресенье, в 5 часов вечера, по Среднему проспекту Малой Охты у Ивана Миронова будет сходка военной организации, обещали прийти два солдата Новочеркасского полка, Сборная улица, д. № 19.

В воскресенье Чистяков едет в Ораниенбаум к Молодцову на Гурдину улицу, д. № 1—1.

Связи с Преображенским полком обещал дать Петр Антонов, проживающий—Васильевский остров, 18-я линия, дом № 23—3.

---

*) Последнее донесение спб. охранного отделения о военной организации, которое имеется в делах департамента полиции за 1909 год.

В. В.

Общее собрание военной организации будет в будущее воскресенье на Варваринской, д. № 8-б (было перенесено на Симбирскую улицу, дом № 11).

Кукушкин Иван имеет будто бы связь с Преображенским и Финляндским полками.

Завтра от 11½—12 часов дня у Кукушкина (Васильевский остров, 18-я линия, дом № 23) будет «Дмитрий».

(Дело Деп. Пол. № 1, ч. 71, 1909 г.).

Приложение № 16.

Начальник Отделения
по охранению порядка и
обществен. безопасности
в С.-Петербурге.

Секретно.

Вследствие предложения от 16-го сего октября за № 137513, доношу департаменту полиции, что упоминаемый в предложении дворянин **Судьбинин** Александр состоял сотрудником у бывшего помощника начальника кронштадтского жандармского управления по гор. Кронштадту, ротмистра **Будаговского**, гд и был несколько провален.

В прошлом году Судьбинин состоял казначеем в нарождавшейся в Петербурге военной организации при петербургском комитете С.-Д. Р. П., оказывал некоторые услуги и вверенному ему отделению.

Уезжая в гор. Калугу, ротмистр Будаговский взял с собою и Судьбинина, который к этому времени присвоил себе кассу организации (состоящую из 30 рублей) и, не взяв явок в Калугу, еще более усилил против себя подозрение, вследствие чего организация тогда же решила проверить деятельность Судьбинина.

И. д. начальника отделения

Полковник (подпись).

НАЧАЛЬНИК
КРОНШТАДТСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
19 ноября 1909 г.
№ 19
г. Кронштадт.
По 1-му Отделению.

Срочно.
Лично.
Доверительно.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ СЕРГЕЙ ЕВЛАМПИЕВИЧ.

Вследствие письма вашего от 14-го сего ноября за № 139001, имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что упоминаемый в нем дворянин Александр Семенов Судьбинин был принят в качестве секретного сотрудника бывшим помощником моим по городу Кронштадту, ротмистром Будаговским, по рекомендации покойного подполковника Садовского, в сентябре месяце 1907 года, и за все время пребывания названного помощника в городе Кронштадте до от'езда его в ноябре минувшего 1908 г. в г. Калугу давал сведения по бывшей кронштадтской военной организации Российской социал-демократической рабочей партии.

По от'езде же ротмистра Будаговского в гор. Калугу Судьбинин из Кронштадта исчез и появился, как это видно из запроса о нем начальника калужского губернского жандармского управления от 14-го февраля 1909 г. за № 6, в г. Калуге, где и состоял на службе по июнь месяц текущего года, когда он вновь прибыл в Кронштадт и был принят на службу бывшим в то время помощником моим по городу, подполковником Мазуриным, а затем передан настоящему помощнику ротмистру Влади-

мирову, каковую и нес до принятия его на военную службу, продолжая давать сведения по помянутой выше бывшей кронштадтской военной организации российской социал-демократической рабочей партии, с бывшими членами коей он продолжал видеться, что подтверждалось и наружным наблюдением и перекрестной агентурой, и часто у некоторых из них ночевал.

Таким образом подозрения в провале его до сего времени не имело достаточного основания.

В начале августа месяца мною было получено из С.-Петербургского охранного отделения сведение, что Судьбинин себя скомпрометировал в С.-Петербурге, и его считают провокатором, но, как упомянуто выше, сведения эти по Кронштадту не имели значения.

По об'яснению же самого Судьбинина, в ноябре месяце минувшего 1908 года в С.-Петербурге состоялась частичная ликвидация российской социал-демократической рабочей партии, когда была взята типография, находившаяся у секретаря Сергея (кличка—Иван), совпавшая как раз с от'ездом его в г. Калугу, при чем он, Судьбинин, увез с собою около 30 рублей партийных денег, так как сам состоял в то время помощником секретаря охтенского подрайона и петербургской военной организации российской соц.-демократ. рабочей партии, что и могло зародить подозрение его в провокаторстве. По возвращении же его в Петербург он об'яснил в партии свой от'езд необходимостью скрыться и сдал отчет в увезенных им деньгах и, по его словам, окончательно реабилитировал себя *). Обвиняли же его в провокаторстве некая Маруся Беренсон и Вера Хрущова (кличка—«Быстрая») **), а также Никифор и Сергей

---

*) В это время я уже сидела в тюрьме. *В. В.*

**) Вера Хрущова—это *я*: здесь партийное имя примешано к легальной фамилии. „Быстрая"—эту кличку, судя по охранным документам, дали мне шпики, от которых я довольно удачно удирала. *В. В.*

Колынины, Сергей, бывший секретарь, и Стенин, которые, возможно, что в его отсутствие и послали в центральный комитет известие об его провокаторстве. Лица эти, кроме Веры Хрущовой, фигурировали при ликвидации «кронштадтского организационного комитета» в 1906 году *), при чем в этой группе Александр Судьбинин участвовал под кличкой «Каракозов», во время же состояния его сотрудником по Кронштадту он этой клички не носил, а был известен под кличками «Шурка» и «Гимназист».

В виду изложенного, полагая, что сообщение в редакцию «Голос С.-Д.» является запоздалым и до некоторой степени раз'ясненным, нахожу возможным оставление Судьбинина в Кронштадте.

Пользуясь случаем выразить вам, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и глубокой преданности. (Подпись).

---

*) Эта ликвидация кончилась казнью нескольких товарищей, в том числе одной девицы. Маруся Беренсон и другие кронштадтские рабочие большевики говорили мне, что провалил эту военку также Судьбинин.

В. В.

ДИРЕКТОР
ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦИИ.

Приложение № 17.

Лично. Доверительно.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ БАРОНУ А. Ф. ФОН-ДЕН-БРИНКИНУ.

Милостивый государь Александр Федорович. По имеющимся в департаменте полиции сведениям, в настоящее время в 87-й Нейшлотский пехотный полк принят на службу новобранец Александр Семенов Судьбинин, ранее оказывавший услуги делу политического розыска.

В виду сего имею честь просить ваше превосходительство, не представится ли возможным сделать распоряжение в целях политического розыска о переводе названного Судьбинина в минную или саперную роту или в крепостную артиллерию, квартирующих постоянно в Кронштадте.

О последующем покорнейше прошу ваше превосходительство не оставить меня уведомить.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

(Секр. Дело Деп. Пол. № 377 за 1909 год).

НАЧАЛЬНИК
КРОНШТАДТСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
7 апреля 1910 г.
№ 322-б.
г. Кронштадт.

Приложение № 18).*

Секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

По № 108862 доношу департаменту полиции, что наблюдение за Звирбулем и Сычевым ведется столь продолжительное время по той причине, что первый, по отмеченным в 1908 году агентурным сведениям, являлся серьезным лицом, принимавшим участие в кронштадтском восстании в 1906 году, а в 1908 году он же состоял членом местной, образовавшейся из матросов 7 флотского экипажа организации партии социалистов-революционеров, которая однако не успела еще проявить каких-либо активных действий, в виду того, что члены ее частью выбыли в плаванье, а частью были уволены в запас, почему и самая организация распалась, и Звирбуль не был подвергнут обыску. Второй— Сычев Федор, по тем же сведениям состоял членом кронштадтской военной организации социал-демократической рабочей партии, существовавшей с июля 1908 года. Эта последняя организация также в 1908 году распалась вследствие того, что организаторша Хрущова, Екатерина Михайлова, партийн. кличка—«Вера», филерская—«Быстрая», после неудавшейся 29 ноября 1908 года в С.-Петербурге сходки скрылась и в Крон-

*) Эту бумагу кронш. жанд. упр. я привожу, как показание, что после разоблачения Судьбинина и др. жандармы не знали уже о работе военки, которая продолжалась вплоть до моего ареста в мае 1909 г. и имела самую тесную связь с Кронштадтом. *В. В.*

штадт более не прибывала, почему деятельность членов организации сразу приостановилась, почему арест Сычева и других не имел бы никаких результатов.

Деятельность Звирбуля и Сычева с конца 1909 года вновь начала проявляться, и в данное время их посещают наблюдаемые, которые в минувшем марте месяце у Сычева же устроили два небольших собрания. На этих собраниях говорили о возможности в настоящее время начала партийной работы, о доставке литературы и о текущих событиях в среде нижних чинов 87 пехотного Нейшлотского полка*) и флотских частей Кронштадта.

Полковник (подпись).

*) Донос об этих собраниях, видимо, делал Судьбинин, служивший в Нейшлотском полку. *В. В.*

Приложение № 19.

Копия письма, полученного агентурным путем и адресованного из г. Сретенска в г. Томск, Еланская улица, д. № 7, кв. 2, Екатерине Михайловне Хрущовой от 4-го октября 1911 года, за подписью «Ваш Володя».

Дорогая Катюша! 31-го я получил от вас письмо. Оно, становясь на теоретическую точку зрения, выводит то, что вам нельзя ехать в Сретенск. Я пока это оставлю в стороне и поговорю о некоторой части канвы вашего письма. Там стоит так: если преданность определенным идеям и группам населения, то обязательно местом жительства должен быть промышленный центр. Если не промышленный центр, то можно сомневаться в первом и получить неразрешимые противоречия. Если я (Катя) поеду в Сретенск, то это почти измена тому, с чем уже крепко связана моя жизнь. Володя не господин своих поступков, ибо молчит, когда ему говорят о переселении в Москву (я не могу еще сомневаться в его веровании) и т. д. Вопросы, правда, еще стоят не так резко, но это благодаря тому, что, с одной стороны, они прячутся в побочные рассуждения, а иногда имеют только тенденции в эту сторону и часто не полностью договоренные. Лично о себе я не говорю здесь, только хочу сказать, что ни на принципиальную, ни на теоретическую точку в этом вопросе нам нельзя становиться. Да и правда... Здесь приходилось бы доказывать, что «Москва нуждается в «работниках» больше, чем «Кокуй», ибо, «взявши (захвативши) Москву», можно говорить, что дело в шляпе и т. д. Но ведь это уже не далеко от утверждения, что для нас самое важное «давить на центр»... Самое же радикальное давление на всевозмож

ные центры, это—их «захваты» и «дезорганизация» разных центральных кнопок и т. д. Выйдет на глупого рассказ... Страничкой из «Черного Знамени» и т. д. Мне же больше хотелось бы верить следующей формулировке задач, сделанной Марксом для порядочной публики: 1) развитие самосознания пролетариата, 2) организация его в конечном счете в политическую партию и 3) противопоставление ее буржуазии... А теперь, если постараться ответить на такой вопрос: какой пролетариат больше нуждается в развитии самосознания для его непосредственной борьбы. Какуйской или Московской, или Смоленской, или Петербургской губернии? «Русские Ведомости» дня два тому назад отметили, что в Смоленской губернии где-то забастовало 2.000 человек ткачей и женщин-работниц. На выставленные требования администрация ответила сразу же компромиссом, но рабочие даже никого не выставляли для переговоров, ничего у них не было организовано. Забастовка тянулась 2 недели и кончилась сама собой, без всяких уступок со стороны администрации, без переговоров, без стачечного комитета, при полной дезорганизации рабочих. В описании этом я много увидел сходного с Кокуем.

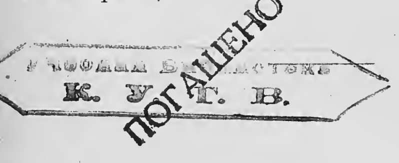
Вообще же всегда приходилось наблюдать рабочих из Петербурга более сознательных, чем провинциальные рабочие.

Не думается ли вам, что из Смоленской губернии некоторые сознательные элементы поехали щупать «пульс пролетариата» куда-либо в «промышленный центр». Я же от себя могу сказать, что нет в России сейчас ни одного такого места, где велась бы так сильно экономическая (с легкой социальной пропагандой) борьба рабочих, как на Амурской жел. дор. Там сплошная забастовка, а не работа, сплошное обдувательство рабочих и бесконечный наплыв все новых и новых рабочих... и бесконечные страдания их. Не даром же так сильно озабочено наше правительство о рекламирова-

нии найма на Амурскую жел. дорогу отчасти в угоду нашим предпринимателям, которым оно немало обязано, а также и должно деньгами. Все это меня убеждает в правоте мысли, что где буржуазия, там и пролетариат, что буржуазия не может существовать не революционизируя всего уклада жизни... А где нет теперь буржуа? Где нет этого разрушающего и созидающего процесса!

Что же касается личности, то личность—не восковая табличка, куда одинаковое настоящее одинаково вписывает по одинаковой букве. Диалектический процесс тем и отличается от «многообразий движений», что каждое предыдущее звено в развитии определяет собой формы последующего... Я не хочу сказать этим, что среда в конечном счете не определяет человека, но это «определение» обусловлено предыдущей жизнью. Но теперь перейду к личной жизни. Я все же не собираюсь на Амурскую ж. д., ибо сама работа (земляная) мне совершенно незнакома и очень тяжела. Там, где рабочих собрано не менее 200 в одном предприятии и есть еще мелкие, уже можно жить. Мне же еще хотелось, да это и необходимо кое-чему поучиться, чем конечно при первом условии можно пользоваться до известной степени в центрах. Кичливость же центров своей сознательностью и мнимым главенством мне ненавистны... Сретенск же меня держит и благодаря финансовым осложнениям. Дальше желательно было бы ехать в Питер, чем в Москву...

(Дело Московского Охранного Отделения № 5054—1910 г. Хранится в Московском Историко-Революционном Архиве).

СОДЕРЖАНИЕ

